

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ 1 КАПИТАЛА

САМОВОСПРОИЗВОДСТВО
ЛЮДЕЙ ПОСРЕДСТВОМ
ВОЗРАСТАЮЩИХ
СМЫСЛОВ

А. Курвим

А. Куприн
Общая теория капитала.
Самовоспроизводство людей
посредством возрастающих
смыслов. Часть первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68476010
SelfPub; 2024*

Аннотация

Теория капитала остается на задворках экономической науки по меньшей мере с момента завершения дискуссии двух Кембриджей. При этом никакое дальнейшее развитие экономической науки невозможно без решения вопроса о природе капитала и его исторических пределах. В книге предлагается новый подход к данному вопросу, который учитывает как достижения классической политической экономии, включая труды Карла Маркса, так и позднейшие достижения экономической теории. Показано, что природу капитала можно понять, только если выйти за пределы узкого экономического взгляда. Современная теория капитала требует учитывать достижения теорий культуры, информации и эволюции. Публикуется первая часть работы.

Содержание

Введение	7
Часть первая. Простое самовоспроизводство	14
Глава 1. Традиционное общество и простое потребление	15
1. Совместная эволюция людей и смыслов	15
Мост Генриха – Попова и первая ловушка потребностей	15
Материальная социальная абстракция в действии	21
Потребности, мотивы и эмоции	26
Строение культуры	33
2. Неопределенность, отбор и обучение	36
Неопределенность и смысл	36
Популяции в смешанном отборе	41
Эволюция обучения	45
Смысл как общий язык всех людей	48
3. Традиционный выбор и кумулятивная культура	53
Смыслы, контрфакты и выбор	53
Традиционное общество и накопление опыта	58
Смыслы, гены и мемы	63
Простое потребление и развертывание	67

потребностей	
Глава 2. Простое производство и необходимая деятельность	72
1. Развитие производства из потребления	72
Аграрная эволюция и возрастание смыслов	72
Качество и количество смыслов	83
Фигуры как элементы смыслов	92
2. Сложность смысла	98
Минимальный субъект и минимальное действие	98
Слеп ли часовщик, случайна ли культура?	105
Трудная проблема субъекта	110
3. Разделение, умножение и сложение смыслов	116
Деятельность и эффективность	116
Социально-культурный порядок и справедливость	127
Деятельная сила и свобода	139
Глава 3. Простое обращение: прибавочная деятельность и стоимость	151
1. Становление стоимости и денег	151
Кооперативное, административное и конкурентное обращение	151
Полезности, потребительные ценности и	156

СМЫСЛЫ	
Стоимость и деньги	162
Деньги и цены	169
2. Прибыль и процент	174
Прибавочная деятельность и ее норма	174
Владение, инвестиции и прибыль	181
Собственность, долг и процент	188
3. Пределы простого самовоспроизводства	196
Адаптивная эффективность и гонка с неопределенностью	196
Эволюционная рациональность и пределы традиционного мышления	205
Возрастание традиционной сложности и ее пределы	212
Список литературы	221

А. Куприн

Общая теория капитала.

Самовоспроизводство

людей посредством

возрастающих

смыслов. Часть первая

Семье

Введение

«Уровень науки определяется тем, насколько она *способна* на кризис своих основопонятий» (Хайдеггер 1997, с. 9).

«В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего» (Ленин 1967-1975, т. 45, с. 389).

Теория капитала испытала множество перипетий. Сначала в классической политической экономии. Затем в «Капитале» Карла Маркса и дискуссиях вокруг него в конце XIX – начале XX веков. Затем в работах Джона Мейнарда Кейнса, Фридриха Хайека и Фрэнка Найта и их дискуссиях 1930-х годов. Наконец, в Кембриджском споре о капитале 1950-х – 1970-х годов. Исследование сущности капитала по сути прекратилось с завершением спора двух Кембриджей. Сам же спор не имеет ясных итогов помимо того, что капитал является результатом человеческой деятельности, что в общем-то очевидно, поскольку капитал отсутствует в природе за пределами человеческой культуры. После падения социалистического лагеря широкие дискуссии о природе капитала практически не велись. Работа Тома Пикетти «Капитал в XXI веке» (2013), хотя и имеет слово «капитал» в заголовке, не пытается по-новому объяснить его природу. Пришло время для того, чтобы вновь поднять вопрос о природе капитала с учетом достижений как экономической, так и иных наук.

Разработка теории капитала с неизбежностью требует об-

ращения к работам Маркса. В силу своего исторического воздействия на умы и судьбы людей во всем мире марксизм представляет собой камень, который нельзя просто обойти или отодвинуть с дороги. Влияние марксизма определяется не только единством его теоретической формы, но и цельностью его идеологического содержания. Марксизм как теория и идеология должен быть преодолен, и сделать это нельзя путем его огульного отрицания. Преодолеть марксизм можно только путем разработки более общей теории и более актуальной идеологии, по отношению к которым результаты Маркса были бы лишь частным случаем.

Общая теория капитала требует учета достижений экономической науки после Маркса – марксистской, неоклассической, кейнсианской, австрийской, неоинституциональной школ. Ведь если общая теория капитала возможна, то эти конкурирующие теории в той или иной степени должны оказаться ее частными случаями.

Чтобы понять природу капитала, нужно рассмотреть его исторические, логические и практические *пределы*. Недостаточно установить только нижнюю историческую границу капитала, границу его *происхождения* из традиционного общества. Нужно установить также верхнюю границу, границу его *прехождения* в некоторое другое общество. Каким будет общество после капитала – этот вопрос имеет ключевое значение для построения его общей теории. Этому соответствует структура нашей книги. Она состоит из трех частей, посвя-

ценных соответственно истокам, зениту и упадку капитала.

Первая часть книги посвящена нижнему пределу, происхождению капитала из традиционного общества. Нельзя разработать теорию капитала, не разработав теорию денег и цен. Путь к капиталу с неизбежностью лежит через меновую ценность, так что приходится вернуться к трудовой теории стоимости и теории полезности, чтобы найти их общее основание. Понять нижний предел капитала можно, только обратившись к абстрактным вопросам, касающимся человеческой культуры, ее происхождения и эволюции. Здесь нам приходится повторить вслед за Альбертом Эйнштейном:

«Мы все ближе подходим к важнейшей цели науки – из наименьшего числа гипотез или аксиом логически получить дедуктивным путем максимум реальных результатов. При этом мысленный путь от аксиом к осязаемым результатам или проверяемым следствиям становится все длиннее, все тоньше. Теоретику все больше приходится руководствоваться при поисках теорий чисто математическими, формальными соображениями, поскольку физический опыт экспериментатора не дает возможности подняться прямо к сферам высочайшей абстракции» (Эйнштейн 1965-1967, т. 2, с. 279-280).

Необходимость выяснить исходные пункты общей теории капитала вынуждает нас во многих случаях прибегать к формальным и абстрактным рассуждениям, тем не менее в книге нет математических формул.

Во второй части книги рассматривается капитал в его развитой форме. Как это не парадоксально, по меньшей мере с XIX века противники капитала делали для его развития не меньше, чем сами капиталисты. Маркс разработал и начал реализацию стратегии в пользу рабочего класса. Антонио Негри называет Ленина «фабрикой стратегии» (Negri 2014). Постольку, поскольку конечной целью Маркса и Ленина было «освобождение труда», конечная цель их стратегии все еще не достигнута. Советский социализм и западный капитализм не смогли решить проблему координации личных и общественных интересов. Восток не справился с диктатурой плана так же, как Запад не справился с рыночной анархией. Смешанная экономика, на которую возлагал надежды Пол Самуэльсон (см. Самуэльсон 2002, предисловие к русскому изданию), не дает ответа. «Смешанная экономика» – это чисто внешнее соединение планового и рыночного подходов, эта концепция не дает понимания глубинных процессов и поэтому не позволяет развивать общество. Нужна новая модель, учитывающая глубинные законы развития техники, институтов и идей.

В рассуждениях Маркса были разрывы, которые указывали на стартовые точки для дальнейших исследований. Эти разрывы были обусловлены как объективными факторами – тогдашним состоянием науки и общества, так и субъективными – идеологией Маркса. Мы относим к таким разрывам:

- сведение сложности труда к пропорции между простым

и сложным трудом и связанный с этим неучет изменений в сложности рабочей силы и общества в целом;

- сведение прибавочной стоимости к результатам труда индивидуальных рабочих, а валовой прибавочной стоимости – к результатам труда рабочего класса;

- сведение процесса развития капиталистического общества к одной стороне – обобществлению, недостаточная проработка второй стороны – индивидуализации;

- непонимание того, что рост населения имеет ограничения и др.

Третья часть посвящена верхнему пределу капитала, истории его прехождения. Маркс сформулировал условия прекращения капиталистического воспроизводства: понижение нормы прибыли и гибель капиталистической частной собственности. Однако ни Маркс, ни его последователи не смогли показать условия воспроизводства, приходящего на смену капиталистическому. Внеэкономическая эксплуатация и государственная собственность, на которых основывался социализм XX века, оказались возвращением к тому, что предшествовало капиталу, а не движением к тому, что следует за ним.

Мы предлагаем взглянуть на творчество Маркса не как на научную или политическую деятельность, но как на процесс выработки и реализации стратегии в масштабах человеческой истории. Мы, в свою очередь, не разрабатываем стратегию, а пытаемся дать образ исторического будущего. Нельзя

переписать «Капитал» и не предложить при этом образ будущего, которое наступает после капитала.

К идеям Маркса нужно относиться не как к готовому результату, а как к рабочему процессу. Фридрих Энгельс в предисловии к третьему тому «Капитала» писал: «...У Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 25, ч. I, с. 16). Мы также не хотим давать «раз навсегда пригодные» определения, не хотим *формировать* у читателя какие-либо убеждения, не хотим выступать *против* имеющихся у читателя убеждений. Как известно, убеждения разделяют людей, а объединяют их сомнения. Настоящая работа не дает готовых ответов и рецептов. Она является исследовательской программой и набором исследовательских инструментов:

«Цель нашего анализа отнюдь не в том, чтобы создать такую механику или такую шаблонную схему операций, которая автоматически выдавала бы безошибочный ответ, а в том, чтобы обеспечить себя методом для систематического и планомерного изучения ряда проблем» (Кейнс 2007, с. 276).

Идеи Маркса оказались рассчитаны на столь дальнюю перспективу, что и в XXI веке они лучше всего читаются в контексте футурологических трудов. Вместе с тем, XX век дал такой опыт практической реализации идей Маркса, после которого само по себе обращение к этим идеям для многих людей стоит значительных усилий – из-за морального неприятия или равнодушия, выработанного многолетней

пропагандой. Однако, прежде чем, быть может, расстаться с Марксом, нам придется сделать усилие, чтобы еще раз вернуться к нему.

Часть первая. Простое самовоспроизводство

«... Как само общество производит человека как *человека*, так и он *производит* общество» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 42, с. 118).

«... Общества куда *менее упорядочены*, чем наши теории о них» (Манн 2018-2019, т. 1, с. 32).

Глава 1. Традиционное общество и простое потребление

1. Совместная эволюция людей и смыслов

Мост Генриха – Попова и первая ловушка потребностей

Человеческая культура выступает как огромное скопление смыслов, а отдельный смысл – как элементарная форма культуры. Совместная эволюция людей как живого субъекта культуры и смыслов как ее возрастающей субстанции составляет сущность человеческой истории.

По своему происхождению смысл – это взаимная адаптация природной среды и проживающего в ней живого человеческого вида. В ходе этой взаимной адаптации *природная среда* превратилась в *набор средств* для самовоспроизводства людей, а особенности поведения протолюдей – в практики человеческого самовоспроизводства. Смысл – это *опосредование*, особая ниша в среде, которую создал для себя человеческий вид. Люди произошли от животных, поскольку

ку и когда животным пришлось прибегнуть к внебиологическим, *смысловым* механизмам самовоспроизводства. Биологические свойства передаются от человека к человеку благодаря генному наследованию, а культурные свойства – благодаря общению с другими людьми, и прежде всего в юном возрасте. Как известно, нельзя научить животное говорить, поскольку организм и поведение животных (даже человекообразных обезьян) лишены необходимых для этого свойств. Вместе с тем, истории феральных детей (маугли) показывают, что нельзя научить говорить человека старше примерно 12 лет, который в своем детстве был совершенно изолирован от общения с другими людьми.

На начальном этапе эволюции человека, этапе естественного отбора, самые первые смыслы выступали как продолжение животных органов гоминид и как дифференциация их животных сигналов. Как палка или камень выступали в качестве продолжения руки проточеловека, так разные крики или жесты для предупреждения о разных опасностях (например, об опасности с земли или с дерева) были дифференциацией животных сигналов. На этом первом этапе смыслы были лишь продолжением животного поведения, а их передача осуществлялась с помощью так называемых «животных традиций».

Как отмечает Вацлав Смил, самым ранним признаком, который отличал гоминид от других животных, стало не увеличение мозга и не изготовление орудий, а начавшийся при-

мерно 7 миллионов лет назад *структурно маловероятный переход к прямохождению*. Прямохождение позволило экономить 25 % энергии при ходьбе по сравнению с шимпанзе, высвободить руки для использования инструментов, а рот и зубы – для развития более сложной системы звуковых сигналов, то есть прото-языка. При этих изменениях понадобился более крупный мозг с потребностями в энергии в три раза больше, чем у мозга шимпанзе (см. Смил 2020, с. 27-28). Конечно, прямохождение само требует какого-то объяснения, которое не сводилось бы к маловероятной случайности. Вместе с тем, как отмечает Джозеф Генрих, точная эволюционная последовательность, в которой появились смыслы – жесты, звуковая речь, социальные нормы и инструменты – не имеет решающего значения, поскольку культурная эволюция создавала существенное генетическое давление во всех направлениях. Если освобождение рук вело к развитию языка, то развитие языка освобождало руки для использования инструментов, приготовления пищи и поддержания равновесия во время преследования добычи (Henrich 2016, p. 252).

Культура как накопление смыслов начинается там, где животный вид выходит за пределы естественного отбора (приспособления к среде) и начинает приспосабливать среду к своим потребностям, то есть формирует собственную природную нишу. Формирование ниши означает, во-первых, что органы животного и их функции выходят за пределы животного организма, часть среды становится «продолжени-

ем» организма; например, человекообразная обезьяна берет палку, чтобы «удлиннить» свою руку и вытащить термитов – ее любимое лакомство – из термитника. Во-вторых, организм постепенно меняется вследствие своих собственных действий, изменяющих нишу; например, увеличение размера мозга у людей с развитием осмысленных действий. Эволюция смыслов – это эволюция опосредованного, окольного, орудийного и символического поведения, направленного на выстраивание ниши внутри природы, *дома* для людей.

Как образно подмечает Генрих, для начала культурной эволюции нужно было в один прыжок перепрыгнуть пропасть, которую на самом деле можно перепрыгнуть только в два прыжка. Нужно было обеспечить и больший размер мозга, и большее количество смыслов. Для такого прыжка нужен мост.

«Когда кумулятивная культурная эволюция запущена, она может создать богатый культурный мир, полный адаптивных инструментов, техник и ноу-хау, которые могут с лихвой окупить затраты на создание и программирование более крупного мозга, разработанного и оснащенного для культурного обучения. Однако вначале имеется немного такого, что можно было бы приобрести через культурное обучение, а то, что есть, достаточно просто, так что это можно выучить собственными индивидуальными усилиями (без социального обучения), например, методом проб и ошибок. Таким образом, естественный отбор не благоприятствует большему

размеру или сложности мозга, потому что его разработка и программирование обходятся дорого» (Henrich 2016, p. 297).

Согласно гипотезе Генриха, проблема «моста» была решена за счет двух встречных процессов (Henrich 2016, p. 298-311). Во-первых, за счет наращивания количества смыслов без большого увеличения объема мозга – за счет формирования в условиях открытой местности с обилием хищников больших групп гоминид для совместной защиты и более интенсивного обмена смыслами. Во-вторых, за счет сокращения затрат на создание и поддержание более крупного мозга. Генрих считает, что для избежания кровосмешения, как и у современных шимпанзе, у гоминид самки при достижении половозрелого возраста покидали свою группу и переходили в соседнюю, теряя всякие родственные связи. Формирование в больших группах устойчивых прото-семейных пар, в которых родство ребенка можно было установить не только по линии матери, но и по линии отца, позволяло установить круг свойственников матери, то есть родственников ребенка (аллородителей). Это обеспечивало ребенку их заботу и распределяло нагрузку по воспитанию ребенка на большее число особей, позволяло увеличить и время, в течение которого ребенок мог перенимать культуру, и размер его мозга. Думается, могут быть предложены и другие гипотезы «недостающего звена» – то есть тех практик самовоспроизводства, которые позволили перекинуть мост между психи-

ческими возможностями высших приматов и интеллектом человека разумного, живущего в мире символов. Евгений Панов полагает, что обнаружен вход на мост, но его большая часть не сохранилась, а остатки, возможно, никогда не будут найдены (Панов 2012, с. 383).

Проблема моста между животными и людьми вызывает бесконечные споры. Чарльз Дарвин считал, что «как бы ни было велико умственное различие между человеком и высшими животными, оно только количественное, а не качественное» (Дарвин 1935-1959, т. 5, с. 239). Однако Дерек Пенн и его коллеги пишут, что Дарвин ошибался, что глубокая биологическая преемственность между человеком и животными маскирует столь же глубокий разрыв между человеческим и нечеловеческим разумом, между их способностью применять системы абстрактных физических символов (Penn et al. 2008). Мы не беремся здесь решать эту проблему. Видимо, в какой-то точке группа высших приматов больше не могла воспроизвести себя в рамках программы животного поведения. В этой критической точке животные прибегли к новым практикам самовоспроизводства и у них появились новые потребности. Прото-люди попали в «ловушку потребностей», в которой их животные потребности начали превращаться в потребности культурные, их *животное поведение* – в поведение осмысленное, то есть *деятельность*.

Материальная социальная абстракция в действии

Если поведение – это приспособление к среде, то деятельность – это приспособление среды к своим потребностям. «Ловушка потребностей» означала, что прото-люди теперь должны были вновь и вновь превращать *среду*, включая свои собственные организмы и поведение, в *средство* самовоспроизводства на основе передачи и обработки социальной информации. После того, как критическая точка была пройдена, уровень адаптации к окружающей среде, степень удовлетворения потребностей прото-людей стали определяться не только их животными инстинктами, но и *абстрактностью и социальностью* их действий. Бенджамин Шумахер замечает, что информация представляет собой парадокс: с одной стороны, она материальна, с другой стороны – абстрактна. Когда мы хотим поделиться информацией, мы должны придать ей физическую форму сигнала – звукового, светового, электрического и так далее. Однако по своему содержанию информация абстрактна: сообщения, которые переносятся физическими сигналами, не идентичны самим сигналам (Schumacher 2015, p. 4).

Смысл как элементарная форма культуры – это *социальная информация в действии*, то есть действие, которое обладает одновременно социальными, материальными и аб-

страктными свойствами. Деятельный аспект культуры упускается в большинстве ее определений, вот один из примеров: «Культура – это информация, приобретаемая от других людей с помощью социальных механизмов передачи, таких как имитация, обучение или язык» (Месуди 2019, с. 23). На самом деле культура не сводится к информации и способам ее передачи, культура – это совокупность человеческих действий и результатов этих действий. В отличие от генов, которые привязаны к организму, смыслы могут выходить за пределы человека, они могут существовать не только в организме человека, но и в событиях культуры. Однако, выходя за пределы человека, смыслы могут существовать только в человеческой деятельности. Смыслы воспроизводятся только в *человеческой деятельности*, как гены воспроизводятся только в *живом организме*.

Самовоспроизводство человека как культурного существа основывается на развитии всех трех сторон человеческой деятельности: абстрактной, социальной и материальной.

(1) Эволюция *абстрактной стороны* деятельности состоит в развитии *мышления* (интеллекта или рассудка, если говорить о способности к мышлению), то есть сложных видов адаптации, основанных на повторяемости и специализации сигналов (стимулов) и увеличении размеров мозга. С этой стороны смысл есть отражение (описание, *опосредование*) среды в деятельности животного, то есть *абстрактное действие*.

Развиваясь как абстрактное действие, человеческое мышление остается вместе с тем действием глубоко эмоциональным, основанным на животных инстинктах. Деятельность людей осмыслена – она основана на накоплении, сортировке и обработке информации, накоплении знаний и навыков, то есть опыта, применении опыта к решению задач. В совокупности это называют рассудком или интеллектом. Но интеллект – это лишь вершина огромного массива «тупых процессов», вырастающих из культурного обучения (Henrich 2016, p. 12). Поведенческие акты, основанные на обучении, такие как мораль, нравы, приемы, обычаи и т. п., мы называем *практиками*. Тысячи и десятки тысяч поколений людей производят практики, которые оказываются «умнее», чем интеллект любого отдельно взятого индивида или даже группы. Естественная эволюция меняет простые процессы – инстинкты, позволяя животным адаптироваться к сложной природной среде. Культурная эволюция также меняет простые процессы – практики, позволяя людям адаптироваться к их сложной естественной и искусственной среде обитания. Инстинкты, практики и интеллект – три основных элементарных типа поведенческих актов, различие между которыми восходит к работам Дарвина (см. Крушинский 1986, с. 134; Зорина и Смирнова 2006, с. 42).

(2) Развитие *социальной стороны* деятельности основано на способности людей передавать сложные виды адаптации через негенетические механизмы – механизмы *общения*, и

прежде всего через обучение. Смысл – это *социальная абстракция*, поскольку смысл существует только в совместной деятельности людей как субъекта культуры.

Социальность не является исключительной чертой людей. Хотя считается, что общение обезьян сводится к передаче эмоций, в действительности они выходят за пределы эмоционального общения и обмениваются референтными сигналами: не просто подают сигнал об опасности, но указывают на вид приближающегося хищника. Способность подавать такие сигналы не является врожденной, она появляется у обезьян по мере обучения в юности (King 2001, p. 33). И животные, и люди обмениваются сигналами, которые несут в себе сообщения (информацию). Однако форма и содержание человеческих сигналов отличается от формы и содержания сигналов животных. Если сигналы животных выступают в качестве *стимулов*, предполагающих непосредственную, эмоциональную реакцию, то сигналы людей – это *символы*, требующие опосредованной, абстрактной реакции. Сигнал показывает, что нечто произошло и какой может быть ответ, но не требует моделировать ситуацию (произошедшее событие) и программу действий. Напротив, символ – это сигнал, который предполагает модель события и модель реагирования, адекватную данному событию (см. Фридман 2019, ч. 1, с. 24).

Как известно, человекообразные обезьяны способны научиться символическому языку, такому как амслен или йер-

киш (Зорина и Смирнова 2006, с. 137 слл.). Но они не могут выучить человеческий язык – не только из-за особенностей анатомии, но и потому, что их голосовые реакции носят произвольный, непосредственно эмоциональный характер (Зорина и Смирнова 2006, с. 103-104). Человеческие символы, и прежде всего язык, произошли в процессе эволюции из жестов, звуков и других сигналов, которыми обмениваются животные. По мнению Джорджа Мида, важнейшее значение в происхождении символов имели голосовые жесты, поскольку они моделировали поведение не только адресата, но и автора стимула (Мид 1994). По мнению Владимира Фридмана, переход от стимулов к символам произошел через обособление прото-символов («демонстраций») от прямых действий животных в отношении друг друга и от эмоциональных реакций, выражающих их внутреннее состояние (Фридман 2019, ч. 1, с. 59).

Иван Павлов писал, что впечатления, ощущения и представления об окружающей внешней среде – это первая сигнальная система, общая у нас с животными. «Но слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов. Многочисленные раздражения словом, с одной стороны, удалили нас от действительности, и поэтому мы постоянно должны помнить это, чтобы не исказить наши отношения к действительности. С другой стороны, именно слово сделало нас людьми» (Павлов 1973, с. 497). Но сигнал сигнала – это

не только слово, но и любое абстрактное, символическое действие. Выражением абстрактного движения является как слово, так и, например, человеческий жест или орудийное действие.

(3) Эволюция *материальной стороны* деятельности направлена на развитие ниши, которую люди занимают в действительности. От поколения к поколению люди расширяют ту часть среды, которую они применяют как средство деятельности, расширяют границы своего дома. Смысл – это *материальная абстракция*, поскольку смысл представляет собой и процесс взаимодействия с вещами (*вещения*), и материальные условия и результат человеческого самовоспроизводства.

Смысл сделал из гоминидов человека. Результатом совместной эволюции прото-людей и смыслов стал человек разумный. Если посмотреть на единство, которое образуют люди и смыслы, со стороны людей, то мы увидим общество, а если посмотреть на то же самое единство со стороны смыслов, то мы увидим культуру. Это единство мы будем называть обществом-культурой.

Потребности, мотивы и эмоции

Самовоспроизводство людей как живых существ происходит через удовлетворение их потребностей. «Наличие у субъекта потребностей – такое же фундаментальное усло-

вие его существования, как и обмен веществ [и обмен сигналами – А. К.]. Собственно, это – разные выражения одного и того же» (Леонтьев 1971). Удовлетворение потребностей есть процесс самовоспроизводства людей, взятый в целом. По своей сути потребление – это производство человека, продуктом потребления является сам человек. Первоначально потребление основывалось на присвоении материала природы и его минимально необходимом изменении, опосредовании.

Смысл – это средство, которое в процессе эволюции стало целью. Цели – это результаты возможных действий, представляемые субъектом. Умение ставить цели, то есть *представлять* себе средства и *выбирать* среди них – это то, что отличает человека от животного, также использующего среду в качестве средства. «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 189).

Эволюция смыслов начиналась с самых простых действий и их результатов, как, например, создание чоппера. Простейший чоппер – галька, у которой заточили край, отколов от него осколки другим камнем – получается в результате движений гоминида. Совокупность движений образует целост-

ное действие, результатом которого является чоппер. Для того, чтобы возник смысл, необходимы гоминид, его орудийное действие и чоппер как результат действия. «Момент», в который гоминид стал целенаправленно создавать чопперы, является вместе с тем моментом, когда природа стала для гоминида средством и возникла культура. Очевидно, что этот «момент» является на самом деле растянутым во времени мостом, а пролеты этого моста требуют дальнейших исследований.

Муравьи из трибы *Attini* выращивают грибы *Basidiomycota*, которые перерабатывают листья, срезаемые муравьями. Муравьи, в свою очередь, питаются богатыми белком «муравьиными кольраби», вырастающими на грибах. Таким образом, муравьи не просто применяют средства, но ведут целый «вид деятельности», своеобразное «сельское хозяйство». Однако деятельность муравьев остается в пределах, установленных их генетической программой. Их поведение меняется лишь постольку, поскольку эволюционируют их инстинкты, и не может меняться благодаря наследованию практик, основанных на обучении и не привязанных к инстинктам. В отличие от муравьев, люди *представляют* перед тем, как *действовать*. «Новые технологии конструируются мысленно, прежде чем они конструируются физически» (Arthur 2011, p. 23).

Животные не имеют целей и средств, но они имеют потребности или нужды. Потребность – это направленность

живого существа на то, чего нет. «В своих первичных биологических формах потребность есть состояние организма, выражающее его объективную нужду в дополнении, которое лежит вне его» (Леонтьев 1971). Теренс Дикон ввел понятие «энтенция», которое можно рассматривать как своего рода обобщение понятия «потребность». Энтенция – это соединение направленности и нехватки: «фундаментальное отношение к чему-то отсутствующему» (Deacon 2013, p. 27). Предметом, на который направлена потребность, является мотив.

«... Мотивы следует отличать от сознательных целей и намерений; мотивы “стоят за целями”, побуждают к достижению целей. В том же случае, когда цели прямо не даны в ситуации, то они побуждают к целеобразованию. Они, однако, не порождают целей – так же как потребности не порождают своих объектов. То, что на уровне приспособительной деятельности выступает в форме избирательности по отношению к воздействующим объектам, на высших ее уровнях выражается в избирательности по отношению к предвидимым результатам возможных действий, представляемым (сознаваемым) субъектом, т.е. целям» (Леонтьев 1971).

Эмоции – это внутренние сигналы, которые отражают отношения между мотивами и деятельностью, обусловленной этими мотивами. Алексей Леонтьев сводил эмоции к отражению смысла: «К эмоциональным процессам относится широкий класс процессов внутренней регуляции деятельно-

сти. Эту функцию они выполняют, отражая тот смысл, который имеют объекты и ситуации, воздействующие на субъекта, их значения для осуществления его жизни» (Леонтьев 1971). Думается, исторически это не совсем верно, поскольку если бы смысл предшествовал эмоциям, то обезьяны были бы подобны роботам, и нам теперь приходилось бы искать не мост от эмоций к смыслам, а мост от смыслов к эмоциям. На деле смысл вырос из эмоции, она все еще составляет огромную часть его содержания. «Изначальные эмоции – это субъективный элемент инстинктов, которые представляют собой генетически запрограммированные модели поведения, обеспечивающие гомеостаз. К ним относятся жажда, нужда в дыхании, нужда в пище, боль, нужда в определенных минералах и т. д.» (Denton et al. 2009). Смысл представляет собой символизацию и опосредование эмоции.

У людей эмоциональные процессы вышли за пределы инстинктивной реакции на сигналы и в ходе эволюции культуры послужили одним из источников смыслов, по мере того как в длительном эволюционном процессе опосредования смыслы в той или иной степени абстрагировались от своего эмоционального содержания. У человека нет бессмысленных эмоций, любую эмоцию человек объясняет, то есть осмысляет. Вместе с тем, смыслы имеют те или иные эмоциональные значения. Эти эмоциональные значения выступают на передний план в ценностях: ценности – это смыслы, упорядоченные по предпочтению. Милтон Рокич назы-

вал ценности «когнитивными репрезентациями потребностей», указывая при этом, что связь между потребностями и ценностями носит не прямой, а опосредованный характер (Rokeach 1973, p. 48-49).

Ценности даны человеку не только в представлении, но и в бытии. Для субъекта обстоятельства среды, вещи и явления предстают как ценности: положительные (*блага* или *возможности*) или отрицательные (*зла* или *риски*). Существует и другое понимание ценностей, желающее подчеркнуть преемственность между биологическим и культурным в человеке, согласно которому потребности – и ценности как их выражение – не являются исключительным свойством людей, что они свойственны для живой природы вообще. «Ценность – более абстрактная категория, чем организмы, поскольку это единственное, чему следуют все организмы» (Frisina 2002, p. 217).

Человеческие чувства – как непосредственные восприятия, так и чувства, опосредованные мотивами, то есть эмоции – всегда осмысленны, то есть представляют собой ту или иную степень *абстрактного* или, если смотреть на смыслы со стороны материального (чувственного), они представляют собой ту или иную степень *конкретного*. Двойственная природа смысла отразилась в этимологии. На чувственно-конкретную сторону смысла указывает происхождение слова *sense* в английском языке. Здесь слово «смысл» этимологически произошло от слова «чувство». На абстрактно-со-

циальную сторону смысла указывает происхождение слова «смысл» в русском языке – от «мысль», «мы шлем» (Чечулин 2011). Потребности и социальность – это то, что отличает смысл от простой информации, лишенной значения и направленности. Понятие «информация» и наука об информации появились тогда, когда люди начали рассматривать природу как часть культуры, *лишенную направления*.

Те мотивы, эмоции и представления, которые не находят своего выражения в результатах деятельности индивида, остаются навсегда скрыты в глубинах его мышления. Они не существуют для общества и не образуют смысла. Они остаются *ментифактами*, мыслительными процессами, существующими только для субъекта этих мотивов, эмоций и представлений. Это одна крайность, в которой исчезает смысл. Другая крайность – когда смысл вырождается в мертвый результат, оторванный от общества людей, их мотивов, эмоций и представлений. В этом случае он превращается в материальную абстракцию и перестает быть смыслом, выхолощиваясь до *артефакта*, непонятной археологической находки. Например, любой письменный символ имеет смысл лишь тогда, когда он включен в человеческую деятельность, то есть имеет также субъективную сторону. Поскольку символы минойского линейного письма А не получается «включить» в нашу деятельность, они так и остаются не расшифрованными.

Строение культуры

Ментифакт и артефакт, те крайние точки, в которых смысл исчезает, указывают на две фундаментальные характеристики смысла: *определенность* и *направленность*. Там, где одна из этих характеристик пропадает, пропадает и сам смысл.

В зависимости от *направленности* на вещи, людей или идеи, можно выделить три стороны смысла: материальное действие, или вещение; социальное действие, или общение; абстрактное действие, или мышление. Выделение в человеческой культуре этих трех направлений само по себе является результатом культурной эволюции – накопления смыслов. Для каждого направления характерна своя функция. Функцией вещения является технология, общения – организация, мышления – психология.

С точки зрения *определенности* смысл представляет собой единство трех планов – содержания, выражения и нормы. Смысл неразрывно связан с естественным языком. Рой Харрис писал, что языковое сообщество – это не собрание говорящих голов. Язык нельзя рассматривать отдельно от физических действий человека, человек не только пользуется языком, но создает язык своими действиями (см. Harris 1980, Preface). Идея о выделении в естественных языках плана выражения и плана содержания принадлежит Луи Ельм-

слеву (см. Ельмслев 1960). Мы развиваем эту идею:

● Во-первых, среда отражается в человеке, его инстинктах, практиках и интеллекте, формируя содержание смыслов. План содержания включает в себе *значения* смыслов. Смысл в целом часто отождествляют со значением (планом содержания), однако, хотя значение некоторым образом ближе всего сознанию человека, смысл не сводится к значению.

● Во-вторых, человек, его мотивы, предпочтения и цели отражаются в среде, формируя выражение смыслов. План выражения включает в себе *знаковую*, материальную сторону смыслов. Сам человек, будучи биокультурным существом, продуктом как биологической, так и культурной эволюции, также представляет собой в некоторой мере выражение смысла.

● В-третьих, устойчивые моменты взаимодействия между человеком и средой отражаются в человеческой деятельности и ее результатах, формируя нормы этого взаимодействия. План нормы включает в себе устойчивые способы функционирования, или *принципы и правила* смыслов.

Три функции и три плана смыслов раскрывают строение культуры. Нижеследующая «таблица» демонстрирует узловые точки, в которых сходятся функции и планы смыслов. Мы не даем развернутых пояснений к «таблице», предлагая читателю рассмотреть ее самостоятельно. Следует лишь отметить, что действительное строение культуры, конечно, гораздо менее упорядочено, чем это изображено в «таблице»,

которая служит только для упрощения и наглядного разъяснения наших тезисов.

Функции смысла	Планы смысла		
	Выражение	Содержание	Норма
Технология	Вещение и артефакты	Знания и умения	Техники и программы*
Организация	Общение и сообщества	Отношения и сообщения	Институты и стратегии
Психология	Мышление и символы	Ощущения и представления	Убеждения и идеалы

Иллюстрация 1. Стрoение культуры

* Программы и техники здесь взяты в самом широком смысле, как любая программа и метод действий. У. Б. Артур применяет в этом случае понятие «дизайн» (Arthur 2011, p. 91).

Для начальной стадии эволюции смыслов был характерен небольшой набор действий и их результатов. Каменные и деревянные орудия, правила кочевой жизни, охотничьи и собирательские знания и навыки, простая устная речь и фетишистские представления составляли скудный арсенал палеолитических смыслов. Деятельность палеолитического человека сводилась к присвоению и потреблению предметов природы, и средства его деятельности сводились к предметам потребления, он только начинал формировать культурную нишу, свой дом внутри природной среды.

2. Неопределенность, отбор и обучение

Неопределенность и смысл

Действительность дана людям в действии. Неопределенность – это степень приспособленности (или, что то же самое, неприспособленности) действительности к человеческим потребностям и действиям. Полная приспособленность означала бы, что удовлетворение человеческих потребностей не требует от людей никаких действий, в этом случае неопределенность отсутствовала бы полностью. На практике ситуаций полной определенности почти не существует. Фрэнк Найт сводил потребности к тем нуждам, которые вызывают направленные действия.

«Мы “нуждаемся” в йоде, витаминах и массе других вещей, по поводу существования которых широкие слои населения пребывают в блаженном неведении; но мы не “испытываем в них потребности”, потому что они не порождают никаких конфликтов, а следовательно, и никакого “целенаправленного поведения”. Общая основа конфликта потребностей и, можно сказать, существования потребностей вообще – ограниченность средств удовлетворения того или иного влечения или надобности» (Найт 2003, с. 65-66).

В школьных курсах экономики неопределенность сводит-

ся к ограниченности ресурсов, к нехватке ресурсов относительно человеческих потребностей. Однако «редкость ресурсов» является лишь частным случаем неопределенности. Другим частным случаем является, например, «асимметричное знание», когда одному человеку известно то, что неизвестно другому, и он пользуется этим для обмана. Все эти частные случаи являются лишь проявлениями неопределенности, то есть непредсказуемости, неожиданности, *случайности*.

Смысл как определенность направлен на приспособление людей и действительности друг к другу, на преодоление неопределенности. Это придает смыслам большую инерцию: люди предпочитают адаптировать смыслы, а не отказываться от них. Толкотт Парсонс писал, что интерпретация – это способ, благодаря которому резкие изменения в среде не приводят к отказу от «символических формул» и «элементов культурной традиции», на которых основаны социальные системы. Парсонс называл это «адаптация посредством интерпретации» (Парсонс 2002, с. 414). Практики исторически происходят из животных традиций и ценностей, простые причинные модели предшествуют интеллекту:

«...Мораль проистекает из ценностей, а не разума. Джонатан Хайдт нашел доказательства этому. Люди пытаются оправдать свои ценности, ссылаясь на их причины, но если наши причины разрушены, мы придумываем другие, а не пересматриваем наши ценности. Наши причины оказываются

ся самообманом, притворством – мы называем их “уважительными причинами”. Причины коренятся в ценностях, а не ценности в причинах» (Collier 2018, p. 35).

Инерция смыслов ведет к формированию устойчивых смыслов – норм, и складыванию основанного на нормах *социально-культурного порядка*, в дальнейшем мы иногда будем говорить просто о *порядке* или *укладе*. Смыслы в их модуле нормы являются теми «традицией» и «общественным договором», которые позволяют обществу функционировать как единому целому. Порядок постоянно подрывается изменениями в среде. На ранней стадии культурной эволюции, пока среда сводилась главным образом к природе, порядок реагировал на события и явления в естественной среде обитания. Приспособление к окружающей среде – гораздо более быстрый процесс, чем приспособление окружающей среды к потребностям человека (см. Ливи Баччи 2010, с. 11). Однако по мере расширения культурной ниши и превращения ее в самостоятельную *культурную среду* уклад вынужден был меняться и под воздействием *культурных событий и явлений*. При этом с течением времени события культуры происходят все чаще и носят все более непредсказуемый характер.

«Как правило, экономисты не задумываются о структуре, которая накладывается людьми на их сознание для упорядочивания окружающей среды и тем самым для уменьшения неопределенности. Экономисты также не считаются с динамической природой мира, в которой мы живем и которая

продолжает ставить перед нами все новые проблемы, нуждающиеся в решении. Последний пункт поднимает фундаментальный вопрос. Если мы постоянно заняты созданием нового, небывалого прежде мира, то насколько хороша для его описания окажется наша старая теория, сделанная нами на основе накопленного опыта?» (Норт 2010, с. 26-27).

События и явления являются источником неопределенности. С точки зрения порядка событие является отклонением от нормы: «Происшествие – значимое уклонение от нормы (то есть «событие», поскольку выполнение нормы «событием» не является) – зависит от понятия нормы» (Лотман 1998, с. 224). Социально-культурный порядок направлен на то, чтобы устранить из событий неопределенность, превратить события в факты – модели событий и нормы – программы действий. Чем более осмысленным становится процесс потребления, тем больше снимается неопределенность среды, тем более осмысленно природа смотрит на человека.

Причинные модели событий и явлений, или знания, не являются исключительной прерогативой человека. Наличие элементарного рассудка у животных состоит в том, что они улавливают простейшие эмпирические законы окружающего мира, что позволяет им строить программы действий в новых ситуациях. В этом состоит отличие рассудка, или интеллекта, от любых форм практик, основанных на обучении (см. Крушинский 1986, с. 27).

«Когда в последние годы жизни Павлова в его лаборато-

рии началось изучение поведения антропоидов, он уже совершенно определенно говорил об особом виде ассоциаций, который может быть оценен как конкретное мышление: “А когда обезьяна строит свою вышку, чтобы достать плод, то это “условным рефлексом” назвать нельзя. Это есть случай образования знания, уловления нормальной связи вещей. Это – другой случай. Тут нужно сказать, что это есть начало образования знания, улавливание постоянной связи между вещами – то, что лежит в основе всей научной деятельности, законов причинности”» (Крушинский 1986, с. 10).

Уже животные имеют представление о причинности и зачатки целенаправленного поведения. Знание часто определяют как «обоснованное истинное представление». Причинные модели универсальны и позволяют строить программы действий, применимые к любым условиям, с которыми когда-либо сталкивалось общество-культура. Этим люди отличаются от животных, которые строят *эмпирические* модели ситуаций, справедливые только для некоторых условий, и создают только *вероятностные* программы действий (см. Крушинский 1986, с. 10-11). Знание не сводится к представлению, оторванному от действия. Представление только тогда обосновано, когда оно позволяет выполнить действие.

«Человек имеет возможность действовать, потому что обладает способностью открывать причинные связи, определяющие процессы изменений и становления во Вселенной. Действие требует и предполагает категорию причинности.

Действовать способен только человек, видящий мир сквозь призму причинности. В этом смысле мы можем сказать, что причинность является категорией деятельности. Категория средства и цели включает в себе категорию причина и результат» (Мизес 2005, с. 25).

Знание как причинная модель всегда является вместе с тем и навыком, то есть программой действия.

Популяции в смешанном отборе

Развитие прото-человечества было основано на самовоспроизводстве составлявших его популяций. Способность к самовоспроизводству является отличительной чертой живой системы. Популяция – это население одного живого вида в относительно замкнутой среде обитания. Ее самовоспроизводство основано на самообновлении – последовательной смене поколений особей (см. Берг 1993, с. 251-253). Если ранние популяции оставались во власти естественного отбора, то по мере накопления культуры самовоспроизводство популяций меняло свой характер: они трансформировались в общества-культуры, которые самовоспроизводились за счет не только природных, но и культурных механизмов – не только за счет передачи генов и взаимодействия с природной средой, но и за счет передачи смыслов и взаимодействия с культурной средой. *Естественный* отбор постепенно дополнялся и надстраивался *культурным* отбором.

Современные люди являются результатом этого смешанного естественного и культурного отбора, единством генотипа и смыслового типа.

На этапе смешанного отбора, продолжавшегося миллионы лет, эволюция практик шла рука об руку с эволюцией организмов, обеспечивая адаптацию прото-человеческих популяций к меняющейся природно-культурной среде – как к изменениям климата и природного ландшафта, так и к изменениям ландшафта смыслов. Смешанный отбор оставил ясные следы в самом организме человека. «...Культурное накопление коммуникативного репертуара оказывает избирательное давление на гены, отвечающие за общение: они понизили нашу гортань, чтобы расширить наш голосовой диапазон, развели аксонные связи из неокортекса глубоко в спинной мозг» (Henrich 2016, p. 251).

Мозг, как центральная часть нервной системы, играет ключевую роль в метаболизме приматов и особенно человека, у которого над первой сигнальной системой надстроена вторая. Увеличение относительных размеров мозга имело критическое значение для накопления культуры. Мозг современного человека расходует 20-25 % от метаболической энергии, в отличие от 8-10 % для других приматов и всего лишь 3-5% для прочих млекопитающих. Для увеличения массы мозга требовалось снижение массы других тканей – прежде всего органов пищеварения, что было достигнуто за счет изменения рациона питания (см. Смил 2020, с. 29).

Разведение огня и приготовление пищи на нем не являются инстинктивными действиями, это практики, передаваемые от поколения к поколению посредством обучения. И эти практики, вынеся часть процесса пищеварения за пределы организма человека, в огромной степени повлияли на то, как устроены его челюсти и пищеварительная система. Генрих со ссылкой на работу Ричарда Рэнгема пишет (Henrich 2016, p. 65-69), что овладение огнем коренным образом сократило затраты энергии на работу органов пищеварения, а это, в свою очередь, повлияло на строение нервной системы и объем мозга людей, что являлось условием для дальнейшего накопления смыслов. Как говорит Джеймс Скотт, овладение огнем не только привело к изменениям в человеческом организме, но и позволило человеку в огромной степени расширить свою экологическую нишу. Люди стали пользоваться огнем для изменения природных ландшафтов, создания условий для размножения интересных им животных и растений, что с течением времени привело к концентрации флоры и фауны вокруг человеческих поселений, к образованию все более обильных и более предсказуемых источников питания в шаговой доступности от жилища, к оседлости и одомашниванию (см. Скотт 2020, с. 58-60).

Смешанный естественный и культурный отбор приводил к генетическим изменениям, формировал биокультурные особенности прото-людей, усиливая одни их стороны и ослабляя другие, таким образом приводил к психофизиоло-

гическим, морально-волевым и когнитивным искажениям в прото-людях, формируя их *склонности*. Склонности, в свою очередь, оказывали влияние на последующий отбор, который усиливал эти склонности. Так постепенно происходило одомашнивание человека. Задолго до того, как начать искусственный отбор домашних животных, люди начали культурный отбор самих себя. Как говорит Мэтт Ридли, человек – это самоодомашненная обезьяна (Ридли 2011, с. 397).

«... Человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 188).

В результате длившегося миллионы лет смешанного отбора культура оказалась заложена в саму природу, в гены человека. Однажды возникнув, культура стала оказывать на природу обратное влияние, создавая культурную среду внутри среды природы и одомашнивая прото-людей, превращая их в человека современного типа. «В диалектике природы и

социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя» (Бергер и Лукман 1995, с. 295).

Эволюция обучения

Передача смыслов между людьми, то есть обучение, основано на *имитации* или *подражании*, а не на копировании. Подражатель не имеет доступа к содержанию смысла, который он приобретает, и не может скопировать смысл целиком. Поэтому передача смысла основана на деятельном общении с другими людьми – усвоении *нормы* на основе *выражения* – от которого подражатель продвигается к *содержанию*, то есть пониманию. Таким образом он постепенно входит внутрь смыслов, и осваивает одну за другой те культурные области, которые прежде были недоступны его пониманию.

«... Культурный эквивалент генотипа – это информация, которая хранится в мозгу у человека и содержит его убеждения, навыки, знания и прочее. А культурный эквивалент фенотипа – это выражение такой информации в виде поведения, речи и артефактов. Именно второе – эквивалент фенотипа – копируется в процессе культурной передачи. Мы не получаем нейронные паттерны напрямую из мозга другого человека, мы копируем его поведение, слушаем его речь,

читаем написанное им» (Месуди 2019, с. 89-90).

Таков косвенный порядок наследования культуры: подражание, то есть копирование выражения в пространстве нормы, предшествует пониманию содержания. Передача идей опосредуется внешней средой. В природе наследование происходит в прямом порядке: сначала копируется генетическое содержание, а затем генотип во взаимодействии со средой формирует фенотип – внешние характеристики организма. Различие между прямой передачей генов и косвенной передачей смыслов было одной из изначальных проблем для меметики, которая пришла к концепции мема, отталкиваясь от научного аппарата генетики. «Серьезная проблема для меметики заключается в том, что когда одни и те же идеи распространяются среди населения, это редко происходит потому, что они буквально копируются друг у друга» (Lewens 2018).

Наследственная изменчивость смыслов состоит в наиболее точном повторении смыслов следующим поколением людей. Неспособность людей аутентично повторить смысл ведет к его гибели, поэтому, как показывает Генрих, люди склонны «сверхимитировать», то есть копировать смыслы с избыточной точностью (Henrich 2016, p. 108-109). Способность людей улучшать смыслы (или по меньшей мере не давать им деградировать) при прочих равных условиях зависит от численности и социальности человеческой популяции. Размеры и качество общества-культуры влияют на куль-

турную эволюцию, на адаптивный ландшафт смыслов.

Отличие косвенной передачи смыслов от прямой передачи генов приводит к тому, что полученные смыслы могут мешать выживанию людей. Если выживание генов целиком и полностью зависит от выживания живых организмов, имеющих эти гены, то смыслы не привязаны жестко к своим носителям, поэтому в популяции могут распространяться смыслы, которые негативно влияют на самовоспроизводство людей. «Косвенная передача открывает возможность того, что некоторые черты могут распространяться в популяции, несмотря на то, что они снижают приспособленность людей, которые являются их носителями» (Lewens 2018). Известными примерами являются алкоголизм и наркомания.

С точки зрения обучения культурная эволюция прошла две стадии: стадию *социального обучения*, на которой передавались смыслы, которые в принципе могли быть переоткрыты каждым индивидом заново путем индивидуального обучения (*самообучения*, то есть самостоятельного открытия или изобретения), и стадию *культурного обучения*, на которой люди стали передавать друг другу смыслы, которым отдельный индивид независимо от его способностей не смог бы самостоятельно научиться за всю свою жизнь.

Социальное обучение характерно для ранних стадий культурного отбора, на которых смыслы передавались между гоминидами благодаря их стадности, то есть их *животной социальности*, и сами смыслы были еще непосредственно

включены в животное поведение гоминид, выступая в виде животных сигналов и приспособлений. Если какие-либо смыслы терялись в процессе передачи, они могли быть открыты или изобретены заново, за счет самообучения. На поздних стадиях культурного отбора смыслы вышли за пределы природы и образовали самостоятельное царство, в котором деятельные абстракции постепенно обособились от непосредственно животного поведения в виде слов и орудий. Передача смыслов стала происходить путем культурного обучения, а сложность передаваемых смыслов уже не позволяла научиться им самостоятельно, если по какой-то причине сообщество их утратило. В то же время культурное обучение позволило перейти от накопления индивидуального опыта к накоплению культурного опыта, возраставшего от поколения к поколению.

Смысл как общий язык всех людей

Ева Яблонка и Мэрион Лэмб пишут, что «переход к человеческому обществу с языковым общением потребовал изменений в анатомии и сенсомоторной системе, а также повышения когнитивных способностей, но часть перехода, которую труднее всего объяснить, – это то, как люди приобрели способность быстро овладевать сложными правилами грамматики в юности» (Jablonka and Lamb 2006, p. 243). Согласно их предположению, эта способность могла возникнуть в

ходе совместной эволюции генов и культуры. Если изначально вся языковая информация передавалась через социальное обучение, то по мере того, как общение приобретало для групп гоминид все большее значение, происходил культурный отбор индивидов на способность быстро и точно изучать элементы языка, результатом чего стала частичная генетическая ассимиляция основы этих элементов. При таком предположении возникает вопрос: как получилось, что в результате коэволюции популяций и их языков в наши дни любой ребенок может выучить любой язык, то есть почему у любого ребенка есть способность к изучению любого из пяти или шести тысяч человеческих языков. Ответ может состоять либо в том, что в период, когда складывалась генетическая способность к языку, у всех гоминид был один и тот же язык (а дальнейшее развитие языков не потребовало изменений в генетической способности); либо в том, что генетическая способность развилась применительно к некоторой общей основе, имеющейся у всех языков.

Вариант, согласно которому на протяжении сотен тысяч и миллионов лет в разных группах гоминид существовал один и тот же язык, выглядит маловероятным. Эволюция языков за последние несколько тысяч лет неплохо изучена (в том числе на основании письменных источников), и она показывает, что языки быстро расходятся между собой по мере географического расселения их носителей. Более вероятным представляется вариант, согласно которому генети-

ческая способность к изучению языков развилась применительно к их общей основе, по отношению к которой отдельные языки выступают как ее план выражения. В то же время, Дамиан Блази и его коллеги, проанализировав 40-100 «базовых слов» из примерно 3700 языков, показали, что имеется устойчивая связь между звучанием и значением: базовые слова со сходным значением имеют сходство в звучании. Это сходство может быть связано как с происхождением разных языков от одного общего предка, так и с позднейшими заимствованиями между языками, либо с иными причинами, которые делают определенные звуки более предпочтительными для выражения данных значений (Blasi et al. 2016).

В свое время Исаак Ньютон и Готфрид Лейбниц независимо друг от друга пришли не только к дифференциальному исчислению, но и к идее единого человеческого языка, основанного на природе самих вещей. Ньютон писал: «Диалекты отдельных языков так сильно различаются, что всеобщий Язык не может быть выведен из них столь верно, как из природы самих вещей, которая едина для всех народов и на основе которой весь Язык был создан вначале» (Ньютон 1997, с. 320). Лейбниц полагал, что существует алфавит человеческих мыслей, то есть простые понятия или «буквы», из которых складываются все человеческие мысли, и на этом алфавите основан врожденный язык (Вежбицкая 2011, с. 85).

Как это не покажется странным, мысли складываются не из понятий, не из образов, не из букв, не из слов. Мысли

складываются из смыслов. Как говорит Дуглас Хофштадтер: «Никого не смущает идея, что “один и тот же роман” может существовать на двух разных языках, в двух разных культурах. Но что такое роман? Роман – это не конкретная последовательность слов, потому что если бы это было так, он мог бы быть написан только на одном языке, в одной культуре. Нет, роман – это паттерн, то есть определенный набор персонажей, событий, настроений, тонов, шуток, намеков и многого другого. Итак, роман – это абстракция, и, следовательно, “один и тот же роман” может существовать на разных языках, в разных культурах, даже в культурах, которые процветают на дистанции в сотнях лет друг от друга» (Hofstadter 2007, p. 224).

Смысл, или *социальное и материальное абстрактное действие*, является тем общим содержанием всех языков, по отношению к которому они выступают как элементы плана выражения. Смысл связан со своим языковым выражением посредством деятельной языковой нормы и передается благодаря этой норме. Эвальд Ильенков писал в «Соображениях по вопросу об отношении мышления и языка (речи)» (1977):

«“Глубинные структуры”, выявленные Хомским, действительно складываются в онтогенезе, в процессе развития ребенка раньше, чем он становится способным говорить и понимать речь. И не нужно быть марксистом, чтобы увидеть их очевидную, можно сказать, осязаемую реальность в образе *сенсомоторных схем*, т. е. схем непосредственной дея-

тельности становящегося человека *с вещами и в вещах* в виде сугубо телесного феномена – взаимодействия одного тела с другими телами, вне его находящимися. Эти сенсомоторные схемы, как их именует Пиаже, или “глубинные структуры”, как их предпочитают называть лингвисты, и есть то самое, что философия издавна титулует логическими формами, или формами “мышления как такового”» (Ильенков 2019-, т. 5, с. 243-244).

Может ли человек прийти к смыслу, минуя слово? Можно ли свести речь к совокупности жестов, тактильных ощущений, а не слов? Хотя Загорский эксперимент по обучению слепоглохих детей не дал окончательного ответа на эти вопросы, мы склоняемся к тому, что, видимо, не может.

Изучение речевого развития ребенка дает ключ к пониманию речевого развития человечества. Ребенок осваивает язык через социально активированный, то есть насыщенный деятельными нормами план выражения. Деятельные нормы в данном случае – это сенсомоторные схемы и построенные на них модели ситуаций и программы действий: связи сигналов (слов, жестов) и действий: «есть», «пить», «спать», «гулять» и т. д. Младенец предрасположен к усвоению этих связей.

3. Традиционный выбор и кумулятивная культура

Смыслы, контрфакты и выбор

Как говорил Константин Циолковский, сгущение энергии в звездах предшествовало развитию организмов (см. Циолковский 2004, с. 105). Жизнь с ее законами отбора берет начало в неживом с его законами гравитации. В свою очередь, культура берет свое начало в жизни. Органическая эволюция движется через отбор внутри популяций, то есть через вариативность, требующую смены поколений особей. Культурная эволюция начинается внутри естественного отбора – как культурный отбор особей, происходящий не только на основе вариации генов, но и на основе вариации смыслов. Однако если гены, как элементы биологической информации, жестко привязаны к своим носителям – особям и популяциям – и не могут изменяться независимо от организмов, то смыслы, как элементы культурной информации, как социально передаваемые материальные абстрактные действия, могут изменяться независимо от организмов людей – в тех рамках, которые установлены деятельной силой людей, их инстинктами, практиками и интеллектом.

Как показал Леонид Крушинский, если на ранних этапах

биологической эволюции поведение животных формируется под ведущим влиянием инстинктов, то по мере усложнения нервной системы все большую роль в их адаптивном поведении начинает играть обучение (практика), а у человека современного типа с его дифференцированным конечным мозгом поведение в большой степени определяется рассудком (Крушинский 1986, с. 135-136). При этом «в основе рассудочной деятельности лежит чрезвычайно широкая норма реакции, акты поведения, осуществляемые при участии рассудка, могут выходить далеко за пределы тех форм поведения, которые возникли как приспособления к конкретным условиям обитания» (Крушинский 1986, с. 80). Вместе с тем, рассудок не отработан в такой степени естественным отбором, как обучение, поэтому при частом решении новых задач начинаются неврозы (см. Крушинский 1986, с. 228-229).

Практика и интеллект не являются исключительным свойством людей. Животные также имеют свои «животные традиции» и свой «животный интеллект». Однако различие между животным и человеком не сводится к количеству, как это видел Дарвин. Различие между ними качественное: животные, хотя и пользуются средствами, остаются внутри природы. Их средства не образуют обособленную от природы культурную среду обитания.

Роберт Сапольски отмечает, что широкая норма реакции, лежащая в основе интеллекта человека, сама является результатом эволюции (мы бы сказали, смешанного отбора),

которая освободила мозг человека от жесткого контроля со стороны генетической программы:

«Поскольку она созревает последней, по определению, лобная кора – это область мозга, наименее ограниченная генами и наиболее сформированная опытом. Это так и должно быть, чтобы мы были тем в высшей степени сложным социальным видом, которым мы являемся. Как это ни странно, но генетическая программа развития человеческого мозга, по видимому, эволюционировала таким образом, чтобы максимально освободить лобную кору от влияния генов» (Sapolsky 2017, p. 173).

Развитие рассудка с его широкой нормой реакции равнозначно развитию контрфактов. Контрфакты – это, так сказать, альтернативные факты – то, что могло бы быть, но не было сделано, не вошло в культурный репертуар и не было передано путем обучения. Контрфакты появились одновременно с самими смыслами как их случайные вариации, которые возникали при планировании и воспроизводстве действий. Сама по себе такая случайность была лишь пересечением закономерностей: «то, что мы считаем фундаментальной случайностью, может быть результатом простых взаимодействующих правил» (Page 2009, p. 38). По мере развития смыслов контрфакты стали приобретать все более самостоятельное значение, стали превращаться в *альтернативный мир*. В своей «Книге причин» (2018) Джуда Перл в качестве примера контрфакта приводит статуэтку «человека-льва»,

вырезанную из бивня мамонта 40 000 лет назад и изображающую фантастическую помесь человека и животного (Pearl and Mackenzie 2018, p. 34-35).

Перл выделяет три ступени в лестнице, ведущей к познанию причин: «видеть», «делать» и «воображать». На первой ступени стоят большинство животных и компьютеры, которые обучаются через ассоциации (Иван Павлов говорил в этом случае об условных рефлексах). На второй ступени – ранние люди, которые вмешиваются в события, применяют орудия и действуют на основании плана, а не просто подражают, а также дети, которые экспериментируют, чтобы учиться на опыте. На третьей ступени – «те, кто учится через контрфакты, могут вообразить несуществующие миры и делать выводы о причинах наблюдаемых явлений» (Pearl and Mackenzie 2018, p. 28).

Начавшись как культурный *отбор*, эволюция смыслов очень медленно и постепенно, но во все большей мере продолжалась как культурный *выбор*. В отличие от культурного отбора, выбор смыслов реализуется через вариативность, требующую смены *поколений смыслов*, а не поколений людей. На этапе выбора развитие смыслов отрывается от развития организма человека и приобретает самостоятельность. Смыслы перестают быть продолжением организма человека, они все больше становятся внешней по отношению к нему субстанцией. Из объекта биокультурной коэволюции человек становится ее субъектом, принимает на себя функцию

отрицания фактов, генерации *контрфактов* и ускоренного их отбора. Чем более развитой становится эта способность отрицать данное, тем больше человеческий *рассудок* превращается в *разум*. Как говорил Никита Моисеев, происходит переход «от стратегии природы к стратегии разума» (Моисеев 1990, с. 223 слл.). Если смешанный отбор – это совместное действие сил природы и культуры, то выбор – это целенаправленное действие человека. Выбор – это действие человека и результат действия, то есть выбор между контрфактами сам по себе является смыслом.

Скотт Пэйдж в своем лекционном курсе «Понимание сложности» проводит четыре различия между системами, в которых разнообразие возникает в результате отбора – и системами, в которых разнообразие возникает в результате выбора (см. Page 2009, p. 14):

- величина скачков: отбор идет мелкими скачками, а выбор может двигаться большими: эволюция живого не может скрестить слона с тигром, а эволюция смыслов может;

- жизнеспособность промежуточных состояний: при отборе все промежуточные стадии должны быть самостоятельно жизнеспособными, при выборе промежуточные стадии могут быть не способными к самостоятельному функционированию; главное, чтобы было жизнеспособно финальное состояние;

- способ представления: отбор «привязан» к единственному способу кодировки – например, генетическому, а вы-

бор может осуществляться в различных символических системах;

● непрерывность: отбор непрерывен и осуществляется через случайный перебор всех возможных вариантов, а выбор дискретен и привязан к актуальному набору вариантов.

Как говорит Жан-Люк Нанси, «субъект есть тот, кто разлагает любую субстанцию – любую данность», «субъект есть то, что он делает, он есть действие, и его действие состоит в том, что он сознает отрицательность субстанции» (Nancy 2002, p. 5). Люди, взятые с точки зрения их способности к деятельности, или деятельной силы, являются тем (контр)смыслом, который отрицает культуру как данность, создает новое и сам является этим новым. Выбор – это ускоренный отбор. С началом выбора смыслов эволюция культуры ускорилась по отношению к эволюции человеческого организма. Эволюция общества-культуры стала идти быстрее, чем эволюция человеческого тела и психики. К какому пролету моста Генриха – Попова можно привязать появление контрфактов и выбора? К появлению человека современного типа около 200 тысяч лет назад? Или выбор начался намного раньше? Или намного позже? Мы не знаем.

Традиционное общество и накопление опыта

И естественный отбор, и выросший из него культурный

отбор происходят в два шага: первый шаг – это мутация, то есть некоторое случайное изменение в генах или смыслах, а второй шаг – наследование, то есть передача генов или смыслов, которые обеспечивают успешную адаптацию к среде. Отличие выбора состоит в том, что он происходит по сути в *один шаг*, в котором совмещены представления о возможных действиях (контрфакты) и само действие (смысл). В этом одном шаге производится то действие, которое выбрано. С началом выбора эволюция смыслов стала идти по Ламарку, а не по Дарвину: люди стали отбирать смыслы целенаправленно, сохраняя те признаки смыслов, которые были им нужны. Теперь у условного одомашненного «жирафа» действительно стала расти шея по мере того, как он тянулся вверх за листвой – поскольку потомство именно от такого «жирафа» люди старались сохранить.

«Биологическая эволюция – плохой аналог для культурных изменений, эти две системы различаются по трем фундаментальным причинам. Во-первых, культурная эволюция может происходить на порядки быстрее, чем биологические изменения при максимальной дарвиновской скорости, а вопросы времени имеют решающее значение в эволюционных спорах. Во-вторых, культурная эволюция является прямой и ламаркистской по форме: достижения одного поколения передаются через образование и обнародование непосредственно потомкам, что обеспечивает огромную потенциальную скорость культурных изменений. Биологическая же эво-

люция является косвенной и дарвиновской, поскольку благоприятные черты не передаются следующему поколению, если только по счастливой случайности не возникают в результате генетических изменений. В-третьих, основные топологии биологических и культурных изменений совершенно разные. Биологическая эволюция – это система постоянного расхождения без последующего соединения ветвей. Родословные линии, когда-то разошедшиеся друг с другом, остаются разделенными навсегда. В истории же человечества передача между линиями является, возможно, основным источником культурных изменений. Европейцы узнали о кукурузе и картофеле от коренных американцев и заразили их оспой» (Gould 1992, p. 65).

Биологическая эволюция основана на наследовании и изменчивости генов и естественном отборе организмов с генотипом, способствующим адаптации к среде обитания. Человек как живое существо является основой общества-культуры. Поэтому и в первобытных общинах механизм естественного отбора продолжает действовать, оказывая влияние на инстинктивное поведение людей. Люди по-прежнему руководствуются инстинктами и эмоциями – постольку, поскольку это допускается обществом-культурой. Традиции и предрассудки, передаваемые посредством обучения, наслаиваются на инстинкты и ограничивают их. Культурная эволюция основана на наследовании смыслов, их изменчивости и отборе людей со смысло-типами, способствующими адаптации

к окружающей среде:

«Вот эта идея в ее простейшей форме. Мы установили, что с самого раннего возраста люди сосредотачиваются на более квалифицированных, компетентных, успешных и престижных членах своих сообществ и более широких социальных сетей и учатся у них. Это означает, что новые и улучшенные техники, навыки или методы, которые появляются, часто начинают распространяться среди населения, поскольку менее успешные или более молодые члены их копируют. Улучшения могут возникнуть в результате преднамеренного изобретения, а также в результате удачных ошибок и новых комбинаций элементов, скопированных у разных людей» (Henrich 2016, p. 212-213).

Если культурный отбор – это отбор среди *фактов* на основании норм, то традиционный выбор – это отбор *контрфактов* на основании норм. Традиционный выбор в огромной степени зависел от норм и опирался на практики, передаваемые путем культурного обучения. Однако уже и этот *традиционный* выбор, основанный на случайном дрейфе смыслов и разумном закреплении случайности, позволил людям в конечном счете перейти к искусственному отбору, то есть выбору животных и растений. Примерно 30 тысяч лет назад с одомашнивания собаки начался переход от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию.

Зарождение традиционного выбора не привело к началу первобытных «революций». Одомашнивание животных и

растений мы предпочитаем называть «аграрной эволюцией», поскольку этот процесс занял тысячи и десятки тысяч лет. Ранние человеческие изобретения и открытия были благоприятными случайностями, которые закреплялись через отбор популяций, сделавших эти открытия и изобретения. В традиционном обществе интеллект и целенаправленный выбор индивидов способствуют культурной эволюции, но еще не играют самостоятельной роли. Практики и предрассудки господствуют в традиционном обществе и обеспечивают его выживание.

Современному человеку трудно примириться с мыслью, что развитый интеллект не является конкурентным преимуществом. Однако это очень хорошо понимают представители традиционных обществ, которые основываются не на интеллекте, а на практиках, чтобы приспособиться к среде своего обитания. Генрих показывает это на примере экспедиции Франклина, замерзшей во льдах Арктики в 1840-е годы:

«... Снежные домики инуитов выглядят специально спроектированными и функционально хорошо подходят для жизни в Арктике. Чтобы спроектировать такой дом, необходима команда инженеров со знанием аэродинамики, термодинамики, материаловедения и строительной механики. Неудивительно, что, столкнувшись с реальной угрозой замерзнуть насмерть в своих палатках, люди Франклина не смогли придумать, как сделать домики из снега. Ни один из них и даже вся эта команда из сотни мотивированных

мужчин не смогли придумать, как это сделать. Дом инуита – это продукт кумулятивной культурной эволюции, его особенностям строители-инуиты просто учатся на примере, без какой-либо большой причинной модели» (Henrich 2016, p. 115).

Традиционное общество накапливает культурный опыт прежде всего в рамках практик, передающихся от поколения к поколению. Социально-культурный порядок и причинные модели являются предпосылками для контрфактов и выбора: выбор невозможен в ситуации полной неопределенности. Интеллект отдельных индивидов и выбор между контрфактами играют в этом обществе значимую, но подчиненную роль. В традиционном обществе идет медленное накопление культурного опыта.

Смыслы, гены и мемы

Идея о том, что культура складывается из элементов, не является чем-то новым. Мы не будем здесь рассматривать всю долгую историю подобных исследований, а остановимся лишь на меметике. В своей работе 1976 года «Эгоистичный ген» Ричард Докинз выдвинул гипотезу о единице передачи культурной информации, которую он назвал мемом: «Нам необходимо имя для нового репликатора, которое отражало бы идею о единице передачи культурного наследия или о единице *имитации*» (Докинз 2013, с. 295). Докинз ввел по-

нятие мема по аналогии с геном.

Гены не делятся и не смешиваются, они «корпускулярны», но при этом на поверхности они проявляются как непрерывный фенотипический признак: рост или цвет кожи человека может принимать любое значение в пределах определенного интервала. Докинз ставит вопрос о том, корпускулярны ли мемы (см. Докинз 2013, с. 299; Месуди 2019, с. 85-86). По мнению Алекса Месуди, в отличие от генов единицы культурной наследственности не дискретны:

«Меметика основывается на неodarвинистском допущении о том, что культуру можно разделить на дискретные единицы, наследуемые определенным образом, – как гены. Кроме того, предполагается, что мемы передаются с высокой точностью, что, по Докинзу, является одной из ключевых характеристик репликатора. Однако, в отличие от генетической наследственности, наследственность культурная, по всей видимости, не является дискретной» (Месуди 2019, с. 84-85).

В действительности смыслы демонстрируют признаки как дискретного, так и непрерывного *множества*. На дискретность смысла указывает то, что смысл можно обособить, дать ему определение. На непрерывность смысла указывает то, что он существует только в процессе своего движения. В отличие от мема смысл не существует отдельно от человека, как «культурный ген», который может передаваться или не передаваться между людьми. Смыслы – это не «культурные

гены», а человеческие действия и их результаты, взятые в совокупности их материальности, социальности и абстрактности.

Смысл не является аналогом гена, поскольку смысл происходит не от одного отдельно взятого смысла или даже дискретного множества смыслов, а от непрерывного множества смыслов, образующих культуру в процессе своего опосредования, передачи и отвлечения. Смысл является как наследуемым, так и приобретенным свойством. Если новые гены могут происходить только от уже существующих генов, то новые смыслы – контрфакты – рождаются от взаимодействия субъекта и его культуры со средой. Контрфакты рождаются из непрерывного множества смыслов. По сути, культура представляет собой один единый Смысл.

Контрфакт происходит не только от культурной традиции, передаваемой посредством обучения, но и от интеллекта, решающего задачи в изменяющейся среде. Иными словами, смысл как субстанция культуры зависит от направленности человека как ее субъекта:

«Идеи и элементы технологии также не имеют стабильного аналога геному или зародышевой линии, потому что различные элементы в циклах технологического воспроизводства, включая идеи, поведение ремесленников и сами материальные элементы технологий, могут временно приобретать статус репликаторов в зависимости от внимания, которое им уделяют агенты-люди. Когда приходит другой

ремесленник, чтобы сделать похожий предмет, он, вероятно, может внести случайные вариации: в мысленном плане конструирования горшка, или в действиях по изготовлению горшка, или в самом сделанном горшке» (Lewens 2018).

В биологической науке ведутся поиски минимального генома, который позволяет существовать и самовоспроизводиться организму. Исследователи считают, что такой геном состоит из 256 активных генов (Hutchison et al. 2016). В природе наименьший геном среди самовоспроизводящихся организмов имеет бактерия *Mycoplasma genitalium* – 525 генов. Человеческий геном включает в себя 20 – 25 тысяч активных генов. До настоящего времени отсутствуют исследования минимального множества смыслов, которое позволило бы запустить культурную эволюцию. Человеческая культура когда-то начиналась со скудного набора первобытных смыслов, может быть, с нескольких простейших орудий, причинных мини-моделей и элементарного языка. Однако смыслы так умножились ко времени, когда 5300 лет назад жил Этци – человек медного века, мумия и личные вещи которого были обнаружены в Альпах в 1991 году – что для их хранения и исследования потребовалось многоэтажное здание музея. Современная же человеческая культура представляет собой гигантское скопление смыслов, даже для поверхностного описания которых требуется энциклопедия в тысячи томов.

Простое потребление и разворачивание потребностей

Накопление смыслов начинается там, где животный вид превращает среду в средство и приспособливает среду к своим потребностям. В свою очередь, накопление смыслов ведет к *разворачиванию* потребностей (см. Коротаев 2003, с. 32-33). Разворачивание потребностей означает, во-первых, превращение животных потребностей в *культурные* потребности и, во-вторых, появление все новых, теперь уже культурных, потребностей. Выше мы называли этот критический момент «ловушкой потребностей», с которой началась человеческая история. «Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 3, с. 27).

Разворачивание потребностей первоначально происходит в рамках культурного отбора. По мере перехода от культурного отбора к выбору удовлетворение потребностей разворачивается в осмысленный процесс потребления, то есть все более целенаправленное присвоение и опосредование материала природы. Традиционное, или простое, потребление основано на постепенном формировании культурной среды внутри среды природы. Первобытные люди встроены в при-

роду и следуют ее ритмам:

«Внимательные наблюдатели за жизнью охотников-собирателей были поражены тем, что она состоит из кратковременных всплесков активности. Ее виды чрезвычайно разнообразны – охота и собирательство, рыбалка, изготовление ловушек и строительство запруд – и предназначены для того, чтобы максимально использовать природные ритмы доступности пропитания. Я полагаю, что понятие “ритмы” здесь основное» (Скотт 2020, с. 110).

По мере расширения культурной среды в ней образовывался собственный ритм. От кочевого образа жизни, охоты и собирательства происходил переход к более или менее оседлой жизни, земледелию и скотоводству. Изменения в технологиях, происходившие очень медленно, опосредовались такими же медленными изменениями в организациях и психологиях. Родовые общины трансформировались в вожества, вожества в государства. Фетишизм и анимизм дополнялись тотемизмом и многобожием.

Чем более осмысленным становится процесс потребления, тем в большей мере потребности оказываются когнитивно представлены самим людям, тем больше они раскрываются в форме ценностей. Эмоциональное поведение постепенно дополняется традиционными действиями. «Граница между осмысленным действием и просто (назовем его так) реактивным поведением, не связанным с субъективно подразумеваемым смыслом, крайне подвижна. Значитель-

ная часть всего социологически релевантного поведения, особенно чисто традиционное действие, лежит на границе между ними» (Вебер 2016-2019, т. 1, с. 68).

Уильям Дюрэм отмечал, что поскольку культурные варианты передаются в обществе, то их выбор не обязательно осуществляется на индивидуальном уровне, выбирать может и общество (Durham 1991, p. 192). На самом деле нужно объяснять не то, каким образом из индивидуальных выборов складывается общественный, а то, откуда взялся индивидуальный выбор, как он вообще стал возможен. Исторически все начиналось с общественного выбора, с наследуемых практик и порядка, как оснований общественного выбора.

Потребности не удовлетворяются на основании какой-то одной нормы или эмоции. Развертывание потребностей происходит в рамках норм и основанного на нормах социально-культурного порядка – в частности, морали. Ценность является результатом выбора, в котором различные нормы и эмоции конкурируют между собой. Субъект находится «между нормой и эмоцией». В процессе отбора и выбора нормы и эмоции эволюционируют, а вместе с ними развертываются потребности.

Простое потребление для огромного большинства населения сводится к удовлетворению минимальных потребностей, необходимых для выживания. Эти минимальные потребности, удовлетворение которых необходимо для продолжения существования, играют в простом потреблении

ключевую роль. Мы называем эту первую группу потребностей потребностями существования. Потребности существования по существу сводятся к утилитарным потребностям.

Вторая группа потребностей – потребности общения. Простое потребление происходит в относительно малых и изолированных друг от друга сообществах из нескольких десятков или сотен людей. Потребности общения в них состоят прежде всего в поддержании их сплоченности, разделении «друг – враг», утверждении собственного социального статуса внутри сообщества.

Третья группа потребностей, потребности самовыражения, в условиях простого потребления проявляются в наименьшей степени, появляются позже первых двух групп, и сначала выполняют вспомогательную функцию. Постольку, поскольку эволюция смыслов происходит в результате культурного отбора, а не выбора, потребности самовыражения остаются бесполезными, а иногда и вредными для самовоспроизводства традиционных общин. Фантазеры и изобретатели зачастую игнорируются, а часто преследуются.

Для анархо-примитивистов, подобных Джону Зерзану, медленный прогресс первобытных общин не является загадкой. Ответ для него состоит в том, что первобытные мечтатели не могли придумать ничего лучшего, чем их простая жизнь.

«За всю огромную по длительности эпоху палеолита, заметных технологических изменений было не так много. Со-

гласно исследованиям Герхарда Крауса (1990), нововведений “в методике изготовления каменных орудий за два с половиной миллиона лет практически нет”. В свете того, что мы теперь знаем о доисторическом интеллекте, многих социологов подобная “стагнация” особенно раздражает. “Трудно понять, почему развитие происходило так медленно”, – пишет Ваймер (1989). Лично мне кажется разумным считать, что причиной очевидного отсутствия “прогресса” был именно интеллект – осознающий совершенство общества собирателей и охотников и удовлетворенный такой жизнью. Разделение труда, одомашнивание животных, окультуривание растений, символическая культура – по-видимому, до самого последнего времени все это отвергалось» (Zerzan 2012, p. 7).

Скорее, причиной отсутствия «прогресса» был не интеллект, а его подчиненное положение – интеллект был подавлен традицией. Именно практики, а не интеллект, были ключевым источником наиболее эффективных причинных моделей. Повышение уровня адаптации – это приближение причинных моделей к реальности и распространение власти человека над природой. Потребности и мотивы деятельности в процессе своего развертывания реализуются в форме более широких возможностей для выбора, но в условиях традиционного выбора это расширение происходило крайне медленно.

Глава 2. Простое производство и необходимая деятельность

1. Развитие производства из потребления

Аграрная эволюция и возрастание смыслов

Будь *Homo sapiens* просто крупным млекопитающим, подобным волку или медведю, общая численность его популяции не превысила бы нескольких сотен тысяч (Капица 2009, с. 15). Например, численность серых волков в мире составляет около 300 тысяч особей, такая же численность у шимпанзе. Превращение человека в культурное существо позволило ему выйти за пределы численности, установленные природой. Сто тысяч лет назад в мире был 1 миллион человек. 10 тысяч лет назад, когда началась аграрная эволюция, людей было 5-10 миллионов, многие из них для самовоспроизводства полагались на (полу)одомашненных животных и растения. Чем дальше двигалась аграрная эволюция, тем больше становилось людей. На рубеже нашей эры на Земле жило уже около 250 миллионов человек, в подавляющем большинстве земледельцев и скотоводов, а не охотников и

собирателей. К началу промышленной революции в мире проживало около 1 миллиарда человек (см. Malanima 2009, p. 1 ff.).

Накопление смыслов привело к обособлению культуры внутри природы и вместе с тем к обособлению производства внутри потребления. Аграрное производство начало складываться приблизительно 10-12 тысяч лет назад в результате накопления изменений в способе взаимодействия людей с природной средой, постепенного одомашнивания растений и животных. Неолитическая аграрная эволюция представляла собой быстрое событие по меркам палеолита, но по меркам современных социально-культурных изменений это было очень медленное и постепенное развитие производящего хозяйства. Исследователи показывают, что процесс одомашнивания был растянут во времени:

«Во-первых, они отрицают выделение одного-единственного события одомашнивания – как произвольное и бессмысленное. Во-вторых, они растягивают одомашнивание на очень-очень длительный срок, который некоторые называют «производством продуктов питания низкого уровня»: растения были уже не вполне дикорастущими, но еще не вполне одомашненными. Оптимальные трактовки одомашнивания растений отказываются от единственного события одомашнивания и заменяют его, опираясь на убедительные генетические и археологические свидетельства, процессами окультуривания диких видов в разных регионах, которые длились

до трех тысячелетий и обусловили множественные и рассеянные в пространстве и времени одомашнивания основных культур (пшеница, ячмень, рис, нут, чечевица)» (Скотт 2020, с. 30).

Не существовало четкой границы между присваивающим и производящим хозяйством. Переходный период от одного к другому Джеймс Скотт называет «нечетким производством» (Скотт 2020, с. 52). Для нечеткого производства были характерны два момента. Во-первых, шло приращение смыслов в предметах и средствах деятельности: растения и животные, а вслед за ними и сам человек из продуктов природы все больше превращались в продукт человеческой деятельности. Во-вторых, переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству приводил к перераспределению времени между разными видами деятельности.

Наступление относительного более теплого и стабильного климата в начале голоцена привело к тому, что некоторые территории позволили людям самовоспроизводиться без необходимости вести кочевую жизнь – как, например, в регионе Плодородного полумесяца – за счет охоты, рыболовства и сбора дикорастущих растений. Повышение плотности населения носило локальный характер и было связано с возможностью получать большой сезонный избыток пищи – например, в местах нереста рыбы или сбора урожая злаков. Сезонный избыток пищи и постепенно выработанное умение его хранить позволили повысить плотность населения и

потребовали умения планировать и в целом управлять временем.

«Пищевая стратегия, которая базируется на нескольких сезонных потоках энергии, требует умения хранить пищу. Способы хранения включают зарывание в вечную мерзлоту, сушение и копчение морепродуктов, ягод и мяса; складирование семян и корней, погружение в масло, изготовление колбас, муки из орехов и зерна. Крупномасштабное, длительное хранение пищи изменило отношение охотников и собирателей к времени, труду, природе, а также помогло стабилизировать высокую плотность населения. Умение планировать и управлять временем стало, возможно, наиболее важным эволюционным преимуществом. Новый способ существования предотвращал частые перемещения и предлагал другой способ выживания, основанный на накоплении излишков» (Смил 2020, с. 44).

Переход к оседлости не был связан исключительно с особенностями той или иной местности. В течение нескольких тысяч лет люди перешли к оседлости не только во многих регионах Старого света (Ближний Восток, Индия, Китай), но и в Новом свете. Практически одновременный, по доисторическим меркам, переход к оседлости в разных частях земного шара, говорит о том, что он был связан прежде всего с достижением критической точки в эволюции общества-культуры, совпавшей по времени с климатическими изменениями в начале голоцена.

Переход к производящему хозяйству происходил постепенно и был основан на использовании природного эффекта, снижающего требуемую интенсивность труда при возделывании зерновых. Как огонь позволяет расчищать лес и создает питательный слой для полезных человеку растений и животных при подсечно-огневом земледелии, так и периодические приливы и отливы в поймах крупных рек создают питательный слой для посева злаков. Паводковое земледелие было тем природным эффектом, которым воспользовались умные и ленивые охотники-собиратели (см. Скотт 2020, с. 88):

«Главная проблема сельского хозяйства, особенно основанного на плужном земледелии, состоит в том, что оно трудоинтенсивное. Впрочем, один тип земледелия устраняет большую часть труда – приливно-отливное (также известное как паводковое), где семена обычно высеиваются в плодородный ил, сформированный ежегодным разливом рек. Этот плодородный ил, безусловно, был результатом “переноса” питательных веществ из размытых верховий рек. Этот тип земледелия наверняка был исторически первым в пойме Тигра и Евфрата, не говоря уже о долине Нила. Он все еще широко распространен и доказал, что является самой трудосберегающей формой земледелия, независимо от возделываемых культур» (Скотт 2020, с. 87).

Таким образом, на первых порах земледелие было лишь дополнительным источником питания для охотников и со-

бирателей, которые перешли к оседлости благодаря обилию пищи в низовьях рек, граничащих с морским побережьем. Для первобытных общин подобное изобилие было не правилом, а скорее редким исключением:

«Для некоторых групп общины усилия по добыванию пищи были сравнительно низкими, всего несколько часов в день. Подобные факты ведут к тому, что охотников-собираателей описывают как “общества первоначального изобилия”, живущие в условиях материального изобилия, лени и праздности. Самый известный случай – племя Добе! Кунг из пустыни Калахари (Ботсвана), процветавшее на диких растениях и мясе. Это племя считали прекрасным примером доисторических охотников-собираателей, живших вроде бы довольной, здоровой и энергичной жизнью. Это заключение, базирующееся на ограниченных и ненадежных данных, должно было – и подверглось сомнению ... Повторный анализ оценок энергетических затрат и демографических данных, собранных в 60-е, показал, что питание и здоровье Добе! Кунг выглядели в лучшем случае нестабильными, а в худшем говорили об “обществе на грани исчезновения”» (Смил 2020, с. 41).

Дальнейшее распространение производящего хозяйства (во всяком случае, в Европе) происходило главным образом за счет миграции представителей аграрных обществ, а не за счет того, что охотники и собиратели охотно перенимали аграрные практики соседей (см. Смил 2020, с. 48-49). Види-

мо, это является подтверждением того, что аграрные практики не были однозначно более выигрышными по сравнению с охотой и собирательством. Переход к сельскому хозяйству был в некотором смысле коллапсом первобытного общества. Джеймс Скотт отмечает, что переход от охоты и собирательства к земледелию влечет за собой более монотонный ритм и более простой характер индивидуальной деятельности:

«Я испытываю искушение назвать поздненеолитическую революцию со всем ее вкладом в становление крупных обществ деквалифицирующей и упрощенческой. Адам Смит предложил в качестве показательного примера повышения производительности, которое обеспечило разделение труда, булавочную фабрику, где каждый шаг в производстве иголок был разбит на поминутно нормированные задачи, выполняемые разными рабочими. Алексис де Токвиль с симпатией отнесся к работе Смита “Исследование о природе и причинах богатства народов”, но задался вопросом: “Что можно ожидать от человека, который двадцать лет своей жизни был занят изготовлением булавочных головок?”» (Скотт 2020, с. 114). «Не будет преувеличением сказать, что по сложности охота и собирательство отличаются от зернового земледелия так же, как оно – от монотонной работы на современной сборочной линии: каждый из названных видов деятельности представляет собой очередной шаг в сторону сужения перспективы и упрощения решаемых задач» (Скотт 2020, с. 112).

Первобытные общества не были обществами изобилия, охотники и собиратели не вели жизнь в праздности, но они по крайней мере не были вынуждены тяжело и однообразно трудиться. За исключением паводкового, земледелие является гораздо более тягостным занятием, чем охота и собирательство:

«Как отмечает Эстер Бозеруп и другие авторы, не существует причин, по которым собиратель в большинстве природных условий решил бы перейти к земледелию, если его не вынуждает демографическое давление или некие формы насилия» (Скотт 2020, с. 39). «Почему собиратели в здравом уме и без дула пистолета у их коллективного виска сделали выбор в пользу чудовищного увеличения тяжелого труда, необходимого для оседлого земледелия и животноводства? Даже современные охотники-собиратели, вытесненные в бедные ресурсами районы, тратят лишь половину своего времени на то, что мы бы назвали трудовым обеспечением пропитания» (Скотт 2020, с. 115).

Если переход от охоты и собирательства к земледелию означает упрощение жизни и вместе с тем более тягостный труд, то почему он вообще произошел? Причина – в создании излишков или запасов, которые позволяли снизить неопределенность среды и освобождали время и ресурсы для иных занятий, кроме добычи пищи. Религия, война, ремесло и торговля в такой же степени были причинами земледелия и скотоводства, как земледелие и скотоводство – их причи-

нами. Упрощение жизни индивидов сопровождалось усложнением бытия общин, индивидам приходилось все больше приспособливаться к ритмам культуры, а не природы. Переход к аграрному производству происходил на уровне обществ-культур, а не на уровне индивидов, многие из которых страдали от этого перехода. Основным двигателем этого перехода была конкуренция между общинами, их вождями, их смыслами.

Условием и вместе с тем последствием перехода к оседлости и производящему хозяйству стало повышение плотности населения. Если для общин охотников и собирателей средняя плотность популяции составляла 25 человек на 100 кв. км (Смил 2020, с. 34), то подсечно-огневое земледелие позволяло обеспечить питанием в 100 раз больше людей: от 2000 человек на 100 кв. км для кукурузы в Северной Америке до 6000 человек для риса и клубней в Юго-Восточной Азии (см. Смил 2020, с. 50). Наконец, при таком развитом аграрном производстве, как рисовые поля времен династий Мин и Цин, кукурузные плантации ацтеков или картофельные поля инков, плотность населения достигала десятков тысяч человек на 100 кв. км обрабатываемой земли (см. Смил 2020, с. 97, 100-101).

Скотт показывает, что одомашнивание человека, растений и животных, их скученность в пределах *дома*, ухудшает их здоровье и повышает уровень смертности. Но при этом переход к оседлости повышает рождаемость настолько,

что она компенсирует возросшую смертность. Ценность детей как рабочей силы для крестьянина выше, чем для охотника-собирателя. Все это вело к тому, что аграрные общества стали вытеснять общины охотников и собирателей (см. Скотт 2020, с. 103-104, 136-138).

Выше мы видели, что появление культуры стало первой «ловушкой потребностей»: однажды прибегнув к смыслам для своего воспроизводства, гоминиды уже не могли больше оставаться только животными. Возникновение сельского хозяйства оказалось второй «ловушкой потребностей»: однажды сложившись, аграрное общество-культура уже не могло вернуться к состоянию охоты и собирательства, поскольку не смогло бы прокормить себя.

Рост численности населения и повышение его плотности привели к возрастанию смыслов и ускорению их эволюции. Мы можем назвать четыре переменные, от которых зависит уровень сложности и скорость развития общества-культуры: разнообразие, связность, взаимозависимость, адаптация или обучение (см. Page 2009, p. 10-12). Возрастание населения и увеличение плотности в первых аграрных обществах повлияли на все четыре переменные.

«Рост населения напоминал своего рода цепную реакцию: более высокая плотность заселения территории открывала новые возможности для специализации, что приводило к росту индивидуальной производительности, а он в свою очередь вел к дальнейшему увеличению численности населе-

ния. Благодаря такой большой численности у людей получали развитие не только их разнообразные природные качества, но также и еще более разнообразные культурные традиции, и человек мог, пуская в ход свой высокоорганизованный интеллект, выбирать среди них – особенно во время своей достаточно долгой юности» (Хайек 1992, с. 217).

Увеличение численности и плотности населения, рост специализации по мере развития аграрного производства привели к повышению связности и взаимозависимости: расширился круг общения людей, повысилась интенсивность общения, произошло социальное расслоение.

«Доисторические изменения – лучшие инструменты, мастерство обращения с огнем, лучшие охотничьи стратегии – происходили очень медленно, в масштабах десятков тысяч лет. Последующее принятие и интенсификация постоянного земледелия затянулись на тысячелетия. Наиболее важным последствием перехода к земледелию стал значительный рост плотности населения, приведший к социальной стратификации, специализации и начальной урбанизации» (Смил 2020, с. 392).

Вместе с тем, повышение плотности населения вкупе с концентрацией домашнего скота, одомашненных растений и паразитов часто вело к массовым эпидемиям и коллапсу цивилизаций (см. Скотт 2020, с. 39-40). В аграрном обществе подавляющее большинство населения удовлетворяет лишь свои *потребности существования*, ведя натуральное хозяй-

ство.

«Экономика при традиционном типе воспроизводства опиралась в основном на сельское хозяйство, от прогресса в котором и зависел в значительной мере медленный прогресс общества. Мы будем недалеко от истины, если скажем, что около трех четвертей или четырех пятых рабочей силы были заняты в сельском хозяйстве» (Ливи Баччи 2010, с. 24).

Согласно Томасу Мальтусу, население в традиционном обществе растет в геометрической прогрессии, а производство продуктов питания – в арифметической. Геометрический рост численности населения при арифметическом росте производства – это путь к мальтузианской ловушке, то есть кризису и гибели того общества или той части общества, которая оказывается неспособна себя прокормить. Традиционное общество-культура в значительной степени остается частью природной среды, в нем эволюция смыслов то и дело наталкивается на природные ограничения – будь то экологические катастрофы, неурожай или эпидемии.

Качество и количество смыслов

В обществе-культуре действуют законы вероятности. С одной стороны, действует закон возрастания и усложнения смыслов по мере того, как люди (ре)комбинируют их. С другой стороны, действует закон убывания и упрощения смыслов по мере того, как люди теряют их при передаче:

«Большие группы населения могут преодолеть неизбежную потерю информации при культурной передаче, поскольку, чем больше людей пытаются чему-то научиться, тем больше шансов, что кто-то в конечном итоге получит знания или навыки, которые, по крайней мере, так же хороши или лучше, чем были у человека, у которого они учились. Взаимосвязанность важна, потому что она означает, что больше людей имеют шанс получить доступ к наиболее квалифицированным или успешным учителям и, таким образом, имеют шанс превзойти их и рекомбинировать элементы, полученные от различных высококвалифицированных или успешных учителей, для создания новых рекомбинаций» (Henrich 2016, p. 220).

Сложность смыслов определяется численностью, разнообразием и социальностью популяции, а численность человеческой популяции определяется сложностью смыслов:

«Если бы, например, какой-нибудь один член племени, более одаренный, чем все другие, изобрел новую западню, оружие или какой-либо новый способ нападения или защиты, то прямая личная выгода, без особого вмешательства рассуждающей способности, заставила бы других членов общества подражать ему, и таким образом, выиграла бы все. С другой стороны, привычное упражнение в новом ремесле должно было, в свою очередь, развивать до некоторой степени умственные способности. Если новое изобретение было важно, то племя должно было увеличиться в числе, распро-

страниться и вытеснить другие племена. В племени, которое стало многочисленнее вследствие таких причин, будет всегда более шансов для рождения других одаренных и изобретательных членов» (Дарвин 1935-1959, т. 5, с. 242).

Те же механизмы, которые ведут к возрастанию сложности общества-культуры, могут при определенных условиях вести к потере сложности. Если популяция начинает уменьшаться или оказывается в изоляции, она начинает терять адаптивную культурную информацию. Джозеф Генрих приводит следующий пример: когда европейцы впервые столкнулись с тасманийцами, их орудия выглядели примитивными даже по сравнению с орудиями других палеолитических общин. Археологические раскопки показали, что десятки и даже сотни тысяч лет назад аборигены располагали более сложными орудиями – до того времени, когда примерно 12 тысяч лет назад остров оказался отрезан от Австралии поднявшимся океаном. В условиях изоляции относительно малочисленное население Тасмании не смогло поддерживать прежнюю сложность своих орудий (см. Henrich 2016, p. 220-222).

Человеческая деятельность – это совокупность материальных социальных абстрактных действий, результатом которой являются сами люди. Качество смыслов определяет качество людей, а качество людей определяет качество смыслов. В этом цикле «субъект – смысл» качество субъекта и смысла определяется их материальностью, социальностью и

абстрактностью. Качество материальной деятельности и ее средств зависит от размеров общины и особенностей общения:

«Размер группы и социальная взаимосвязь между индивидами играют решающую роль в этом процессе. Самый очевидный пример того, что размер группы может иметь значение, заключается в том, что большее количество умов может генерировать больше удачных ошибок, новых комбинаций, случайных озарений и преднамеренных улучшений» (Henrich 2016, p. 213). «... Сила коллективного мозга группы зависит от ее социальных норм и институтов... В людях тесно переплетаются социальность и технологические ноу-хау» (Henrich 2016, p. 322).

Материальность и социальность тесно связаны с абстрактностью, то есть со способностью к установлению причин и мотивов, к вычислениям и расчетам, взятым в самом широком смысле. У приматов размер префронтальной коры зависит от размера сообщества: чем больше социальных связей, тем больше размер коры (см. Sapolsky 2017, p. 51). Психика человека – такое же напластование разных периодов и эпох, как его мозг, в нем можно проследить всю последовательность от древнейших до современных элементов и функций:

«Когда мы смотрим на бактерию под микроскопом, она отвечает нам непрерывным *«computo ergo sum»* [«вычисляю, следовательно, существую» (лат.) – А. К.]. Нужно уметь слушать. Но что это может означать, когда нам говорят: «Я вы-

числю сама?». Это означает, что я ставлю себя в центр мира, в центр моего мира, мира, который я знаю, чтобы обработать его, рассмотреть его и выполнить все меры защиты, обороны и т. д. Понятие субъекта появляется вместе с *computo* и его эгоцентризмом. Представление о субъекте неотделимо от этого акта вычисления, в котором каждый является не только своей собственной конечностью, но и конституирует свою собственную идентичность» (Morin 2008, p. 73).

В живой природе субъект появляется там, где есть, так сказать, «биомеханический расчет». В обществе-культуре хозяйственный субъект, или экономическая единица, появляется там, где начинается «хозяйственный расчет». Хозяйственным субъектом были и палеолитическая родовая община, и двор феодального монарха, и контора новоевропейской фабрики. *Расчет*, или выбор, – это эволюционный процесс, то есть процесс, который сложился в ходе самовоспроизводства людей и служит продолжению этого самовоспроизводства. Расчет как сопоставление прошлых, настоящих и будущих затрат и выгод предшествовал всякому производящему хозяйству. Для общины охотников и собирателей характерен свой способ расчета и свой тип отношений между людьми, основанный на этом способе расчета. Косвенная взаимность – это способ расчета, при котором после удачной охоты добыча группы делилась на всех членов племени. Это обеспечивало долю в добыче при неудачной охоте в будущем и решало проблему хранения добытого мяса (см.

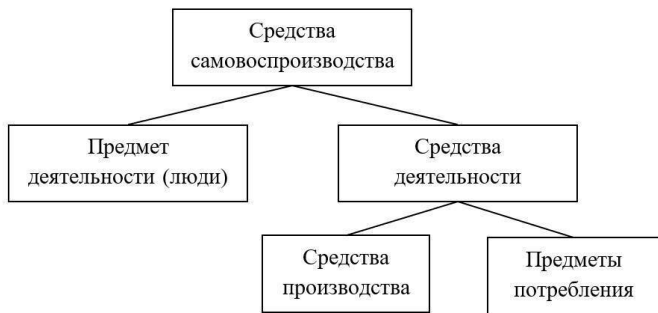
Sapolsky 2017, p. 324-325). Развитие производства расширяло круг ценностей, отсутствовавших в природе, но необходимых для самовоспроизводства общин. Это вело к повышению роли расчета и к повышению «субъектности» общины, то есть значения разума по сравнению с инстинктами и практиками.

Люди являются субъектом и объектом собственной деятельности, природа и культура – ее средствами. «Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 189). К этим моментам необходимо добавить человека как субъекта (движущую силу) деятельности и его потребности как источник этой движущей силы. Эволюция качества смыслов связана с развертыванием потребностей и выражается в развитии ценностей – материальных, социальных и психологических. Как мы говорили выше, ценности являются, с одной стороны, представлением потребностей в сознании людей, а с другой стороны, проекцией потребностей на вещи и обстоятельства среды. «Ценность не является имманентной, она не находится внутри предмета. Ценность внутри нас; она – способ, которым человек реагирует на окружающие его обстоятельства» (Мизес 2005, с. 92). Проекции могут быть как положительными, так и отрицательными, как благами, так и злами.

Человек как движущая сила деятельности – это *деятельная сила*. Люди ведут свою деятельность, складывающуюся

ся из огромного количества действий, чтобы воспроизводить самих себя. Возрастание смыслов связано с их разделением, умножением и сложением. Разделение, умножение и сложение смыслов равнозначно накоплению смыслов, а процесс такого накопления называется кумулятивной культурной эволюцией. Результатом и исходным пунктом деятельности являются сами люди (их деятельная сила) и средства их деятельности. В совокупности люди и средства деятельности образуют средства самовоспроизводства. Средства деятельности, в свою очередь, делятся на средства производства и предметы потребления или жизненные средства. В ходе аграрной эволюции из предметов потребления выделились средства производства, а опыт присвоения и потребления продуктов природы дополнился опытом производства продуктов культуры.

Иллюстрация 2. Средства самовоспроизводства

В отличие от потребления, производство направлено не на удовлетворение непосредственных, текущих потребностей, а на удовлетворение опосредованных, будущих потребностей. Экономисты традиционно сводят средства деятельности к благам. Согласно Карлу Менгеру, блага низшего порядка направлены на удовлетворение потребностей людей (предметы потребления), а блага высшего порядка (средства производства) – на производство благ низшего порядка: «блага высшего порядка получают и удерживают свой характер не по отношению к потребностям непосредственно настоящего времени, но исключительно по отношению к тем потребностям, которые предусмотрены человеком и проявятся по окончании производственного процесса» (Менгер 2005, с. 81-82). Однако на самом деле средства деятельности не сводятся к благам, поскольку в своей деятельности люди потребляют (как непроизводительно, так и производительно) не только блага, но и зла.

Помимо способности удовлетворить человеческие потребности (будь то прямо, в качестве предметов потребления, или окольно, в качестве средств производства), средства деятельности объединяет то, что все они являются продуктами деятельности. Маркс в первом томе «Капитала» (1867) ввел понятие «абстрактного труда», чтобы привести все конкретные виды деятельности к общему эквиваленту и ввести понятие *количества* труда:

«Если отвлечься от потребительной ценности товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они – продукты труда» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 46, перевод исправлен).

Вводя понятие «абстрактного труда», Маркс не показал, что является его субстанцией. Георг Зиммель писал в работе «Философия денег» (1900) о том, что в отличие от энергии, которая при качественной неизменяемости может по-разному проявляться – как теплота, электричество или механическое движение – различные виды труда не имеют общего эквивалента или общей субстанции, которая бы позволила сравнивать между собой, например, «мускульный» и «психический» труд. При этом Зиммель допускал, что такой эквивалент существует:

«Должен заранее заметить: я не считаю вообще невозможным, что когда-либо будет найден механический эквивалент и для психической деятельности. Конечно, значение содержания этого эквивалента, его объективное место в логической, этической и эстетической связи находится абсолютно по ту сторону всяких психических процессов, подобно тому как значение слова лежит по ту сторону его физиологически-акустического звука» (Simmel 1930, S. 467; русский перевод см. Зиммель 2015, с. 218).

Как верно предполагал Зиммель, всеобщий эквивалент, который обеспечивал бы сведение к общему эквиваленту всех видов человеческой деятельности, находится по ту сто-

рону психических и физических процессов. Для того, чтобы психический и мускульный труд можно было свести друг к другу, для них необходим не «механический», а «информационный» и «ценностный» эквивалент – то есть смысл. Смысл является искомой субстанцией деятельности и ее результатов.

Фигуры как элементы смыслов

Смысл как единица культуры – это социальная информация в действии. В генах информация записана в виде последовательностей нуклеотидов. Каким образом записывается информация в смыслах? Отдельный смысл складывается из фигур – изменений и различий. Таким образом, смысл складывается как из непрерывных, так и из дискретных фигур. В этом смысл схож со светом, имеющим корпускулярно-волновую природу.

Величина смысла определяется количеством изменений и различий. Дело не меняется от того, о какой из сторон смысла идет речь – о вещи и вещи, общении и обществе, или мышлении и символе. Величина смысла во всех случаях определяется количеством фигур, необходимых для его воспроизводства. Невозможно свести смысл только к выражению, только к содержанию или только к норме, поскольку смысл – это материальная и социальная абстракция в действии, взятая в единстве всех изменений и различий, необ-

ходимых для ее воспроизводства. Как социальное и материальное абстрактное *действие*, смысл основан на расходовании *энергии* и *времени*. Энергия и время являются ограничителями, но не мерой смыслов. Величина смысла определяется количеством содержащихся в нем фигур.

Теория информации называет изменения и различия битами и измеряет информацию в битах. Бит – это такое изменение и различие, которое сведено к тому, чтобы быть изменением и различием и ничем больше: «1» или «0», «вкл.» или «выкл.» и т. п. Самый простой элемент смысла, самая простая фигура – это не просто бит (0 или 1), а бит, взятый с оценкой. У *культурного бита* есть не только модуль (0 или 1), но и знак («+» или «-»). Если информация – это *определенность*, то смысл – это *направленная, ценностная* информация. Смысл можно наглядно представить себе как строку *s*, состоящую из фигур, а критерием для определения величины смысла является количество фигур в строке *s*.

Если отдельный смысл – это *строка* из фигур, то совокупность смыслов образует *контекст*. Поскольку смыслы существуют лишь в контексте, постольку они функционируют не как дискретное, а как непрерывное множество. Нет четко определенной, фиксированной границы между фигурами и смыслами, эта граница подвижна, определяется контекстом. Одно и то же движение руки в зависимости от контекста может быть как частью действия, так и самостоятельным действием, имеющим собственный смысл, то есть жестом. Лю-

бой смысл обретает свою конкретность в контексте. Смысл всегда является конкретным действием и результатом такого действия. Абстрактное выражение является смыслом лишь постольку, поскольку оно находится в контексте *материальной* и *социальной* абстрактной деятельности.

Аристотель говорил, что «искусство в одних случаях завершает то, что природа не в состоянии произвести, в других же подражает ей» (Аристотель 1976-1983, т. 3, с. 98). Завершенность или сделанность – это основная характеристика смысла и культуры в целом по сравнению с фигурами. Целое рубило – это смысл, камень со сколом – это фигура. Завершенная фраза – это смысл, незавершенная фраза – это набор фигур. Продуманная книга – это смысл, недодуманная книга – это скопление фигур. Мудрость – это высшая форма завершенности действия, позволяющая начать принципиально новое действие.

Отношение между фигурами и смыслами, своего рода «чувство смысла», является тем основанием общего языка всех людей, которое позволяет им учить новые языки в зрелом возрасте и догадываться о назначении обломков, найденных при археологических раскопках. «Язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков» (Ельмслев 1960, с. 305).

Когда мы говорим, что в отличие от битов как «кирпичиков» информации, фигуры как «кирпичики» смысла име-

ют некоторые качественные характеристики, это означает, что все множество фигур можно условно разделить на подмножества, то есть выделить виды фигур, или базовые фигуры. Ельмслев считал выделение базовых фигур необходимым условием для описания как выражения, так и содержания знаков.

«Такое исчерпывающее описание опирается на возможность объяснения и описания неограниченного числа знаков с помощью ограниченного числа фигур, в том числе с точки зрения их содержания. Требование сокращения должно быть здесь таким же, как и для плана выражения: чем меньшее число фигур содержания будет в нашем распоряжении, тем лучше мы сможем удовлетворить эмпирический принцип в его требовании наипростейшего описания» (Ельмслев 1960, с. 324-325).

Смысл проявляет себя в психическом и физическом бытии человека, но не рождается в них. Абстракции не являются порождением человеческого интеллекта – будь то в его утвердительной форме рассудка или отрицательной форме разума. Скорее, это рассудок и разум являются результатами развития социальных материальных абстракций в действии. Смыслы лишь воспроизводят фундаментальные определения, состояния, отношения, изменения, направления в природе и обществе:

«То, что язык можно выучить на примерах всего за несколько лет, отчасти возможно благодаря сходству между

его структурой и структурой мира» (Домингос 2016, с. 60).

Отсюда же универсальность смыслов, способность людей понять друг друга, перевести языки друг друга – и это после десятков тысяч лет изолированного развития. В эпоху географических открытий европейцы находили общий язык с индейцами или австралийцами. Все люди действуют, говорят и мыслят на одном языке – языке смысла:

«По мнению Лейбница, если мы хотим что-нибудь понять, наш образ действия всегда должен быть такой: свести все сложное к простому, т.е. представить сложные идеи в виде комбинаций простейших понятий, которые абсолютно необходимы для выражения мыслей» (Вежбицкая 2011, с. 86). «Внутри всех языков мы можем найти и маленький общий словарь, и маленькую общую грамматику. Вместе этот общечеловеческий словарь и связанная с ним грамматика представляют собой маленький язык, по-видимому, общий для всего человечества. С одной стороны, этот мини-язык – это пересечение всех языков мира, с другой стороны, это, как мы считаем, врожденный язык человеческих мыслей, который соответствует тому, что Лейбниц называл “*lingua naturae*”» (Вежбицкая 2011, с. 89).

Математика как смысловой домен также является отражением фундаментальных определений окружающего мира. Сходство между миром и математикой позволяет решать естественнонаучные задачи. Это сходство не возникло в один момент, математика – это результат эволюции

смыслов от упорядоченности Вселенной к отражению этой упорядоченности в сознании людей. В горизонте миллионов и миллиардов лет исчезает различие между точками зрения Тьюринга и Витгенштейна: «Тьюринг считал математику чем-то, что было открыто, чем-то вроде науки об абстрактном. Витгенштейн настаивал на том, что математика, по сути, была чем-то изобретенным в соответствии с выбранным набором правил, больше похожа на искусство, чем на науку» (Grim 2017, p. 151).

Простота первых смыслов касалась не только вещения, такими же простыми были общение и мышление, основанные на простых жестах и движениях рассудка, однако если вещение гоминид оставило для нас свои результаты, то о характере общения и мышления, к сожалению, не осталось прямых свидетельств, так что нам остается судить о них только по косвенным признакам. В процессе социального, а затем культурного обучения, расширения нормы обученной и рассудочной реакции, перехода от культурного отбора к традиционному выбору происходило усложнение отдельных смыслов и общества-культуры в целом. В отдельных смыслах увеличивалось количество фигур, в обществе-культуре в целом увеличивалось количество смыслов.

Усложнение смыслов становится очевидно, например, при анализе эволюции каменных орудий: от простейших оббивных палеолитических чопперов и рубил до неолитических полированных и сверленных топоров, для которых ха-

рактен гораздо более высокий уровень обработки. Эволюция смыслов состояла в их разделении – появлении новых видов действий и их результатов. В процессе разделения деятельности и знаний люди специализировались на тех видах действий, в которых они имели конкурентное преимущество благодаря особенностям среды или своей деятельной силы. Земледелие обособилось от собирательства, ремесло от земледелия. Росла не только сложность вещения, но и общения, и мышления; язык усложнялся, обученные действия становились более важным актом самовоспроизводства по сравнению с инстинктивными, рассудочные – по сравнению с обученными.

2. Сложность смысла

Минимальный субъект и минимальное действие

Увеличение сложности смыслов по мере их эволюции является интуитивно очевидным, однако лишь в середине XX века понятия количества информации и информационной сложности получили строгое обоснование в работах Клода Шеннона и Андрея Колмогорова.

Шеннон ввел понятие *информационной энтропии*. Энтропия H по Шеннону – это мера неопределенности, непред-

сказуемости, неожиданности, *случайности* некоторого сообщения (события, явления). При отсутствии информационных потерь энтропия Шеннона равна количеству информации на символ сообщения. Количество информации определяется неожиданностью появления того или иного сообщения. Применительно к культуре таким сообщением является (контр)факт.

«Согласно этому способу измерения информации, она не присуща самому полученному сообщению; скорее, это функция его отношения к чему-то отсутствующему – огромному множеству других возможных сообщений, которые могли быть отправлены, но не были отправлены. Без ссылки на этот отсутствующий фон возможных альтернатив невозможно измерить объем потенциальной информации сообщения. Другими словами, фон невыбранных сигналов является решающим фактором, определяющим то, что делает принятые сигналы способными передавать информацию. Нет альтернатив = нет неопределенности = нет информации. Таким образом, Шеннон измерял полученную информацию с точки зрения неопределенности, которую она устраняла по отношению к тому, что могло быть отправлено» (Deason 2013, p. 379).

Таким образом, среднее количество информации H , содержащееся в смыслах, определяется количеством всех имеющихся в культуре (контр)фактов и вероятностью их появления. Энтропия Шэннона H – это показатель сложности об-

щества-культуры в целом. Если мы взглянем на историю человеческих обществ-культур, то мы увидим, что их сложность последовательно росла: от скудного набора первобытных смыслов (простейшие каменные орудия, родоплеменная община, элементарный язык, причинные мини-модели, анимизм и фетишизм) к сложному арсеналу смыслов, характерных для аграрных обществ (домашний скот и сельскохозяйственный инвентарь, полисы и империи, письменность и литература, античная и арабская наука, мировые религии).

В ходе культурной эволюции росла как сложность общества-культуры в целом, так и сложность отдельных смыслов. Как мы уже сказали, сложность отдельно взятого смысла определяется количеством фигур, минимально необходимых для воспроизводства этого смысла. Предположим, что у нас есть смысл s , который можно представить как строку из некоторого количества фигур. Длина этой строки – $L(s)$. В таком случае сложность смысла s определяется длиной самой короткой программы s^* , которая может описать этот смысл. Длину программы s^* называют *алгоритмической энтропией* $K(s)$, или сложностью по Колмогорову:

«Центральным понятием алгоритмической теории информации является понятие энтропии индивидуального объекта, называемое сложностью объекта (по Колмогорову). Интуитивно под этим понимается минимальное количество информации, необходимое для восстановления данного объекта» (Виноградов и др. 1977-1985, т. 1, с. 220).

Мы будем называть программу s^* *минимальным, или наименьшим действием*, необходимым для воспроизводства смысла s . Смыслы могут иметь различную сложность в зависимости от величины минимального действия, необходимого для их воспроизводства. Например, строку `asdfghjkl` можно описать лишь ею самой. Длина этой строки – 9 неповторяющихся фигур. Однако если строка s имеет шаблон – пусть даже неочевидный – то такую строку можно описать минимальным действием s^* , намного более коротким, чем сама s . Например, строку `afjkafjkafjkafjk` можно описать намного более короткой строкой `afjk`, повторенной необходимое число раз.

«Различие между простотой и сложностью вызывает значительные философские трудности в применении к утверждениям. Но, похоже, существует довольно простой и адекватный способ измерения степени сложности различных видов абстрактных шаблонов. Минимальное количество элементов, из которых должен состоять экземпляр шаблона, чтобы продемонстрировать все характерные атрибуты рассматриваемого класса шаблонов, по-видимому, обеспечивает однозначный критерий» (Науек 1967, р. 25).

Сложность отдельного смысла определяется величиной минимального действия, необходимого для воспроизводства этого смысла. Человек как продукт культуры также является смыслом. Возрастание культурного опыта, который необходимо передать, означает возрастание сложности человека.

С каждым поколением возрастает *минимальное действие*, необходимое для воспроизводства человека как культурного существа, возрастает сложность обучения.

Сложность минимального действия сходится к энтропии его источника, то есть *минимального субъекта*. Как мы видели выше, сложность общества-культуры определяется количеством альтернативных смыслов (контрфактов), которые оно может генерировать. Вместе с тем, сложность общества-культуры определяется величиной минимального действия, необходимого для его воспроизводства. Энтропия общества-культуры как источника сообщений, или (контр)фактов, приблизительно равна средней сложности всех возможных сообщений от этого источника:

«Энтропия Шеннона – свойство источника информации. Есть много возможных сообщений, каждое со своей вероятностью. Энтропия измеряет размер этой вселенной возможностей. Напротив, алгоритмическая энтропия имеет смысл для любой конкретной строки битов. Сами строки могут иметь большее или меньшее информационное содержание в зависимости от того, требуют ли они более длинного или более короткого описания. Две энтропии связаны друг с другом. Для источника, который производит двоичные последовательности, энтропия Шеннона является приблизительным средним значением алгоритмической энтропии, если взять среднее значение по всем возможным последовательностям, которые может создать источник: $H \approx \text{ave}(K)$. Эн-

тропия Шеннона – это способ оценки алгоритмической энтропии в среднем» (Schumacher 2015, p. 231).

Иными словами, сложность смысла, измеренная в культурных битах, в среднем сходится к энтропии человека как источника (контр)фактов. Как говорил Протагор, «мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют» (Платон 1990-1994, т. 2, с. 203). Минимальный субъект – это мера сложности человека, то есть неопределенности, непредсказуемости, неожиданности, случайности его произведенных и произведенных действий. Минимальный субъект является и источником, и продуктом минимального действия, и вместе с самим минимальным действием образует *минимальный смысл*.

Историческое возрастание сложности общества-культуры проявляется и в увеличении количества (контр)фактов, которые оно может генерировать, и в увеличении минимального действия, необходимого для воспроизводства отдельного смысла. Переход от культурного отбора, основанного на смене поколений людей и их смыслов, к традиционному выбору, основанному на смене смыслов в рамках одного и того же поколения людей, увеличил и энтропию источника (контр)фактов, и их сложность.

Применяя достижения теории информации к культуре, необходимо учитывать различие между понятиями «информация» и «смысл». Информация – это упорядоченность

вообще, *определенность*, ее мерой является уменьшение неопределенности. Единицей измерения количества информации является *бит*, «1» или «0». В отличие от информации, смысл – это *направленная* определенность, то есть определенность, действующая и изменяющаяся в некотором направлении. Примером направленной определенности являются эволюция живого и культурная эволюция (эволюция смыслов). Человек перерабатывает информацию (определенность) в смысл (опосредованную, то есть направленную определенность), сопоставляя информацию с потребностями. Единицей измерения количества смыслов является *культурный бит* – не только «1» или «0», но и «+» или «-». Смысл – это информация в *действии* человека:

«Упорядоченные структуры и паттерны, которые мы осознаем наиболее непосредственно, – это те, что находятся в нашем собственном разуме, теле и поведении, но практически все люди твердо убеждены в том, что этим паттернам разума и тела соответствуют схожие паттерны в том, что можно назвать “реальным миром”» (Boulding 1985, p. 9).

Вместе с тем, смысл не сводится к мыслительному действию, к работе с абстракцией. Мышление – это не взаимодействие со смыслами как некими «надмировыми» сущностями. Отдельный смысл – это действие и результат действия. Сравнение смыслов между собой позволяет выделить в них общие и особенные свойства. Часы – это прибор для измерения времени. Но это общее свойство – быть часами –

не существует само по себе. Оно существует лишь во множестве действий людей, связанных с часами. Абстракция часов становится смыслом лишь в действии – например, когда вы читаете и обдумываете слова, написанные в этой книге.

Слеп ли часовщик, случайна ли культура?

В своей книге «Слепой часовщик. Как эволюция доказывает отсутствие замысла во Вселенной» (1986) Ричард Докинз приводит аргумент богослова XVIII века Уильяма Пейли, согласно которому если мы найдем на пустыре такой точный и сложный предмет, как часы, то мы непременно придем к выводу, что у него есть создатель. Этот же аргумент Пейли применяет к природе, чтобы доказать существование Бога. Докинз считает, что теория естественного отбора Дарвина дает ответ на этот аргумент:

«Естественный отбор – слепой, бессознательный, автоматический процесс, открытый Дарвином и объяснивший нам существование и кажущуюся преднамеренной форму всех живых существ, – не держит в уме никакой цели. У него нет ни сознания, ни самосознания. Он не планирует будущего. Он не обладает проницательностью, не видит наперед, он вообще ничего не видит. Если и можно сказать, что в природе он играет роль часовщика, то часовщик этот – *слепой*» (Докинз 2019, с. 35).

Докинз доказывал, что естественный отбор и без воли Бо-

га мог создать животный мир, а Дональд Кэмпбелл доказывал, что культурный отбор и без воли человека мог создать цивилизацию. В своих работах 1950-х – 1960-х годов Кэмпбелл выдвинул теорию «слепой изменчивости и избирательного сохранения», согласно которой люди создают культурные варианты случайным образом, без предвидения будущего хода культурной эволюции, а потом подвергают варианты отбору, в ходе которого сохраняются и передаются в процессе обучения лишь те варианты, которые оказались полезными. «Обучение сохраняет шаблоны адаптивной реакции для последующего использования, сокращая процесс проб и ошибок» (Campbell 1959, p. 158). Таким образом, если продолжать аргумент Докинза и Кэмпбелла, можно прийти к выводу, что человек вовсе не является субъектом культуры, что культура вообще не нуждается в человеческом замысле, а смыслы развиваются сами собой: случайно появляются и передаются через обучение. Некоторым становится неуютно от такого предположения:

«... Исторический анализ научных и технических изменений показывает, что культурные изменения не настолько целенаправленны и что предвидение не настолько точно, как часто полагают. Суждения исторических личностей о проявленной ими целенаправленности часто выносятся задним числом и могут оказаться преувеличениями. Тем не менее в этом вопросе нет достаточных системных доказательств – по крайней мере, сравнимых с экспериментами Лурии и Дель-

брюка в биологии. Поэтому может оказаться, что культурная эволюция бывает, как минимум в некоторых случаях, направленной, а не слепой, и что культурная и биологическая эволюции существенно друг от друга отличаются» (Месуди 2019, с. 91-92). [Эксперименты Лурии и Дельбрюка, проведенные в 1940-х годах, показали, что мутации в бактериях не являются результатом давления отбора, а происходят случайно. – А. К.]

Является ли новый смысл случайным? Выше мы показали, что всякий смысл s можно свести к некоторому минимальному действию s^* . Минимальное действие – это самое короткое описание смысла, которое позволяет его воспроизвести. Генри Кастлер поставил в свое время вопрос следующим образом:

«Как можно узнать, что в том или ином случае действительно возникла хоть какая-то новая информация и что “новое” не просто результат перестройки ранее существовавших образцов в соответствии с ранее существовавшими законами?» (Кастлер 1967, с. 30).

Очевидно, что новая информация возникает в том случае, если смысл представляет собой некоторое минимальное действие, то есть если его нельзя свести к другому смыслу – описать строкой более короткой, чем он сам. Из теории информации известно, что чем ближе сложность смысла s к величине минимального действия s^* , тем более случайным является смысл: «Среди всех описаний s есть кратчайшее,

называемое s^* , а длина s^* – это алгоритмическая энтропия $K(s)$. Строка s является случайной, если у нее нет описания намного короче, чем она сама. Ее энтропия примерно равна ее собственной длине» (Schumacher 2015, p. 240).

Таким образом, всякий *по-настоящему новый смысл* случаен, непредсказуем. Однако новая информация еще не есть новый смысл. Человек своими действиями стремится не просто создать новую информацию, но и стремится удовлетворить свои потребности. Смысл – это не только определенность, но и направленность. Новая информация должна быть вписана в существующую культуру, и только это делает ее смыслом. Новый смысл случаен, и вместе с тем необходим, в этом Кастлер видит ответ на свой вопрос:

«Ответом могут служить слова композитора Пьера Буле, который усматривал задачи творчества в том, чтобы “сделать непредсказуемое неизбежным”. Попытаемся раскрыть это великолепное определение. Если в работе действительно есть какой-то подлинно новый элемент, то предсказать его заранее, очевидно, совершенно невозможно, и здесь не помогут никакие имеющиеся данные; а если работа удалась, то этот непредсказуемый элемент должен стать совершенно неизбежным, приобрести силу закона» (Кастлер 1967, с. 30).

Смыслы возникают случайно и передаются по необходимости. Всякий смысл случаен, но, раз появившись, оно обретает силу закона, воспроизводясь в нормах. Кастлер называет это «случайный и запомненный выбор». «“Запоминание

случайного выбора» служит механизмом *создания* информации, и по своей природе этот механизм совершенно отличен от механизма *обнаружения* информации» (Кастлер 1967, с. 29).

Если смыслы развиваются сами собой, а не благодаря человеческому замыслу, то, может быть, вся культура является результатом эволюции смыслов, их случайного изменения и избирательного сохранения? Сотни тысяч, может быть, миллионы лет продолжался этап смешанного естественного и культурного отбора, этап традиционного выбора длился тысячи или десятки тысяч лет. В течение этого времени субъектами самовоспроизводства выступали прото-человеческие и человеческие популяции, за развитием которых терялись отдельные личности, их замыслы и их судьбы. Как писал Альфред Кребер, глядя на тысячелетнюю историю можно легко прийти к вере в скрытые силы, которые правят людьми без всякого участия с их стороны:

«Когда кто-то приобрел привычку наблюдать за тысячелетними процессами и грандиозными событиями – а отдельные личности при этом уменьшаются до незначительности – то очень легко отрицать их последующее влияние, даже любое влияние, и таким образом, вплотную подойти к вере в неопределенные имманентные силы; еще шаг, и эти силы станут непостижимыми» (Kroeber 1952, p. 9).

Возникает трудный вопрос о том, играет ли личность как субъект действий какую-либо значимую роль в развитии

культуры, и вообще, обладает ли человек свободой воли.

Трудная проблема субъекта

Как и при естественном отборе, на ранних этапах смешанного отбора отдельные особи, *индивиды*, не являются *единицами* отбора, выступая всего лишь как элементы самовоспроизводящихся популяций, как подражатели и продолжатели сначала во многом еще животных, а затем человеческих традиций. Отдельно взятый индивид ни тогда, ни позже не может воспроизвести сам себя, в одиночку он не может ни породить, ни воспитать нового человека, ни даже сохранить свой собственный здравый смысл: человек дичает в одиночестве. Однако по мере накопления смыслов в ходе смешанного отбора изощренность, сложность первобытных общин возрастает, а с ней возрастает субъектность индивидов.

Усложнение технологий, организаций и психологий ведет к складыванию сознания и личности как проявления этого сознания. Индивид обретает (само)сознание и становится личностью тогда, когда начинает обособлять себя от общности, частью которой он является, и вместе с тем искать себя в этой общности. Майкл Грациано пишет, что сознание – это модель внимания: мы приписываем внимание другим людям и поэтому приписываем его себе (Graziano 2013). Мы бы сказали, что сознание – это модель смысла. Мы приписываем смыслы другим и поэтому приписываем их себе. Со-

знание – это функция, производная от мышления:

«Это способность извлекать из мыслительной деятельности ее алгоритмы (способы), оценивать адекватность или неадекватность, качество своих действий, программировать, регулировать и контролировать их. Критерии сознания человек извлекает из окружающей среды, из ее явлений и морально-этических норм, которые приняты в семье, окружении и обществе в целом» (Визель 2021, с. 136).

Сознание не было дано человеку изначально. Джулиан Джейнс в своей книге «Происхождение сознания в процессе слома двухкамерного разума» (1976) писал, что изначально у человека не было сознания, что оно появилось уже в историческое время, возможно, в эпоху письменности. (Само)сознание появилось тогда, когда «голоса», говорившие человеку, что делать, превратились в голос его собственного разума. Он находит подтверждение этому в поэмах Гомера и у других древних авторов:

«В отличие от нашего собственного субъективного сознательного разума мы можем назвать менталитет микенцев двухкамерным разумом. Воля, планирование, инициатива организуются бессознательно, а затем “говорятся” индивидууму на его привычном языке, иногда от лица друга, авторитетной фигуры или “бога”, а иногда просто в форме голоса. Индивидуум подчинялся этим голосам-галлюцинациям, потому что сам он не “видел”, что ему нужно делать» (Jaynes 1976, p. 75). «Как только человек смог “познать

себя”, как советовал Солон, смог совместить “времена” бок о бок в пространстве разума, смог “увидеть” себя и свой мир “глазом” своего разума, поос, божественные голоса стали не нужны, по крайней мере, в повседневной жизни. Они были оттеснены в особые места, называемые храмами, или к особым людям, называемым оракулами. И то, что новый единый ум (поус, как его стали называть), вобравший в себя функции других ипостасей, оказался успешным, подтверждается всей последующей литературой, а также реорганизацией поведения и общества» (Jaunes 1976, p. 287-288).

Роберт Сапольски пишет, что свобода воли определяется способностью человека противостоять биологическим порывам (Sapolsky 2017, p. 597). Но откуда берется эта способность? Из двойственной природы человека – как животного и как общественного существа. В «Федре» Платон уподоблял душу соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего (Платон 1990-1994, т. 2, с. 155). В «Государстве» же он писал, что человек – это единство трех начал: разумного, аффективного (ярость и стремление к соперничеству) и природного (страсти и вожделения). «Познаем мы посредством одного из имеющихся в нас свойств, а гнев обусловлен другим, третье же свойство заставляет нас стремиться к удовольствию от еды, деторождения и всего того, что этому родственно» (Платон 1990-1994, т. 3, с. 208).

Культурный опыт представляет собой совокупность случайных и запомненных выборов, передаваемых посредством

обучения. Индивид способен выбирать потому, что он обладает значимой частью этого опыта. Человек как культурный микрокосм – это слепок с общества как макрокосма. «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть ансамбль всех общественных отношений» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 3, с. 3, перевод исправлен). «Общество» и «индивид» – это лишь две крайние точки «человека», взятого как абстракция. «Люди могут выполнять действия, которые традиционно называются “мысль” или “чувство”; однако эти действия можно полноценно рассматривать как формы отношений, выполненные в изолированном пространстве индивидуального человека» (Герген 2016, с. 199).

Индивид накапливает индивидуальный опыт, который позволяет ему делать выбор между новыми, случайными (контр)фактами – постольку, поскольку они находятся на границах его индивидуального опыта. Ярким примером является профессиональный опыт: чем он больше, тем выше способность индивида принимать решения в неопределенных ситуациях, связанных с его профессией. В традиционном аграрном обществе не только общество-культура в целом, но и отдельный индивид способен делать выбор, то есть обладает свободой воли.

Причинная модель (знание) в исходном пункте является средством деятельности, а в конечном пункте – самим субъектом, то есть (со)знанием. Люди эволюционируют по-

средством обучения, посредством возрастания смыслов, накапливаемых от поколения к поколению в виде культурного опыта – норм, знаний и умений. Повышение сложности смыслов выражается в том числе в усложнении причинной модели, в которой отражаются взаимосвязи целей и результатов действий и которая есть накопленное условие совершения новых действий.

Свобода воли основана на множественности смыслов, на том, что люди способны создавать контрфакты. Свобода воли находится на пересечении необходимостей. Иными словами, переход от отбора к выбору связан не с тем, что на этапе отбора (эволюции ранних гоминид) прото-люди не могли выбирать, а с тем, что им было не из чего выбирать – они не создавали контрфакты. Выбор появился одновременно со способностью создавать контрфакты. Откуда взялись эти контрфакты? Можно предположить, что выбор появился тогда, когда началось тесное общение разных общин, так что члены этих общин смогли познакомиться и сравнить смыслы; тогда, когда накопление культурного опыта предоставило людям выбор вариантов действий.

Свобода воли – это способность индивида создавать случайное на пересечении необходимостей – природных и социально-культурных программ – и способность выбирать из этого случайного. Не имея точных данных о пролетах моста, связывающего между собой приматов и человека, мы не можем сказать, в какой именно момент «голоса» в голове

человека превратились в голос его собственного разума. Но можем сказать с некоторой уверенностью, что разум является результатом взаимодействия трех сил: первичных эмоций, смыслов и случайного запомненного выбора. Разум – это не программа, а эволюционный процесс, он не сводим к инстинктам и обучению. «Культуру нельзя приравнять непосредственно к окружающей среде или эко-нише ... Человеческий мозг – это отбирающая (selectional), а не нормативная (instructional) система» (Edelman 2006, p. 55). Изменение животного зависит от изменения обстоятельств среды и генетических изменений. Изменение человека зависит не только от среды, но и от его разума и создаваемых им (контр)фактов. Свобода человека состоит в том, что, выбирая между смыслами, он может действовать против шансов собственного выживания и выживания своего рода: «Холостяцкий образ жизни не наследуется генетически» (Докинз 2013, с. 303).

Взаимный эволюционный отбор субъектов и смыслов происходит, когда люди выбирают между стратегиями, причем выбор означает не только принятие решения, но и способность его реализовать. Таким образом, конкуренция смыслов происходит при выборе между ними, а конкуренция между людьми – в ходе деятельности, то есть реализации выбранных стратегий. В «зефирном эксперименте» детям предлагали выбор: съесть одну конфету немедленно или две конфеты после 15-минутного ожидания. Ребенок выбирал

стратегию – съесть одну конфету сразу или дождаться двух – а стратегии выбирали детей. Обследование спустя 20-30 лет показало: те, кто в детстве был способен дождаться второй конфеты, были более успешны в зрелом возрасте.

В то же время, как мы видели выше, судьба экспедиции Франклина показывает всю ограниченность разума людей промышленной эпохи в сравнении с культурным опытом охотников и собирателей, накопленным многими поколениями людей и смыслов. Рациональные стратегии индивидов проигрывают простым алгоритмам самовоспроизводства общества-культуры, основанным на обучении. Алгоритмы самовоспроизводства общества-культуры построены на разделении, умножении и сложении, росте сложности и возрастании смыслов. Возрастание смыслов – то есть деятельности, норм деятельности и самой деятельной силы – направлено на преодоление неопределенности.

3. Разделение, умножение и сложение смыслов

Деятельность и эффективность

Одно и то же действие может произвести два разных продукта в зависимости от того, в каких обстоятельствах оно совершается, на какие природные или культурные явления оно

полагается. Одно и то же зерно, будучи брошено на скалу или на плодородную почву, может дать два разных *эффекта*. Но *сложность* продукта в обоих случаях будет одинаковой. Эффект может быть результатом случайности (как у Робинзона Крузо, бросившего зерно в удачное место) или необходимости, раскрытой в знаниях, то есть причинной модели:

«Архетип причинного исследования выглядит следующим образом: где и как я должен вмешаться для того, чтобы отклонить течение событий от пути, по которому оно бы продолжалось без моего вмешательства, в сторону, более соответствующую моим желаниям? Именно в этом смысле человек ставит вопрос: кто или что лежит в основе вещей? Он ищет регулярность и “закон” потому, что хочет вмешаться» (Мизес 2005, с. 25).

Знания раскрывают причины явлений и позволяют людям осваивать явления, превращать их в эффекты. На превращении природных и культурных явлений в эффекты основана любая технология:

«Базовая концепция технологии, которая заставляет технологию вообще работать, всегда заключается в использовании некоторого основного эффекта или эффектов. По сути, технология состоит из определенных явлений, запрограммированных для определенной цели. Я использую слово “запрограммированный” здесь намеренно, чтобы обозначить, что явления, которые заставляют технологию работать, организованы запланированным образом; они настроены для

использования. Это дает нам еще один способ изложить суть технологии. Технология – это программирование явлений под наши цели» (Arthur 2011, p. 51).

Программирование явлений происходит посредством построения причинных моделей – моделей событий и программ действий. В модели события причина связывается с явлением, в программе действия деятельность связывается с эффектом.

Материальные технологии основаны на материальных явлениях. Например, эффективность водяной мельницы зависит от того, как в ней используется падение воды под действием силы тяжести. Нижнебойное колесо размещается прямо в потоке воды, что упрощает строительство мельницы, но повышает вероятность поломок. Верхнебойное колесо требует строительства дамбы и канала для подвода воды к верхней части колеса. Исторически нижнебойные колеса предшествовали верхнебойным и длительное время считались более эффективными, пока в 1759 году Джон Смитон не показал, что эффективность верхнебойных колес составляет 52-76% по сравнению с 32% для лучших нижнебойных (см. Смит 2020, с. 151). Социальные технологии основаны на социальных явлениях – например, дальше мы покажем, что деньги основаны на потребительной и меновой ценности. Абстрактные технологии основаны на абстрактных явлениях. Антикитерский механизм с его шестеренками и алгоритмами основан на явлениях небесной механики. Этот

механизм, созданный во II веке до н. э. и поднятый с утонувшего судна в 1900 году, позволял рассчитать даты 42 астрономических событий, включая даты будущих солнечных и лунных затмений.

Для одного и того же уровня сложности может быть характерна разная эффективность: есть более и менее эффективные работники при равных квалификации и орудиях. Более высокая эффективность не всегда требует более высокой сложности. Однако для повышения уровня сложности всегда необходима более высокая эффективность: исходя из принципа наименьшего действия люди повышают сложность своей деятельности только тогда, когда это требуется для повышения эффективности. Сложность смыслов возрастает ровно настолько, насколько этого требуется для повышения их эффективности, то есть для овладения явлениями.

Под экономикой, или хозяйством, мы понимаем отношения между людьми по поводу технологий и ту деятельность, которая вытекает из этих отношений. Экономика – это процесс, посредством которого люди накапливают, выбирают и применяют технологии. Экономика является результатом длительного процесса разделения деятельности, или, как говорили раньше, разделения труда. Здесь нужно уточнить, что разделение деятельности состоит в появлении новых ее особенностей, в умножении материальных, социальных и абстрактных технологий. Разделение и сложение деятельности не сводится к специализации и кооперации: новые особен-

ности той или иной деятельности появляются ежедневно, но не все из них закрепляются в социально-культурном порядке как обособленные виды деятельности. Экономическая деятельность не сводится к производству, она включает в себя также потребление и обращение – постольку, поскольку они вытекают из отношений по поводу технологий и их продуктов.

Производство не может быть основано на случайности, оно требует повторяющегося результата и основывается на культурном опыте и социально-культурном порядке. Исторически для определения отношения между потребностями и продуктами деятельности складывалось представление о норме деятельности. Норма представляет собой общественно обусловленное действие, которое необходимо выполнить, чтобы воспроизвести смысл. План нормы связывает между собой план содержания и план выражения и включает в себя как фигуры содержания, так и фигуры выражения. Возникает соблазн отождествить минимальное действие со смыслом как таковым. Однако отдельный смысл s не сводится к минимальному действию s^* , он всегда включает в себя «избыточные» фигуры выражения и содержания – остатки прошлого и зачатки будущего, ошибки и успехи обучения или творчества.

Количество фигур в отдельном смысле, то есть длину строки $L(s)$, взятую с учетом «избыточных» фигур, мы называем *массой* смысла. С одной стороны, масса смысла зави-

сит от индивидуальных особенностей субъекта действия. С другой стороны, необходимая масса смысла зависит от некоторого общего стандарта действия. *Общественно* необходимой массе смысла соответствует представление о некоторой «нормальной» производительности, определяемой как отношение между сложностью, эффективностью и интенсивностью смысла, где интенсивность – это количество повторений действия за единицу времени.

Производительность – это отношение результата деятельности к субъекту, процессу и средствам деятельности. То есть производительность – это сопоставление смысла с самим собой, сопоставление действия и его результата. Природа смысла как такового и состоит в некотором противоречии, соответствии или несоответствии, между действием и его результатом. Можно сказать, что производительность есть показатель осмысленности – постольку, поскольку смысл можно свести к результату.

Повышение производительности может требовать увеличения затрат деятельности, на что люди идут неохотно. Принцип наименьшего действия – один из основных законов человеческой истории:

«Как только отдельная сельскохозяйственная система достигает пределов продуктивности, люди могут решить мигрировать, остаться и стабилизировать свою численность, остаться и позволить численности уменьшиться... или освоить более эффективный способ ведения хозяйства. Послед-

няя опция не обязательно более привлекательная или более вероятная, чем другие, и переход к ней часто откладывается или совершается неохотно, поскольку такой сдвиг почти неизбежно требует высоких затрат энергии – в большинстве случаев как труда человека, так и животных. Увеличенная продуктивность позволит прокормить большее население при обработке той же самой (или даже меньшей) территории, но возврат полезной энергии может не то что не вырасти, а даже уменьшиться. Нежелание расширять постоянно обрабатываемые земли (выбор, который влечет за собой более высокие энергетические вложения для вырубки девственного леса, осушения болот или создания террасированных полей) ведет к тому, что неудобные пространства остаются невостребованными очень долго. Деревни в Европе эпохи Каролингов были перенаселены, и зерна постоянно не хватало, однако новые поля, к примеру, в Германии и Фландрии создавались редко и только там, где их легко обрабатывать» (Смил 2020, с. 53-54).

Хотя любая технология связана с затратами энергии, изменения в ее сложности не зависят от изменений в количестве используемой энергии. Само по себе овладение все большим количеством энергии не ведет к приращению смыслов – технологий, организаций и психологий. «Детерминистическая связь между уровнем использования энергии и культурными достижениями – в значительной степени спорная идея» (Смил 2020, с. 10). Дело в том, что усложне-

ние смыслов в значительной степени основано на социальных и абстрактных технологиях, развитие которых не требует больших энергетических затрат:

«Даже в намного более простых обществах, чем наше, значительную часть труда составляет умственный – принятие решений о том, как подступиться к задаче, как выполнить ее при имеющихся ресурсах, как снизить энергетические издержки. Метаболические затраты на размышления, даже очень напряженные, невелики по сравнению с постоянным мускульным напряжением. С другой стороны, умственное развитие требует многих лет, знакомства с языком, социализации и обучения как прямого, так и посредством накопления опыта, и по мере того, как общество усложняется, этот процесс становится все более сложным и долгим, обзаводится собственными социальными институтами вроде школ и университетов» (Смил 2020, с. 25).

Усложнение смыслов не вытекает с необходимостью из использования большего количества энергии, но верно обратное: изменения в использовании энергии зависят от изменений в сложности смыслов. Возрастание сложности требует более эффективного использования энергии (см. Смил 2020, с. 401-402).

Повышение производительности направлено на увеличение эффективности деятельности и на уменьшение количества деятельности, необходимого для удовлетворения потребностей. Повышение производительности может проис-

ходить двумя путями:

- (1) как исключение избыточных фигур, то есть приведение массы действия как можно ближе к минимальной;
- (2) как такое усложнение смысла, которое позволяет повысить его эффективность и (или) сократить интенсивность.

Таким образом, рост производительности направлен как на повышение эффективности, так и на *экономии действия*, в том числе посредством окольных способов производства – домашних животных, машин и механизмов и т. д.

Средства деятельности являются необходимыми условиями минимального действия: металл, печь, молот и наковальня являются необходимыми условиями кузнечного дела; шерсть и веретено (или прялка) – необходимыми условиями прядения. Средства деятельности обеспечивают данную сложность действия, в их отсутствие необходимо сначала затратить деятельность на их создание. Иными словами, в сложность минимального производственного действия (кузнечного или прядильного) включена сложность действий по созданию соответствующих средств производства. Равным образом в сложность минимального потребительского действия включена сложность предмета потребления – прежде, чем потреблять, необходимо произвести предмет потребления.

Все развитие технологий, начиная с перехода от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию, означало снижение интенсивности деятельности за счет ее усложнения.

Аграрная эволюция выразилась в изменениях в скелете человека, поскольку она означала резкое снижение интенсивности человеческой деятельности:

«Традиционное хозяйство по большей части требовало напряженной работы, но периоды тяжелого труда обычно сменялись периодами, когда активность резко снижалась – паттерн существования, совершенно отличный от постоянной нагрузки охотников и собирателей. Переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству оставил четкие физические свидетельства в наших костях. Оценка скелетов примерно 2000 человек в Европе, живших на протяжении 33 тысяч лет, от верхнего палеолита до XX века, показала уменьшение сопротивления на изгиб у костей ног по мере того, как наши предки переходили ко все более оседлому образу жизни. Процесс завершился примерно два тысячелетия назад, и с тех пор данный параметр не менялся, несмотря на то что производство еды стало куда более механизированным. Это доказывает, что переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству, от кочевого образа жизни к оседлости был на самом деле эпохальным в человеческой эволюции» (Смил 2020, с. 57).

Более крупные общины земледельцев требовали более сложной организации деятельности, но позволяли распределить энергозатраты и снизить интенсивность индивидуального труда. Рост производительности в традиционном аграрном производстве был основан и на более интенсивном ис-

пользовании земли, и на усложнении труда за счет тягловых животных, за счет полива и удобрения, повышения разнообразия возделываемых культур:

«Попытка добиться более высоких урожаев не имела шансов на успех без трех важных шагов вперед. Первый сводился к частичной замене человеческого труда на труд животных. При выращивании риса только самые изнурительные работы вроде обработки поля мотыгой заменялись глубокой вспашкой с помощью буйволов. В растениеводстве на сухих землях труд животных заменил человеческий и ускорил выполнение значительно большего количества полевых и не только полевых работ, освободив тем самым людей для иных, более продуктивных видов деятельности или для отдыха. Подобная смена первичных движителей сделала куда больше, чем ускорила и облегчила работу, она улучшила ее качество, во вспашке ли, в посеве или обмолоте зерна. Второй шаг – ирригация и использование удобрений, и он если не совсем убрал, то ослабил два серьезных ограничения продуктивности сельского хозяйства – нехватку воды и питательных веществ. Третий – выращивание большего разнообразия культур, с помощью севооборота или параллельно, – сделал традиционное сельское хозяйство одновременно более надежным и более продуктивным» (Смил 2020, с. 68-69).

При использовании тяглового животного, при ирригации и удобрении полей происходит усложнение деятельности – требуется выращивать корм для животного, сооружать кана-

лы, собирать навоз и т. д., так что величина минимального действия возрастает. С другой стороны, интенсивность самого крестьянского труда в этом случае может снижаться.

Социально-культурный порядок и справедливость

Смысл как *действие* создает продукт. Смысл как *деятельность* создает общество-культуру и социально-культурный порядок, или уклад. Уклад как совокупность технологических, организационных и психологических норм, регулирующих деятельность, представляет собой *контекст*, в котором происходит эволюция смыслов. Общества-культуры являются продуктами эволюции, и как таковые, они упорядочены настолько, насколько *необходимо*, чтобы они продолжали функционировать. Как и любой смысл, порядок не сводится к минимальному действию, он всегда содержит избыточные фигуры – остатки прошлых и зачатки будущих укладов. Это означает, что в обществе-культуре всегда существует нескольких конкурирующих порядков, общество всегда многоукладно.

Маркс выделял в докапиталистических обществах три способа производства: азиатский, античный (рабовладельческий) и феодальный. Впрочем, уклад не сводится к способам *производства*. Кодзин Каратани предложил рассматривать экономику с точки зрения способов *обращения*, а не спосо-

бов производства. Исторически древнейшие общества были основаны на способе обращения, состоящем во взаимности даров. Со становлением государства ведущую роль стал играть способ обращения, основанный на обмене покорности на защиту, дани – на перераспределение (см. Karatani 2014, p. 70). В традиционном обществе функционирует множество укладов, которые зависят не только от способа производства и способа обращения, но и от способа *потребления* – например, от ведущей сельскохозяйственной культуры:

«Возникновение государства возможно, только если практически нет альтернатив пропитанию на основе одомашненных зерновых. Если же выживание обеспечивается несколькими пищевыми сетями, как у охотников-собирателей, подсечно-огневых земледельцев, морских собирателей и пр., то государство вряд ли возникнет, поскольку отсутствует легко оцениваемый и доступный продукт питания, который оно может присвоить» (Скотт 2020, с. 41).

Требованиями к такой сельскохозяйственной культуре являются возможность изъятия у производителя – например, пшеница, которую необходимо своевременно сжать, а не клубни, которые могут годами храниться в земле; и одновременность созревания – опять-таки пшеница, а не, например, бобовые (см. Скотт 2020, с. 40-41). Измеримость и делимость основной культуры, то есть возможность *расчета* урожая и налогов, являются ключевой предпосылкой возникновения государства. Пшеница, ячмень, рис, просо и

кукуруза – это «главные *политические* культуры» (см. Скотт 2020, с. 154-155):

«Есть соблазн сказать, что государства возникали в экологически богатых регионах, но это не так. Совершенно необходимым было иное богатство – доминирующая злаковая культура, урожай которой легко измерить и присвоить, а также население, выращивающее эту культуру, которым можно легко управлять и которое просто мобилизовать» (Скотт 2020, с. 43-44). «Зачаточные формы государственности возникли благодаря сочетанию запасов зерна с рабочей силой, которое сложилось в позднем неолите и стало объектом контроля и захвата» (Скотт 2020, с. 138-139).

Технологии, необходимые для возникновения политической организации, не сводятся к использованию материальных эффектов, подобных выращиванию зерновых культур. Такая социальная и абстрактная технология, как письменность, является необходимым условием для централизованного учета, расчета и формализации политических норм:

«Весь процесс образования раннего государства представляет собой стандартизацию и абстракцию, необходимые для работы с единицами труда, зерна, земли и еды» (Скотт 2020, с. 168, перевод исправлен). «Письменность, видимо, необходима централизованному стратифицированному государству, чтобы воспроизводить себя... Письменность – странная вещь... Один феномен, который неизменно ее сопровождает, – формирование городов и империй: интегра-

ция политической системы, т. е. включение значительного числа индивидов в иерархию каст и рабов... Такое впечатление, что письменность способствует скорее эксплуатации, чем просвещению человечества» (Скотт 2020, с. 8).

Смыслы, в том числе письменность, возникают и возрастают не для просвещения и не для эксплуатации человечества. Они возрастают постольку, поскольку это необходимо для самовоспроизводства общества-культуры. Общась по поводу технологий, люди создают экономику. Общась по поводу организаций, они создают политику. Если экономика – это выбор *технологии*, то политика – это выбор *организации*. Политическая деятельность направлена на выбор институтов в условиях конкуренции людей, их потребностей и мотивов. Как говорят Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон, «политика – это процесс, посредством которого общество выбирает правила, которые будут им управлять» (Acemoglu and Robinson 2012, p. 79-80). Разделение и сложение технологий идет рука об руку с разделением и сложением порядка – возникновением новых норм и возрастанием сложности порядка.

Если технология основана на использовании эффектов, то экономическая организация – на упорядочивании отношений между людьми, или распоряжении. Исторически первой формой экономической организации было применение, или распоряжение *в процессе* использования: если вещь не используется, она не *применяется*. Когда в эпоху географиче-

ских открытий туземцы пытались забирать вещи с кораблей европейцев, то для европейцев они были *ворами*, хотя сами туземцы лишь хотели *применить* вещи, которыми европейцы в данный момент не пользовались. Дальнейшее разделение и сложение порядка приводит к появлению второй формы – *владения*. Владение – это распоряжение пользователя, не привязанное по времени к процессу использования. Владелец распоряжается вещью на основании того, что он пользуется ею время от времени. Наконец, третьей формой является *собственность*. Собственник распоряжается вещью, хотя сам может вообще не пользоваться ею.

Рука об руку с экономическими организациями развиваются политические, управление людьми развивается вместе с управлением вещами. Первая форма политической организации, или политики, – это *община*, в которой деятельность ведется в той или иной степени совместно, в общем хозяйстве в рамках применения и *руководства*, основанного на культурном и личном опыте. Вторая форма политики – *вождество*, в котором применение дополняется владением, а руководство – *господством*, основанным на насилии. К вождеству можно применить концепцию «оседлого бандита» Мансура Олсона. Когда кочевая банда переходит к оседлости, она начинает отнимать у населения лишь часть продукта и предоставляет защиту от других банд, тем самым она создает условия для хозяйственной деятельности на контролируемой ею территории:

«Фактически, если кочующий бандит разумно обустроивается и начинает взимать свою дань в форме регулярных налогов, одновременно монополизировав право грабить в своем владении, то те, с кого он взимает налоги, получают стимул к ведению хозяйственной деятельности. Рационально ведущий себя оседлый бандит заберет в виде налога лишь часть дохода, поскольку в конечном счете он сможет извлечь больше дохода из своих подданных, оставив им стимул к производству дохода, который можно обложить налогом» (Олсон 2010, с. 170).

Вождество зависит от культурного опыта и традиции меньше, чем община, и создает больше пространства для выбора институтов. Тем самым оно создает предпосылки для третьей формы политической организации – *государства*. В государстве применение и владение дополняются собственностью, а отношения власти строятся как на традиции и насилии, так и на *формальной администрации* и *религии*. Ни одно государство не возникло без обращения к сверхъестественному. Как и вождества, государства не появились в результате некоторого одномоментного акта, «государственность – это институциональный континуум, скорее суждение в формате “более или менее”, чем утверждение “или/или”» (Скотт 2020, с. 42). Джеймс Скотт отмечает, что одной из основных задач, которые решали первые государства, была борьба с бегством населения. *Граница* наряду с *административным аппаратом* являются отличительными чер-

тами государства как политической организации (см. Скотт 2020, с. 141):

«Некоторые авторы утверждают, что становление государств было возможно только там, где население было со всех сторон окружено пустынями, горами или враждебной периферией» (Скотт 2020, с. 40).

По мере формирования государства как совокупности социальных технологий и норм и механизмов их реализации, формальный порядок приобретает все большую однородность, оттесняя альтернативные уклады на периферию общества-культуры – как географическую, так и социально-культурную. При этом периферия отказывается перенимать сложные технологии и организации, связанные с государством, опасаясь закабаления (см. Скотт 2020, с. 173-174). Однако и сами государства должны были опасаться периферии, будучи лишь вкраплениями в море безгосударственных популяций:

«... Первые государства, появившиеся на аллювиальных и наносных равнинах юга Месопотамии, Египта и Желтой реки, были просто крохотными с демографической и географической точек зрения. Они были лишь маленьким пятнышком на карте древнего мира и статистической погрешностью в общей численности мирового населения, составлявшей в 2000 году до н. э. примерно 25 миллионов человек. Это были крошечные сосредоточия власти, окруженные обширными пространствами, заселенными безгосударствен-

ными народами, или “варварами”» (Скотт 2020, с. 32).

Варвары не были лишь примитивными охотниками и собирателями, они были «темными двойниками» государств, и эволюционировали вместе с ними. Варвары образовывали разветвленные вождества, конфедерации скотоводов-кочевников, жившие за счет набегов на зерновые центры, наемничества и торговли:

«... Варвары занимали уникальную позицию и потому воспользовались преимуществами (часто занимались и прямыми поборами) взрывного роста торговли. Благодаря мобильности и рассеянию по нескольким экологическим зонам они фактически стали соединительной тканью для оседлых государств, живших за счет интенсивного земледелия» (Скотт 2020, с. 274). «И государства, и варвары хотели контролировать торговлю в пределах своей досягаемости, покоряли и грабили государства, их основной военной добычей и главным торговым товаром были люди. С этой точки зрения аграрные государства и варвары были рэкетирами-соперниками, предлагавшими свою защиту» (Скотт 2020, с. 271).

Переход от общины к вождеству и государству тесно связан с ростом населения и его плотности и столкновением общин между собой. Для члена изолированной общины она тождественна с человеческим родом, за пределами общины для него нет людей. В общине доверие и справедливость основаны на кровном родстве и общей судьбе. Скотоводы-ко-

чевники «имеют поразительно подвижные структуры родства, что позволяет им принимать и исключать членов группы в зависимости от таких факторов, как доступные пастбища, количество скота и насущные задачи, включая военные» (Скотт 2020, с. 262). Однако социально-культурный уклад, основанный на родственных отношениях, имеет пределы, за которыми начинается формальный порядок. Переход от общины к обществу, состоящему из чуждых друг другу людей, подрывает естественный уклад как основу доверия и справедливости и требует создания искусственного порядка, основанного на нормах администрации и религии.

Внутри безличного социально-культурного порядка заново формируются доверие и возможность слаженных действий, кооперации. Администрация не создает политическую власть как оппозицию власти общества. Администрация впервые создает само общество, пусть и на основе превращения людей – вождей, жрецов, правителей – в смыслы и центры, вокруг которых происходило формирование общества. Законы и догматы изменили условия идентичности и доверия, то есть распространили социальные нормы на неопределенный круг людей, объединенных общим подданством и общей верой. С их становлением доверие вышло за пределы узкого круга общины и стало распространяться на неограниченный круг сограждан и единомышленников:

«... Современные мировые религии, такие как христианство и ислам, смогли распространиться именно потому, что

они эффективно инкультурировали нормы просоциального поведения, которые стимулировали широкомасштабное сотрудничество между относительно анонимными незнакомцами. Согласно этой точке зрения, последователи современных мировых религий, таких как христианство и ислам, с большей вероятностью усвоят нормы просоциального поведения и, таким образом, будут относиться к другим анонимным людям с большей справедливостью и щедростью» (Hruschka and Henrich 2013, p. 5).

Доверие основано на общих нормах, правовых, религиозных, этических. Именно общая мораль обеспечивает ничем не подтвержденное и не обусловленное единство людей, вытекающее из принадлежности к общей культуре, то есть единой системе норм и идентичности. Мораль представляет собой практику, которая складывается в пространстве между инстинктами и разумом:

«Я предпочитаю употреблять термин “мораль” для обозначения таких неинстинктивных правил поведения, которые позволили человечеству, распространившись по всей земле, создать расширенный порядок. Дело в том, что понятие „мораль” имеет смысл только при противопоставлении ее импульсивному, неререфлективному поведению, с одной стороны, и рациональному расчету, нацеленному на получение строго определенных результатов, – с другой» (Хайек 1992, с. 26).

В отличие от общины общество не является человеческим

родом, единством всех человеческих существ. Общество – это механическое и абстрактное, а не органическое и конкретное единство, каким является община. Фердинанд Теннис проводил знаменитое различие между отношениями в общине и в обществе:

«Само это отношение, и тем самым связь, понимается либо как реальная и органическая жизнь – в этом состоит суть общности [Gemeinschaft], – либо как идеальное и механическое образование – таково понятие общества [Gesellschaft] ... Всякая доверительная, сокровенная, исключительная совместная жизнь (как мы находим) понимается как жизнь в общности. Общество же – это публичность, мир. В общности со своими близкими мы пребываем с рождения, будучи связаны ею во всех бедах и радостях. В общество же мы отправляемся как на чужбину» (Теннис 2002, с. 9-10).

Община – это единство индивидов и рода, общество же развивается в условиях разрыва между ними. Этот разрыв заполняется социальными категориями, которые образуются благодаря общей идентичности людей и единству их социальных действий. Социальные классы – лишь одна из разновидностей социальных категорий. Развитие общества-культуры движется не борьбой классов, но разрывом между обществом и индивидами, а социальные категории есть тот необходимый посредник, который связывает вместе общество и индивидов, связывает индивидов между собой. Стремление к идеалу, к единству индивидов и рода, остается

движущей силой социально-культурного развития:

«Для человека характерно свободное, т. е. сознательно совершаемое действие в согласии с универсальной, всеобщей целью рода человеческого. Идеал и есть это представление об итоговом совершенстве человеческого рода. Он включает в себя, таким образом, осознание того, что человек есть самоцель собственной деятельности и ни в коем случае не средство для кого-то или для чего-то, будь то бог или вещь в себе. Согласно Канту, идеал как состояние достигнутого совершенства человеческого рода, представляемое нами уже сегодня, характеризуется полным преодолением противоречий между индивидом и обществом, т. е. между индивидами, составляющими общество (род)» (Ильенков 2019-, т. 6, с. 56-57).

Для каждого момента в эволюции общества-культуры характерен свой идеал, свои нормы и свой выбор, который делают люди. *Общественная* необходимость – это контрфактический результат общественного выбора, деятельности людей в рамках некоторого идеального социально-культурного порядка. Под *индивидуальной* же необходимостью мы понимаем тот случай, когда один человек (или небольшая группа) делают выбор не только за себя, но и за других. Справедливость – это степень соответствия между общественной и индивидуальной необходимостью. Доверие, справедливость, взаимность являются ключевыми элементами социальности, которая позволяет самовоспроизводиться обществу-культу-

ре. Как отмечал Карл Полянй, взаимность и репутация, централизация и перераспределение благ являлись основой социально-культурного порядка традиционных общин: «взаимность и перераспределение способны обеспечить функционирование экономической системы без помощи письменных документов и сложного административного механизма» (Полянй 2014, с. 60).

Социально-культурный порядок не является тотальностью, целым, по отношению к которому индивиды выступают как части. Однако существуют такие виды порядка – например, государство и политико-экономическая организация в целом – которые тяготеют к тому, чтобы стать тотальностью. Объединяя в себе экономическую и политическую власть, государство становится самодовлеющим смыслом. Разделяя индивидов и род, государства и социальные категории ставят справедливость и доверие в зависимость от своего функционирования.

Деятельная сила и свобода

Существуют две практики применения понятия «культура». В первом случае культура определяется как все, что противостоит «природе», именно в этом значении мы до сих пор использовали это понятие. Во втором случае культура определяется как то, что находится за пределами экономики и политики. Первое, широкое, значение мы и дальше бу-

дем обозначать как «культура», а второе, узкое – как «культура*». Само по себе разделение культуры на «политику», «экономику» и «культуру*» является результатом эволюции смыслов, их разделения, умножения и сложения.

Наше широкое понимание культуры отличается от подхода, характерного для многих представителей социальных наук. Например, Аджемоглу и Робинсон сводят культуру к культуре*, то есть представлениям, религии, ценностям, морали:

«Культурная теория, как и географическая, имеет богатую родословную и может проследить свое происхождение как минимум до великого немецкого социолога Макса Вебера, который утверждал, что Реформация и протестантская этика, которая лежала в ее основе, были ключевыми факторами быстрого развития индустриального общества в Западной Европе. Культурная гипотеза больше не опирается только на религию, но подчеркивает также важность других типов представлений, ценностей и этики» (Acemoglu and Robinson 2012, p. 56-57).

Сведение культуры к культуре* может быть небезосновательным, если предположить, что культура* – это в некотором роде *минимальное описание* культуры в целом. Под культурой* мы понимаем отношения между людьми по поводу мышления. Мышление не сводится к оперированию символами и понятиями. По своей сути человеческое мышление является глубоко эмоциональным процессом, что про-

является, например, в религиозной, художественной, игровой деятельности. Мышление не сводится и к работе мозга, мышление – это деятельность всего организма человека, поскольку эта деятельность направлена на его психический мир. Культура* – это, если угодно, *выбор мышления*.

Здесь нужно уточнить различие между индивидом и личностью. Личность не равна индивиду. Индивиды составляют население, личности составляют общество-культуру. Личность – «это особое качество, которое *приобретается* индивидом в обществе» (Леонтьев 1983, т. 1, с. 385).

«Личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не рождаются, личностью *становятся*. Поэтому-то мы и не говорим о личности новорожденного или о личности младенца, хотя черты индивидуальности проявляются на ранних ступенях онтогенеза не менее ярко, чем на более поздних возрастных этапах» (Леонтьев 1983, т. 2, с. 196).

Выше мы писали, что смысл как *деятельность* создает общество-культуру. Та часть деятельности, которую ведет индивид, формирует его личность. Становление общества-культуры превращается в индивиде в становление личности:

«... Реальное основание личности человека лежит не в заложенных в нем генетических программах, не в глубинах его природных задатков и влечений и даже не в приобретенных им навыках, знаниях и умениях, в том числе и професси-

ональных, а в той системе деятельности, которые реализуются этими знаниями и умениями» (Леонтьев 1983, т. 2, с. 202).

Здесь наверное, можно было бы сказать, что личность – это деятельное знание. «Знание – это действие, потому что исправление знания влечет за собой обновление нас самих» (Frisina 2002, р. 76). С этой точки зрения возрастание субъекта – как общества-культуры, так и личности – состоит в росте сложности знаний, их разделении, умножении и сложении. Когда Хайек вводил понятие «разделение знаний», он хотел выйти за пределы «разделения труда» как множества *существующих* видов деятельности. Разделение знаний по Хайеку – это множество всех *возможных* видов деятельности при данном состоянии общества-культуры, то есть множество (контр)фактов:

«Знание в данном смысле – это нечто большее, чем то, что обычно описывается как умения, и разделение знания, о котором мы здесь ведем речь, – это нечто большее, чем то, что понимают под разделением труда. Говоря короче, «умение» относится только к знанию, которое человек использует в своей профессии, тогда как то дополнительное знание, о котором нам надлежит иметь какое-то представление, чтобы мы были способны высказать нечто о процессах в обществе, – это то знание альтернативных возможностей действия, которое человек непосредственно не пускает в дело» (Хайек 2020, с. 63).

Однако возможные виды деятельности определяются не только нашими знаниями. Личность не сводится к когнитивным функциям и технологиям. Принцип наименьшего действия не сводится к минимизации технологии, этот принцип касается смысла в целом. Наименьшее технологическое действие может повлечь за собой такие социальные и психологические потери и затраты, которые с лихвой перекроют любую экономию материальных усилий – в этом состоит, например, смысл морали, репутации и уголовного права (ср. Поланьи 2014, с. 59). Многие виды деятельности основаны не на знаниях, а на необоснованных и ложных представлениях, на творческих порывах, предрассудках и аффектах. «Наши моральные и эстетические схемы – это сложные конструкции, сочетающие широкое культурное наследие с плотной смесью абстрактных рассуждений и непосредственности конкретного опыта» (Frisina 2002, p. 14). Моральные и эстетические конструкции влияют на сознание и личность не меньше, чем когнитивные.

Множество деятельностей, которые ведет индивид, формирует в нем деятельную силу – личность и идентичность. Если личность обособляет индивида внутри общества-культуры, то идентичность встраивает его в общество-культуру, указывая, как вести себя в зависимости от позиции внутри социального контекста (см. Акерлоф и Крэнтон 2011, с. 13). Джордж Акерлоф и Рэйчел Крэнтон выделяют три ингредиента идентичности: «1) социальные категории, 2) нормы и

идеалы, 3) потери и приобретения в полезности идентичности» (Акерлоф и Крэнтон 2011, с. 53). Согласно Акерлоф и Крэнтон, люди выбирают свою идентичность как в долгосрочном, так и в краткосрочном плане, причем выбор не обязательно является сознательным. Социальные категории – это социальные роли и группы, с которыми отождествляют себя индивиды; нормы и идеалы – это их внешние и внутренние идентификаторы; потери и приобретения – это способность адаптироваться к данной социальной роли (позиции) и вытекающая из этого польза или вред для индивида (Акерлоф и Крэнтон 2011, с. 21-23).

Когда экономисты пытаются распространить теорию полезности на человека и его деятельную силу, становятся очевидны пределы неоклассической теории. Сами Акерлоф и Крэнтон, говоря об идентичности, показывают, что ее нельзя свести к «потерям и приобретениям в полезности». В своей жизни человек не движется лишь потребностями существования, упорядоченными между собой утилитарными предпочтениями. Человек движется также нормами и идеалами, потребностями в общении и самовыражении. Полезности, нормы и идеалы не упорядочены между собой, зачастую они находятся в конфликте. Принцип наименьшего действия означает, что наряду с требованиями полезности человек учитывает требования справедливости и свободы. Свобода – это возможность и способность человека выбирать между видами деятельности. Смысл жизни складывается

ся из тех смыслов, формирующих общество-культуру, которые выбрал себе человек. В своей деятельности человек руководствуется не функцией полезности, а *функцией смысла*, в которой полезность является лишь одним из аргументов. В отличие от неоклассической «полезности», которая не имеет исторического измерения, смысл эволюционирует. Неоклассическую полезность можно «максимизировать» только здесь и сейчас, а для возрастания смысла может потребоваться процесс личного и социально-культурного развития.

Простыми примерами, когда человек может поступать вопреки собственной пользе, являются действия, совершенные по религиозным или этическим мотивам. Благодаря (контр)фактам человек выходит в сферу возможного. Становление личности приводит человека на край бытия и к страху смерти. Страх смерти – результат эволюции смыслов: «Знание смерти, непостижимой возможности того, что жизненный опыт закончится, есть данность, которую может сообщить только символическое представление» (Deason 1997, p. 436). На краю бытия человек приходит к сверхъестественному и религии, религия представляет собой один из наиболее мотивирующих смысловых доменов в истории культуры.

Мораль является еще одним из смысловых доменов, который достался нам в наследство от традиционного общества. Мораль – это результат последовательного обучения многих поколений людей, то есть практика, лежащая между

инстинктами и разумом. Мораль тесно связана с непосредственными эмоциональными, аффективными реакциями:

«Коль скоро мы сочли нормы морали традициями, которые прививаются человеку и которым он научается, а не врожденными инстинктами, то возникает немало интересных вопросов об их соотношении с тем, что принято называть чувствами, эмоциями или переживаниями. Например, хотя нормы морали и прививают, они не выступают непременно в виде свода эксплицитно выраженных правил, а могут проявляться, как проявляются настоящие инстинкты, т.е. как смутное неприятие действий определенного рода или отвращение к ним. Зачастую они помогают нам сориентироваться и сделать выбор: какому из врожденных инстинктивных влечений дать волю, а какое подавить» (Хайек 1992, с. 27).

Теория Дарвина об эволюционном происхождении эмоций привела Герберта Спенсера и некоторых его последователей к выводу, что в будущем человек будет становиться все менее эмоциональным (так называемая рудиментарная теория эмоций). Джеймс Скотт отмечает, что по мере одомашнивания и у людей, и у животных сжималась лимбическая система, отвечающая за выработку гормонов и за реакции на угрозы и другие стимулы, происходило снижение эмоциональности. Создание *дома* как культурной ниши приводит к тому, что культурные факторы отбора – способность уживаться с соседями по дому – начинают играть большую роль

по сравнению с факторами, востребованными в природной среде (см. Скотт 2020, с. 102-113). Наверное, можно говорить об эволюции эмоций, при этом эмоции были и остаются важнейшим элементом мышления. Сама традиция является результатом не только обучения и культурного отбора, но и выбора, невозможного без эмоций и разума, она является ценностно-рациональным действием и его результатом, «основанным на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» (Вебер 1990, с. 628).

Присваивающее хозяйство представляло собой множество деятельностей, вытекавших из природной, естественной необходимости. Ритм и содержание человеческой жизни задавались ритмом и содержанием природных процессов. Индивид по существу не мог выбирать и не имел выбора в этом фиксированном множестве деятельностей. Переход к производящему хозяйству привел к двум большим изменениям. Множество деятельностей возросло, для индивида появился выбор, кем быть, какие деятельности вести. Если первобытные технологии были относительно простыми и любой член племени обучался им и мог с той или иной степенью успешности их воспроизвести, то технологии аграрного общества носят более сложный характер. Во многих случаях крестьянин, ремесленник и воин не изучали и не могли воспроизвести те технологии, которыми владел другой из них.

Вместе с тем возрастание социально-культурного порядка привело к тому, что большинство людей оказались во власти другого человека, на смену природной пришла социально-культурная неопределенность, порождаемая государствами и социальными категориями:

«Невозможно преувеличить центральную роль закабаления (в той или иной форме) в развитии государств вплоть до недавнего времени. Как отметил Адам Хохшильд, в 1800 году примерно $\frac{3}{4}$ мирового населения фактически жили в неволе. В Юго-Восточной Азии все первые государства были рабовладельческими и работорговыми: до конца XIX века самым ценным грузом малайских торговцев в островной части Юго-Восточной Азии были рабы. Старики из “коренного народа” (оранг-асли) Малайского полуострова и из горных народов Северного Таиланда вспоминают истории своих родителей и дедушек-бабушек о страшных набегах работорговцев. Учитывая разнообразие форм, которые закабаление принимало в истории, возникает искушение предположить, что “без рабства нет государства”» (Скотт 2020, с. 181).

Возрастание смыслов при переходе от присваивающего к производящему хозяйству парадоксальным образом ускори-лось и вместе с тем замедлилось. Возрастание деятельности вело к ускорению, возрастание порядка – к замедлению культурной эволюции. Вся история традиционного общества состоит в том, что очень медленно и постепенно все большая доля людей становится субъектом выбора. Почему этот про-

цесс происходил так медленно? Дело в том, что условием для личной свободы является развитие личности, то есть сознания. Именно личная свобода, возможность выбирать за самого себя, является основным условием для возрастания смыслов и для ускорения этого возрастания:

«Локк утверждает, что “свобода людей в условиях существования системы правления” заключается в том, чтобы “не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека”. Неопределенность в целом и человеческое непостоянство в частности становятся главным врагом, который должен быть побежден» (Хиршман 2012, с. 92).

Говоря об усложнении мышления и сознания по мере культурной эволюции, мы не сводим это усложнение к разделению и сложению знаний, личности или идентичности – мы говорим о разделении и сложении *деятельной силы*. Разделение, умножение и сложение деятельной силы означает возрастание сложности субъекта – как отдельной личности, так и общества-культуры в целом. Приращение множества контрфактов, которыми оперируют общество-культура или личность, означает повышение энтропии источника смыслов, возрастание минимального субъекта.

Разделение деятельной силы является разделением смыслов в субъекте, наряду с рассмотренными нами ранее разделением деятельности и разделением порядка. В целом разделение, умножение и сложение смыслов приводят к тому, что

сложность личности и сложность общества-культуры существенным образом расходятся. Личность ведет лишь часть тех деятельностей, которые ведет общество-культура и действует в рамках лишь части социально-культурного порядка. Вследствие этого расхождения в возрастании смыслов общество-культура создает больше контрфактов и производит более сложные деятельности, чем могли бы создать и произвести отдельная личность или даже совокупность всех личностей, взятых по отдельности.

Выше мы видели, что смысл не сводится к минимальному действию, в нем имеются «избыточные» фигуры. Равным образом субъект не сводится к минимальному субъекту, в нем тоже всегда есть «избыточные» фигуры. Масса субъекта, длина строки из фигур или культурных битов, которая его описывает, зависит от массы смыслов, продуктом которых он является. Множество и масса деятельностей, необходимых для воспроизводства общества-культуры, значительно больше, чем множество и масса деятельностей, необходимых для воспроизводства составляющих это общество личностей. Множество и массу деятельностей, необходимых для воспроизводства общества-культуры, мы называем *добавленной* деятельностью, а множество и массу деятельностей, необходимых для воспроизводства составляющих его личностей, *необходимой* деятельностью.

Глава 3. Простое обращение: прибавочная деятельность и стоимость

1. Становление стоимости и денег

Кооперативное, административное и конкурентное обращение

На первобытной стоянке *присвоение* было неотделимо от *потребления*: охотники и собиратели потребляли там и тогда, где и когда они получали жизненные средства от природы. В неолитической деревне процесс сельскохозяйственного *производства* уже в значительной степени обособился по месту и времени от процесса потребления сельскохозяйственных продуктов: обрабатываемые поля были отделены от жилой части деревни, урожай хранился на постоянной основе для потребления в течение года. По мере развития *ремесел*, не связанных с производством продуктов питания, производство еще больше обособилось от потребления как по месту, так и по времени. Отделение производства от потребления вызвало к жизни *обращение*. Обращение, или

оборот – это обмен действиями и их результатами между хозяйственными субъектами – в форме дара, дани или товарного обмена.

До тех пор, пока субъект производства совпадает с субъектом потребления, обращение не происходит. Обращение появляется там, где субъект производства разделяется с субъектом потребления. В экономической теории разделение субъекта потребления и субъекта производства принято связывать со становлением товарного обмена:

«Пока хозяйственное развитие народа находится еще на столь низкой ступени, что потребности отдельных семей, при ничтожном меновом обороте, должны покрываться непосредственно их собственным производством, до тех пор блага представляют для хозяйствующих субъектов ценность само собой только при условии, что они по своим свойствам пригодны для удовлетворения *непосредственно* потребностей изолированно хозяйствующих субъектов или их семей. Но, по мере того, как хозяйствующие индивиды начинают лучше понимать свои экономические интересы, они вступают в меновой оборот, обменивают одни блага на другие, и, в конце концов, устанавливается такое состояние общества, в котором обладание экономическими благами дает владельцу их возможность путем меновых операций получить в распоряжение блага другого рода» (Менгер 2005, с. 229-230).

Однако на самом деле разделение субъекта потребления и субъекта производства не было связано с товарным обменом.

ном. Обращение выросло из производства сверх необходимого потребления, то есть из производства благ, предназначенных для добровольного *дара* или принудительной *дани*. Формирование вождеств и государств, очевидно, предшествовало формированию рынков, а *даточное* производство предшествовало производству *товарному*.

Любое хозяйство совмещает в себе три формы отношений между его участниками. Между ними есть кооперация, есть конкуренция и есть некоторое общее управление, основанное на едином плане и взаимности (мораль и дары как способ поддержания репутации). Производство для обращения вырастает из самообеспечения, из производства для собственного потребления, то есть из натурального, или домашнего, хозяйства. Три основных вида обращения – это кооперативное обращение, основанное на обмене дарами, административное обращение, основанное на перераспределении, и конкурентное обращение, основанное на товарно-денежном (рыночном) или товарном обмене (бартере):

«...Помимо чисто рыночного обмена существует обмен разного рода. Анализируя разнообразие экономических систем, Карл Полянши перечисляет три логики обмена: взаимность, или обмен с помощью дарения; перераспределение, предполагающее наличие центра, где блага складываются и затем распределяются; товарный обмен. Он отмечает, что чаще всего эти логики обмена сосуществуют с тем, что он называет домашним управлением, состоящим в производстве

для собственного потребления» (Аглиетта и Орлеан 2006, с. 42).

Самообеспечение всегда работало на уровне родовой общины, а не индивида. Хозяйственный субъект при натуральном хозяйстве – это община, основанная на производстве и перераспределении продуктов. Малая семья, выделившаяся из большой, является позднейшим продуктом культурной эволюции:

«Дикаря-индивидуалиста, который бы охотился или собирал пищу исключительно для себя самого или для своего семейства, никогда не существовало. В самом деле, обеспечение пропитанием собственных домочадцев превращается в важную черту экономической жизни лишь на более высоком этапе развития сельского хозяйства, но даже там оно не имеет ничего общего с мотивом прибыли или с институтом рынка: его модель – замкнутая группа. Независимо от того, что именно составляло самодостаточную хозяйственную единицу – семья, поселение или феодальное поместье (организмы весьма несходные по своей природе) – в основе ее неизменно лежал один и тот же принцип: производство и хранение для удовлетворения потребностей членов данной группы» (Поланьи 2014, с. 65).

Обращение вырастает из разрыва между потреблением и производством по мере того, как отношения между членами одного хозяйства превращаются в отношения между различными хозяйствами, по мере того, как хозяйственные субъ-

екты обособляются и специализируются, вступают в кооперацию и конкуренцию друг с другом, переходят от внутреннего к внешнему перераспределению. Даточное обращение трансформировалось в конкурентное там, где хозяйственные субъекты не зависели политически друг от друга – не принадлежали к одной общине и не находились в отношениях личной зависимости, то есть обладали суверенитетом по отношению друг к другу. Когда субъекты обособляются и специализируются, у них возникает нужда в нейтральном месте для совершения более или менее регулярного товарного обмена.

«Рынок – это место, где люди встречаются с целью обмена или купли-продажи. Если же подобная модель не возникла хотя бы фрагментарно, то склонность к обмену не получает достаточного простора, иначе говоря, оказывается не способной формировать цены. Ибо точно так же, как принципу взаимности содействует симметричная модель общественного устройства, процесс перераспределения обеспечивает известная степень централизации, а домашнее хозяйство должно основываться на автаркии, так и эффективность принципа обмена зависит от рыночной модели» (Поланьи 2014, с. 69).

Обращение «вложено» в производство, а производство – в потребление. Обращение обособляется внутри производства постольку, поскольку внутри производства разделяются смыслы. С какого момента мы можем говорить о производ-

стве для обращения, а не для потребления? С того момента, когда обращение в результате разделения деятельности в такой мере обособилось внутри производства, что стало восприниматься как противостоящий ему вид деятельности. Исторически этот момент обозначается как момент появления дара или дани и их письменного учета.

Становление простого товарного производства из производства для собственного потребления происходит через разделение, умножение и сложение смыслов – развитие сельского хозяйства и становление письменности, городов, ремесла и торговли. В товарном производстве обращение выделяется внутри процесса деятельности и образует самостоятельный процесс, здесь процесс обращения опосредует потребительский выбор с одной стороны и производительный выбор – с другой.

Полезности, потребительные ценности и смыслы

Неоклассическая экономическая теория свела деятельность к потреблению, а средства и способы удовлетворения потребностей к полезности. Первоначально полезность определялась как мера удовольствия или счастья, а позднее – как порядок предпочтения на множестве альтернативных вариантов потребления. Однако смысл не сводится к полезности – ни как к удовольствию, ни как к счастью, ни как

к упорядоченным предпочтениям. Полезность не равна удовольствию, в процессе социализации люди учатся получать удовольствие от того, что в противном случае вызывает у них отвращение (см. Henrich 2016, p. 112, 143, 345). Удовольствие – это результат функционирования общества-культуры, индивид формирует свою «концепцию удовольствия», когда приобретает смыслы.

Смысл может быть как полезным, так и вредным, может быть не связанным с полезностью. Предметом потребности могут быть бесполезные смыслы – красота, любовь, справедливость, мудрость и многое другое. Смыслы часто не упорядочены между собой по предпочтениям, при выборе люди учитывают возможности, риски, этические и эстетические нормы и другие смыслы, которые никак не упорядочены между собой. Люди не выбирают среди *существующих* альтернатив. Сам процесс выбора *создает* эти альтернативы – контрфакты. (Контр)факты образуются не только на множестве альтернатив потребления, но и на множестве критериев потребления. Это означает, что не только человек выбирает, что ему потреблять, но и сам человек в процессе потребления является предметом отбора. Конкуренция потребностей – это выбор, конкуренция субъектов – это отбор.

Потребности выживания, признания и самовыражения не появились одновременно, можно установить некоторую эволюционную последовательность их появления. Однако такая *последовательность* не означает, что у человека существу-

ет пирамида потребностей. Клейтон Альдерфер выделил три группы потребностей, между которыми не установлен порядок предпочтения или иерархии:

«У человека есть три основные потребности, которые он стремится удовлетворить. Они включают удовлетворение его потребностей в материальном существовании, поддержание его межличностных отношений со значимыми для него людьми и поиск возможностей для его уникального личного развития и роста» (Alderfer 1969, p. 145).

Мы продолжаем и развиваем подход Альдерфера применительно к ценностям как когнитивным репрезентациям потребностей, выделяя три группы ценностей: ценности существования, общения и самовыражения. Порядок предпочтения может быть установлен между ценностями *внутри* этих групп, но не *между* группами ценностей.

Ценности существования – это материальные и связанные с ними социальные и абстрактные смыслы, упорядоченные между собой по предпочтениям. Например, социальный статус является ценностью существования постольку, поскольку он зависит от материального достатка, а не от личных качеств человека. Роскошная трапеза средневекового монарха ничем не отличалась от куска черствого хлеба в руках последнего из его подданных, поскольку она служила той же цели – продлить его материальное, социальное и психологическое существование. В своем существовании человек движется следствиями, консеквенциями своих действий, то есть

эффектом или пользой. На языке эффективности говорит животное начало в человеке.

Ценности общения – это социальные и связанные с ними материальные и абстрактные смыслы, упорядоченные между собой по предпочтениям – например, дружба или справедливость. В своем социальном бытии человек движется нормой, деонтой, а совокупность норм образует социально-культурный порядок. На языке справедливости говорит социальное начало в человеке.

Ценности самовыражения – это абстрактные и связанные с ними социальные и материальные смыслы, упорядоченные по предпочтениям – например, мечты, страхи, надежды и другие ценности *творчества*. В своем личном развитии человек движется идеалом и добродетелью. На языке свободы говорит культурное начало в человеке.

Деятельность является результатом не только индивидуального, но и общественного выбора, человек не только гонится за полезностью, но и следует своему долгу и добродетели:

«Жизнь для человека – результат выбора, ценностного суждения. То же самое относится и к желанию жить в достатке. Само существование аскетов и тех, кто отказывается от материальных выгод ради верности своим убеждениям и сохранения чувства собственного достоинства и самоуважения, служит доказательством того, что стремление к более осязаемым удовольствиям не является неизбежным, а ско-

рее есть результат выбора» (Мизес 2005, с. 22-23).

Ситуация, в которой человеку приходится выбирать между полезностью и моралью, между моралью и идеалом, между идеалом и полезностью – это ситуация *экзистенциально-го* выбора, выбора между конфликтующими группами ценностей. Люди не максимизируют полезность, они делают индивидуальный и общественный выбор, и в процессе выбора создают смысл.

	Ценности существования	Ценности общения	Ценности самовыражения
Индивидуальный выбор	Полезность	Долг и забота	Вера, надежда, мечты
Общественный выбор (порядок)	Потребительные ценности	Мораль и нравы	Идеалы

Иллюстрация 3. Структура ценностей

Трудно сказать, где заканчивается культурный отбор и начинается общественный выбор. Во многих случаях это может быть одно и то же. Общественный выбор обусловлен не только координацией индивидуальных выборов, которая часто невозможна в отсутствие «диктатора», но и наличием безличных норм и идеалов. Общество невозможно без морали и возвышенных чувств, оно в равной степени является результатом действий как материалистов, утилитаристов и прагматиков, так и идеалистов, моралистов и романтиков. Люди не сводятся к выявлению предпочтений и мак-

симизации полезности, они не «экономические», а «социально-культурные» люди. Они основываются не только на расчетах, но и на взаимных симпатиях и антипатиях, на обязанностях и обязательствах, вытекающих из взаимности. «Источник нравственности – наши чувства, а не наш разум» (Collier 2018, p. 35).

Если полезность – это *индивидуально* необходимое множество ценностей существования, то потребительная ценность – это *общественно* необходимое их множество. Полезность идет от потребностей и желаний людей, потребительная ценность – от социально-культурных норм.

«Гипотеза Рене Жиара имеет решающее значение для понимания природы человеческих институтов и логики их функционирования. Согласно этой гипотезе происхождение институтов связано с неистовством человеческого желания, а их нормализующее влияние на него – с внешним характером по отношению к напору желаний, которые сталкиваются и мешают друг другу» (Аглиетта и Орлеан 2006, с. 18).

Полезность и потребительная ценность – это два встречных процесса: индивидуальных расчетов, которые создают общество-культуру, и социально-культурного порядка, который создает деятельные силы:

«...Порядок, вырастающий из множества разрозненных индивидуальных решений, принятых на основе разнородной информации, не может определяться общепринятой шкалой относительной важности различных целей. ... Порядок хо-

рош не тем, что удерживает все на своих местах, он нужен, чтобы пробуждать новые силы, которых в противном случае не существовало бы» (Хайек 1992, с. 138-139).

Деятельность не сводится к потреблению, а ценности не сводятся к полезности. Но производство создает в качестве своего непосредственного результата ценности существования, то есть потребительные ценности или блага, а производство и обращение благ создают стоимость и деньги. Вся история потребительных ценностей состояла в их усреднении, стандартизации, абстракции, то есть превращении в общественно необходимое множество ценностей. Конечным пунктом этого превращения является товар или коммодити. По мере того, как зерно, рабы, драгоценные металлы и многие другие блага становились потребительной ценностью, они в той или иной мере приобретали функцию денег.

Стоимость и деньги

Для Карла Маркса живая производственная деятельность, или *труд*, и произведенные для продажи продукты труда, или *товары*, противостоят друг другу, при этом товары как овеществленный труд господствуют над живым трудом. Историческое развитие форм человеческой деятельности с необходимостью требуют обобщения этих понятий. Понятие труда мы обобщаем до *действия*, понятие товара – до *результата* действия. Противостояние непрерывного труда

и дискретного товара мы снимаем в понятии *смысл*, имеющем дискретно-непрерывную природу. Далее, Маркс проводил различие между деятельностью, создающей *потребительные ценности*, или конкретным трудом, и деятельностью, создающей *стоимость*, или абстрактным трудом, в котором снимаются особенности конкретных видов труда:

«Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 46).

Отвлекаясь от конкретных видов труда, мы не создаем какой-то новый вид труда. Абстрактный труд и его продукты не существуют сами по себе, они по-прежнему существуют в *отдельных* процессах труда и их продуктах. Но если конкретный труд создает потребительные ценности и товары, то абстрактный труд создает меновую ценность или стоимость.

Как мы показали, потребительная ценность представляет собой не любую полезность, а лишь *общественно необходимое множество* ценностей существования. Потребительная ценность – это, так сказать, пролог к товару, востребованному на рынке, и его меновой ценности. Само понятие стоимости применяется лишь к тем благам, которые являются потребительными ценностями, удовлетворяют общественно

необходимые, то есть нормальные, повторяющиеся, а не случайные, эпизодические потребности. Именно поэтому потребительные ценности образуют богатство и являются носителями стоимости, или меновой ценности:

«Потребительные ценности образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой ценности» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 44, перевод исправлен).

Множество смыслов – это количество отдельных смыслов. Применительно к благам это могут быть: два рулона сукна, три быка, десять тонн стали и т. д. *Масса* смыслов – это количество культурных битов, воплощенных в данном множестве смыслов. Поскольку во времена Маркса еще не существовало теории информации и понятия *бита*, он пытался измерять абстрактный труд рабочим временем:

«Итак, потребительная ценность, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой “созидающей стоимостью субстанции”. Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 47, пере-

вод исправлен).

Маркс измерял стоимость продукта количеством труда, общественно необходимым для его производства, при этом количество труда, в свою очередь, выражал в продолжительности рабочего времени:

«Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной ценности при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 47, перевод исправлен).

Поскольку очевидно, что более сложный труд создает больше смысла, чем более простой труд той же продолжительности, то сложный труд он предлагал сводить к простому путем применения коэффициента:

«Сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 53).

Однако при этом Маркс не принял во внимание, да и не

мог принять во внимание, что *не существует* коэффициента, который бы позволял свести более сложный смысл к более простому. Позднее в XX веке было показано, что не существует *какого-либо* алгоритма, который позволил бы исключить «избыточные» фигуры, сжать смысл до минимального действия, чтобы узнать его сложность:

«Разницу между длиной строки $L(s)$ и ее алгоритмической энтропией $K(s)$ можно рассматривать как своего рода “алгоритмическую избыточность”. Это мера того, сколько дополнительных битов нам нужно для записи s по сравнению с записью s^* , ее самого короткого описания. Когда мы переходим от s к s^* , мы выжимаем всю эту избыточность, не оставляя ничего от нее в s^* . Вот что делает s^* алгоритмически случайным ... Программа, которая могла бы выполнять идеальное сжатие данных – которая могла бы преобразовывать любую строку s в ее минимальное описание s^* – была бы очень полезной вещью ... Проблема здесь в том, что программы, которая могла бы вычислить алгоритмическую энтропию, не существует. $K(s)$ – невычислимая функция» (Schumacher 2015, p. 241-247).

Поскольку не существует алгоритма, который позволил бы сложный труд свести к простому, то и рабочее время не может быть мерой абстрактного труда. Различные виды деятельности и их результаты могут быть сведены к общему эквиваленту лишь через понятие культурных битов, образующих *массу* смыслов. Меновая ценность, или стоимость

– это *общественно необходимое количество культурных битов, общественно необходимая масса смыслов*, воплощенная в потребительных ценностях.

Масса смыслов превращается в стоимость, когда возникает не эпизодический, а повторяющийся расчет относительно деятельности и ее результатов. Если потребительные ценности – это *множество общественно необходимых ценностей существования*, то стоимость, или меновая ценность, – это *общественно необходимая масса* этих ценностей, количество воплощенных в них культурных битов. И та, и другая общественная необходимость формируются по мере того, как из изолированных первобытных, а затем аграрных общин складывается единое, пока еще традиционное, общество-культура.

В соответствии с принципом наименьшего действия изменения в общественно необходимом множестве и изменения в общественно необходимой массе ценностей существования связаны между собой. Эту взаимосвязь между массой и множеством смыслов, упорядоченных по предпочтениям, мы называем распределением смыслов. Стоимость – это распределение единственного действительно ограниченного ресурса людей – их действий и результатов, то есть смыслов – между конкурирующими целями. При этом общественно необходимая масса смыслов всегда определяется не по среднему, а по упущенному необходимому действию.

«В экономической теории стоимость чего-либо есть неиз-

бежно отвергаемая наилучшая возможность. Полезность концепции стоимости является логическим следствием выбора среди доступных вариантов. Только при отсутствии возможных вариантов или при достаточном для удовлетворения потребностей и желаний всех людей количестве доступных ресурсов, так что все блага были свободными, понятия стоимости и выбора были бы не нужны» (Алчиан 2000, с. 401).

Проблема распределения, или аллокации, и проблема выбора – это одна и та же проблема. То есть проблема распределения – это проблема выбора между контрфактами, а стоимость – это наилучшее альтернативное распределение.

Филип Миrowsки писал, что переход от классической политэкономии с ее «трудовой теорией стоимости» к неоклассике с ее понятием «предельной полезности» связан с переходом физики от понятия «субстанция» к понятию «поля» и проникновением в экономическую теорию математических методов (Mirowski 1989, p. 176-177, p. 194-195). Если классическая политическая экономия и неоклассическая экономическая теория ориентировались на физику как на образец, то экономическая наука XXI века ориентируется на науки об информации, эволюции и сложности. Теория предельной полезности сводила стоимость к субъективной полезности и не учитывала общественную необходимость. Эта теория не смогла найти объективную меру для экономических показателей, в частности, не смогла измерить полез-

ность и не смогла показать, как и почему полезность зависит от общественных нравов и идеалов. Концепция стоимости как общественно необходимой массы ценностей существования – это обобщение двух конкурирующих теорий стоимости, классической трудовой теории стоимости и неоклассической теории полезности.

Стоимость представляет собой социально-культурное явление, которое нельзя наблюдать непосредственно. Но у стоимости есть вещественное выражение. Историю складывания стоимости можно проследить по истории денег, поскольку деньги представляют собой вещественное выражение стоимости и инструмент расчета общественно необходимых множества и массы смыслов существования.

Деньги и цены

Деньги – это процесс и результат исторической эволюции расчета. Как вещественное выражение стоимости, связывающее между собой прошлую и будущую деятельность, деньги развиваются через всю последовательность форм обращения от дара и дани до товарного и товарно-денежного обмена. Первая функция денег – средство расчета и обращения. В натуральном хозяйстве расчет производится непосредственно, количество и распределение деятельности напрямую связывается с будущим потреблением. Деньги появляются в родоплеменном обществе как способ учета дара и

дани – можно вспомнить камни раи на островах Яп. Однако здесь они не являются способом связать показатели производства и потребления, прошлую и будущую деятельность. Как таковой, систематический расчет начался с появлением государства и государственного учета и планирования. Палата шахматной доски управляла казной средневековой Англии при помощи нехитрых приспособлений вроде клетчатого сукна и деревянных бирок.

Стоимость выражает *общественно* необходимые затраты деятельности, а деньги как вещественное выражение стоимости являются, с одной стороны, условием для формирования стоимости на основе *индивидуально* необходимых затрат деятельности, а с другой стороны, условием для того, чтобы отдельные люди и коллективы могли определить свою индивидуальную долю в потреблении результатов деятельности. Стоимость представляет собой социально-культурное явление, а деньги и цены – это технология, которая построена на программировании этого явления. Эффектом в данном случае является развитие от простейших к более сложным формам обращения.

Совокупность индивидуальных потребностей лишь случайным образом может совпадать с общественно необходимыми потребностями, иначе отдельные люди были бы лишь внешним проявлением общества-культуры как некоторого «суперорганизма». Поэтому совокупное множество индивидуально необходимых смыслов лишь случайным обра-

зом может совпадать с множеством общественно необходимых смыслов. Множество индивидуально востребованных полезностей и их цен лишь случайным образом может совпадать с множеством общественно необходимых потребительных ценностей и их стоимостью. «Через посредство денег субъекты поддерживают отношения с чем-то иным, чем они сами, – социальным, выступающим в качестве института» (Аглиетта и Орлеан 2006, с. 22).

Стоимость – это *субстанция* денег, а цена – это *количество* денег, которое отдельный потребитель, производитель или посредник готов уплатить за тот или иной продукт. Стоимость и цена – это меры потребительной ценности и полезности. Полезности упорядочены между собой, но они не упорядочены со смыслами общения и самовыражения. Стоимость не является эквивалентом для мечтаний, морали и идеалов, их нельзя купить за деньги. Но стоимость и деньги невозможны без мечтаний, морали и идеалов, поскольку именно они делают возможным общественный выбор – общественную необходимость и стоимость как *общественно необходимую массу* потребительных ценностей. Любовь и надежды, мораль и идеалы не продаются, за них не платят деньги. Но полезности продаются (или не продаются) по цене, которая устанавливается с учетом любви и надежд, морали и идеалов.

Если *стоимость* складывается в процессе самовоспроизводства общества-культуры и определяется общественно

необходимой массой потребительных ценностей, то *цены* складываются в отдельных актах индивидуального самовоспроизводства и определяются индивидуально необходимыми массами полезностей. Стоимость и цены связаны деньгами: «Экономисты привыкли рассматривать цену исходя из стоимости, в то время как ее основание нам надо искать в деньгах» (Аглиетта и Орлеан 2006, с. 27).

Эволюция стоимости и денег, товаров и цен есть лишь проявление эволюции смыслов в целом. Возрастание смыслов проявляется в их разделении, умножении и сложении, повышении их сложности, расширении конкуренции, кооперации и администрации. Верно и обратное: эволюция стоимости и денег, товаров и цен является условием для эволюции иных смыслов, происходящей как путем выбора, так и путем культурного отбора, не основанного на целенаправленном выборе:

«Система цен – как раз одно из таких образований, которые человек научился использовать (хотя он все еще очень далек от того, чтобы научиться использовать ее наилучшим образом) после того, как он натолкнулся на нее, не имея о ней ни малейшего понятия. С ее помощью стало возможным не только разделение труда, но и скоординированное употребление ресурсов, основанное на равномерно разделенном знании» (Хайек 2020, с. 106).

Развитие денег привело к тому, что у людей появилась возможность предпочитать деньги, а не потребительные цен-

ности, то есть не потреблять, а хранить стоимость и расходовать ее позднее. Вторая функция денег – средство накопления, то есть сбережения и инвестирования стоимости. Деньги – это способ установить отношение между ресурсом и будущими выгодами от него.

Деньги как средство расчета и обращения, сбережения и инвестирования требуют, во-первых, кооперации и доверия, то есть неявного соглашения между субъектами, и, во-вторых, администрации и принуждения, то есть института, который обеспечивает соблюдение этого соглашения. Деньги и государство являются способами формализовать обязательства членов общества. Деньги – горизонтальный способ формализовать взаимные обязательства. Государство – вертикальный способ, который позволяет формализовать обязанности отдельных людей по отношению к обществу-культуре как целому.

Первоначально деньги имели вещественную форму редкости, а позднее также портативности, делимости и возможности длительного хранения, что приводило к использованию драгоценных металлов в качестве денежных знаков. В процессе эволюции денег происходило движение от их вещественной формы к общественному содержанию, от золотой или серебряной монеты к фиатным деньгам.

2. Прибыль и процент

Прибавочная деятельность и ее норма

Общество-культура воспроизводит себя посредством добавленной деятельности. Общество охотников и собирателей с его скромным культурным опытом и низкой сложностью смыслов производило деятельность, которая позволяла ему воспроизводить себя лишь в постоянном масштабе. Добавленная деятельность первобытного общества была примерно равна сумме необходимых деятельностей составлявших его индивидов. Накопление культурного опыта, разделение, умножение и сложение смыслов по мере перехода к производящему хозяйству позволили обществу-культуре вести все более сложную деятельность, производить все больше средств деятельности – больше, чем требовалось для воспроизводства деятельной силы индивидов:

«На начальных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних. Далее, на указанных первых ступенях относительная величина тех частей общества, которые живут чужим трудом, ничтожно мала по сравнению с массой непосредственных про-

изводителей. С ростом общественной производительной силы труда эти части возрастают абсолютно и относительно» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 520).

В своей способности давать больше, чем брать, производящее общество-культура подобно природе. Как земля в хороший год была способна приносить урожай, превышающий посев, так аграрное общество-культура в хороший период было способно приносить больше продуктов, чем требовалось для его самовоспроизводства. Однако аграрное общество-культура не способно поддерживать ни стабильную производительность, ни тем более стабильный рост производительности. Вследствие резких изменений в социально-культурных и экологических условиях рост населения может смениться его резким падением. Эпидемии и неурожай приводили общества-культуры к коллапсу, то есть падению сложности. Восходящие и нисходящие фазы демографического цикла сменяют друг друга:

«Из-за огромных потерь населения, вызванных Черной смертью во многих частях Афроевразии, города уменьшились, сельскохозяйственные угодья были заброшены, а экономика сократилась. Однако, как это уже много раз случилось в прошлом, рост вскоре возобновился, чтобы дать толчок новому мальтузианскому циклу, который продлился до XVIII века» (Benjamin 2016, p. 267).

Кумулятивная культурная эволюция продолжалась через сменявшие друг друга взлеты и падения обществ-культуры.

тур. Как не парадоксально, коллапс является необходимым условием для культурной эволюции. Возрастание сложности смыслов подобно подъему по пикам на адаптивном ландшафте: чем выше поднимается смысл, тем выше его сложность. Но люди и смыслы не знают заранее, по какому из пиков можно подняться выше всего. Чтобы вернуться к подножию и начать подниматься по новому, потенциально более высокому, пику, иногда необходим коллапс.

Коллапс общества-культуры означал падение социально-культурной сложности, но для людей, которые составляли эти общества, он означал восстановление справедливости и свободу для развития:

«Хотя “коллапс” означает сокращение социальной сложности, небольшие ядра власти, например компактные небольшие поселения аллювиальных равнин, сохранялись намного дольше, чем мимолетные чудеса государственного управления, которые соединяли эти ядра в огромные царства или империи» (Скотт 2020, с. 213, перевод исправлен). «По сути, я хочу подвергнуть сомнению редко рассматриваемое предубеждение, согласно которому скопление населения в ядре государственных центров – это триумф цивилизации, а распад государства на мелкие политические единицы – это слом или провал политического порядка. Я полагаю, мы должны стремиться “нормализовать” коллапс государств как некое начало периодических и, наверное, даже благотворных трансформаций политического поряд-

ка» (Скотт 2020, с. 236). «... Можно очень многое сказать от лица типичных “темных веков” о человеческом благополучии. Характерное для них рассеяние населения объясняется, прежде всего, бегством от войн, налогов, эпидемий, неурожаяев и воинской повинности, т. е. “темные века” исцеляют самые страшные раны государственной концентрации оседлого населения. Порождаемая “темными веками” децентрализация не только уменьшает тяготы жизни, но и обеспечивает скромный вариант эгалитаризма. И, наконец, при условии, что мы не приравниваем культуру к формированию государственных центров верховной власти, децентрализация и рассеяние способствуют росту разнообразия и переформатированию культурного производства» (Скотт 2020, с. 243).

Коллапс и «темные века» также создают условия для дрейфа смыслов. Дрейф смыслов – это случайное изменение частоты смысла за счет малочисленности населения, среди которого этот смысл распространен. Дрейф смыслов приводит к тому, что небольшое число смыслов распространяется среди непропорционально большого числа людей. После своих «темных веков» греки не вернулись к линейному письму Б, а заимствовали финикийский алфавит (см. Скотт 2020, с. 172).

Если коллапсы разрушали эволюционные тупики и прокладывали дорогу для адаптивно более эффективных смыслов, то разделение деятельности и деятельной силы позволяли создавать новые смыслы и контрфакты, а традиционный

выбор между контрафактами пусть и медленно, но увеличивал множество смыслов:

«К росту производительности приводит, стало быть, не просто увеличение количества людей, а увеличение количества разных людей. Люди стали могущественными потому, что стали такими разными: новые возможности, открытые специализацией, обусловленной не столько повышением интеллектуального уровня индивидов, сколько усилением их дифференциации, создают основу для более успешного использования ресурсов нашей планеты» (Хайек 1992, с. 210).

Эволюция смыслов ускорялась по мере накопления культурного опыта и расширения множества контрафактов, на котором производился традиционный выбор. Смыслы делились и умножались, повышалась их сложность. По мере культурной эволюции величина действия, необходимого для воспроизводства общества-культуры, постепенно и во все большей степени превышала сумму действий, необходимых для воспроизводства индивидов. Иными словами, величина *добавленной* деятельности все больше превышала величину *необходимой* деятельности. Когда сложность общества-культуры превосходит сложность составляющих его личностей, это приводит к образованию разницы – прибавочной деятельности и прибавочного продукта как ее результата:

«Пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет времени для безвозмездного труда, а пока у него нет такого времени, невоз-

можен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты; но в таких условиях невозможны также рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом – какой бы то ни было класс крупных собственников» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 23, с. 520).

В производящем хозяйстве весь продукт создается в производстве, но его разделение на необходимый и прибавочный продукт происходит в обращении: в отношениях дара, перераспределения и товарного обращения. Рост прибавочной деятельности и ее результата, или «излишка», связан не только с разделением деятельности и деятельной силы, но и с разделением порядка. Вождества и государства, основанные на добровольной и принудительной дани, развивались по мере того, как «учились» извлекать и наращивать прибавочную деятельность и ее результаты:

«Императив собирания людей, расселения их вблизи центра власти, удержания их на месте и принуждения к производству излишков, превышающих их потребности, – вот суть искусства управления первыми государствами. ... Способы собирания населения и принуждения его к производству излишков менее важны, чем сам факт того, что здесь производились излишки, которые присваивались элитами, в производстве не участвовавшими. Эти излишки не существовали до тех пор, пока первые формы государственности не создали их. Вернее, пока государство не извлекает и не присваивает излишки, любая потенциальная дополнительная про-

изводительность, которая в принципе возможна, “потребляется” сферой досуга и культурным развитием. До того как появились централизованные политические структуры типа государства, преобладал, по выражению Маршалла Салинса, домашний способ производства» (Скотт 2020, с. 176-177).

Отношение между прибавочной и необходимой деятельностью и их продуктами образует норму прибавочной деятельности. Чем больше сложность общества-культуры превышает сложность личностей, тем выше норма прибавочной деятельности.

Поскольку, как мы видели выше, Маркс не понимал и еще не мог понять принципиальную несводимость сложного труда к простому, постольку он не мог понять и принципиальную несводимость добавленной деятельности к необходимой. Если для Маркса прибавочный труд и прибавочный продукт производились рабочими и другими эксплуатируемыми классами, а присваивались классами эксплуататорскими, то с нашей точки зрения прибавочная деятельность и ее продукт производятся обществом-культурой в целом, а их присвоение зависит от сравнительной политической, экономической и культурной* силы или власти отдельных государств и социальных категорий.

Пока прибавочный продукт перераспределялся в пользу чиновников и армии, государства обходились вертикальным централизованным расчетом. Развитие ремесел и городов вело к горизонтальной децентрализованной купле-продаже

прибавочного продукта. Прибавочная деятельность и необходимость обращения ее продукта были движущей силой длительного процесса становления стоимости и денег как вещественного выражения стоимости. Деньги распространяются там, где возникает отчуждение прибавочного продукта от производителей и необходимость в передаче этого продукта неопределенному кругу лиц через механизмы конкурентного обращения.

Владение, инвестиции и прибыль

Разделение, умножение и сложение смыслов ведут к специализации субъектов (ремесленники, чиновники и т. д.), повышается сложность людей, их деятельной силы, опыта и личности. Появляются новые виды норм, регулирующие общение, отношения между людьми все больше опосредуются смыслами, превращаются в отношения социальных ролей. Когда одна сторона отношения опосредуется и превращается в абстракцию, в абстракцию превращается и другая сторона: вещи как средства деятельности превращаются в права и обязанности. Разделяется социально-культурный порядок, возникает *владение* как право распоряжаться и обязанность использовать. Владение приходит на смену *применению*. Если применение – это распоряжение вещью *в процессе* ее использования, то владение – это распоряжение *пользователя*, не привязанное к самому процессу использования. Это ка-

сается как частного, так и общинного владения.

Количество культурных битов, заключенных в субъекте, его деятельности и средствах деятельности, образует массу смыслов. Строение смысла – это отношение между той массой смыслов, которая заключена в субъекте и той массой смыслов, которая заключена в средствах деятельности. От этого отношения зависит масса смыслов в самой деятельности. Чем ниже строение смысла, тем сложнее субъект относительно средств деятельности, тем меньше масса смыслов в средствах деятельности относительно массы смыслов в субъекте: например, если квалифицированный работник пользуется простыми орудиями труда. И напротив, чем сложнее средства деятельности относительно субъекта, чем больше масса битов в вещах относительно массы битов в людях, тем выше строение смысла.

Применение и владение характерны для деятельности с низким строением смысла, когда индивид способен самостоятельно создать или приобрести необходимые ему средства деятельности, которые оставались по своей природе «мелкими, карликовыми, ограниченными». Трансформация применения во владение связана с усложнением деятельности и ее продукта, увеличением нормы прибавочной деятельности. Применение было в ходу до тех пор, пока прибавочный продукт был ничтожным по своему размеру, а средства деятельности сводились к личным вещам. По мере возрастания смыслов складывается и развивается общинное и част-

ное присвоение прибавочного продукта. Чем больше прибавочного продукта может получить большая или малая семья, тем больше она заинтересована в закреплении своих владельческих прав: «Но самое существенное, это – парцеллярный труд как источник частного присвоения. Он дает почву для накопления движимого имущества, например скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 19, с. 419). Владение приходит на смену присвоению, но это по-прежнему было распоряжение самого производителя. Маркс и Энгельс называли владение «собственностью, основанной на личном труде»:

«До появления капиталистического производства, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основой которого была частная собственность работников на их средства производства: в деревне – земледелие мелких крестьян, свободных или крепостных, в городе – ремесло. Средства труда – земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты – были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, карликовыми, ограниченными. Но потому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 19, с. 211).

Деятельность и потребности превращаются в предложение и спрос при товарном производстве, то есть когда обращение отделено от производства, а производство – от по-

требления. По мере своего развития товарное производство во все большей степени основывается на деньгах как выражении стоимости. Потребительная ценность и стоимость как общественно необходимые множество и масса ценностей существования прокладывают себе дорогу через многообразие индивидуальных оценок необходимого качества и количества различных видов деятельности и их результатов. Чем дальше продвигается производство для обращения, а не для собственного потребления, тем шире распространяются товарно-денежные отношения и стоимость, тем больше добавленная деятельность превращается в добавленную стоимость, необходимая деятельность превращается в стоимость деятельности силы, а прибавочная деятельность – в прибыль.

Прибавочная деятельность и ее продукт представляют собой разницу между величиной производства и величиной потребления. Прибавочный продукт является источником для любого *накопления*. Чем больше величина прибавочного продукта, тем больше возможностей для его *сбережения* и *инвестирования*, то есть создания средств производства. Норма прибавочной деятельности определяет возможности для накопления смыслов. При этом сбережение еще не означает инвестирования. Величина инвестиций определяется ожиданиями относительно прибавочной деятельности и ее продукта, ожиданиями относительно прибыли.

Отношение инвестиций к прибавочной деятельности и ее продукту составляет сущность прибыли. Зарождаясь в тра-

диционном обществе, прибыль еще не является здесь основой для производства и обращения и носит поэтому совершенно *случайный* характер, здесь еще лежит на поверхности событий, что источником прибыли является *неопределенность*. Примитивное разделение смыслов и низкая норма прибавочной деятельности, характерные для натурального хозяйства, ограничивают возможности для получения прибыли. Здесь производство рассматривается как средство к потреблению, а не к обращению и извлечению прибыли:

«Осуждая принцип производства ради прибыли как “несогласный с человеческой природой”, как “безграничный и беспредельный”, Аристотель указывал на самую суть проблемы, а именно на глубокое противоречие между изолированно действующим экономическим мотивом и социальными связями, неотъемлемым элементом которых и являются эти границы и пределы» (Поланьи 2014, с. 67).

Владение появляется при очень низкой норме прибавочной деятельности. На этом этапе множество мелких владельцев еще не может получить достаточной нормы прибавочной деятельности для того, чтобы запустить цикл расширенного самовоспроизводства. Отчуждение прибавочной деятельности и ее продукта здесь остается прерогативой государства или знати, которые отнимают «излишки» и тратят их на статусное потребление или инвестируют в технологии и администрацию (системы ирригации, постоянная армия, налоговый аппарат и т. д.):

«Ко времени испанского завоевания озера Тескоко, Чалко и Сочимилко были покрыты примерно 12 тысячами гектаров полей чинампа. Их создание потребовало как минимум 70 миллионов человекодневной труда. Средний крестьянин должен был тратить не менее 200 дней в год на то, чтобы вырастить еду для собственной семьи, так что он не мог работать более 100 дней на больших проектах. Значительная часть этого времени по необходимости посвящалась уходу за существующими дамбами и каналами, поэтому для появления 1 гектара новой чинампы требовался сезонный труд от 60 до 120 крестьян. Средства применялись разные, но Мексиканская котловина до испанцев была столь же водяной цивилизацией, как существовавший в тот же период Китай династии Мин. Долговременные, хорошо спланированные, координировавшиеся из центра усилия и громадное количество труда были ключевыми составляющими сельскохозяйственного успеха» (Смил 2020, с. 100).

Усложнение деятельности означает *рост опосредования*, то есть увеличение массы смыслов, материализованной в средствах деятельности. Увеличение массы смыслов на единицу продукта касается как производства предметов потребления, так и производства средств производства, то есть инвестиций. Условием для роста опосредования является накопление, увеличение массы деятельности, материализованной в средствах производства, то есть усложнение производства средств производства, *повышение* строения смыс-

лов. Усложнение производства средств производства, то есть рост инвестиций, требует более широкой кооперации и более изощренной администрации:

«Без сомнения, наиболее важное и долговременное влияние на интенсификацию сельского хозяйства в Китае оказало создание и поддержание обширных и эффективных ирригационных систем. Древность этих систем лучше всего показывает тот факт, что почти половина из них, работавшая к 1900 году, была построена до 1500-го. Самая известная, ирригационная система Дуцзяньян в Сычуане, чьи тихие воды обеспечивают выращивание пищи для десятков миллионов людей, существует с III столетия до н. э. Создание и непрерывная поддержка таких масштабных ирригационных систем (точно так же как создание и углубление длины каналов для прохода судов) требовало долгосрочного планирования, масштабной мобилизации труда и громадных инвестиций. Ничто из этого невозможно без эффективной и сильной центральной власти на обширных территориях. Существовала очевидная синергетическая связь между впечатляющими крупномасштабными проектами водопользования в Китае и ростом, совершенствованием и долгим существованием сложной иерархической бюрократии в стране» (Смил 2020, с. 93-94).

Инвестиции по определению не являются производством для собственного потребления, поскольку они направлены на производство средств производства, а не предметов по-

требления. Чем более крупной является инвестиция, тем в меньшей степени речь идет о производстве для самообеспечения и в большей степени о производстве для обращения. Роберт Лопес показывает, что хотя водяные мельницы применялись уже в античности, их относительная дороговизна привела к тому, что широкое распространение в Европе они получили лишь в средние века с превращением рабского труда в труд крепостных. Расширение свободы было условием для повышения эффективности. Нехватка рабского труда в господских имениях вынуждала искать механические способы для помола зерна, одновременно господин обязывал крестьян молоть их зерно на своей мельнице. В свою очередь, нехватка рек и ручьев для установки водяных колес привела к распространению ветряных мельниц, которые не применялись в античности (см. Lopez 1976, p. 43-44). Возрастание смыслов требует роста опосредования, рост опосредования требует большей свободы для субъектов, а большая свобода требует более сложного социально-культурного порядка.

Собственность, долг и процент

Параллельно с владением и на смену владению как распоряжению *пользователя* появилась собственность как распоряжение *непользователя*. Если истоки владения нужно искать в личном труде владельца, то истоки собственности

лежат в политических и экономических нормах. Собственность возникла как *политическая* собственность. Политическая собственность возникает тогда, когда одна группа людей оказывается способна подчинить другую группу, когда одна часть населения возвышается над другой частью как политическая сила. Собственность позволяет создавать средства производства, инвестировать в больших масштабах, обеспечивать значительную длительность процесса производства и обращения, рассчитывать и распределять риски. Если владение характерно для низкого строения смысла, то политическая собственность характерна для деятельности с высоким строением. Политическая собственность связана с деятельностью вождеств и государств; ирригационные системы, постоянные армии и монументальная античная и средневековая архитектура являются ее вещественными свидетельствами.

Изменения в норме прибавочной деятельности, сбережении и инвестировании стоимости проводят водораздел между применением, владением и собственностью. Величина прибавочного продукта – это «количественное выражение» распоряжения и использования: переход от применения к владению и отсюда к собственности связан, во-первых, с возрастанием величины и нормы прибавочного продукта, и, во-вторых, с изменением механизмов отчуждения и присвоения прибавочного продукта – от грубой физической силы к обычаям и отсюда к законам. Политическая собствен-

ность позволяет присваивать прибавочную деятельность или ее продукт в непосредственной натуральной форме – например, в форме барщины или оброка.

Для простого самовоспроизводства характерно неустойчивое накопление. Периоды, когда возросшие прибавочная деятельность и ее продукт позволяют создавать новые средства производства в крупном масштабе – например, системы ирригации – часто сменяются периодами проедания и разрушения построенного. Сама структура политической собственности, общинного и частного владения означает, что сбережения и инвестиции сводятся либо к деятельности вождя, царя или старосты, не способных одновременно реализовать множество разнородных проектов, необходимых для быстрого разделения смыслов, либо к деятельности семей и индивидов, не способных сконцентрировать достаточно ресурсов для реализации сколько-нибудь крупных проектов.

Натуральное присвоение содержит в себе противоречие: с одной стороны, оно является условием существования политики; с другой стороны, присваивая труд или его продукт в натуральной форме, политика препятствует развитию конкурентного товарного обращения. Преодоление этого противоречия связано с превращением *политической, или государственной* собственности в *собственность экономическую, или частную*, с развитием законов, фиатных денег и денежного процента.

Гуннар Хайнзон и Отто Штайгер показывают, как при пе-

переходе от владения к частной собственности возникает процент. Владение они рассматривают как физическую или материальную концепцию, а собственность – как концепцию нематериальную или юридическую:

«Владение всегда означает право распоряжения и, таким образом, физического пользования определенными благами или ресурсами, и оно не зависит от того, существует право собственности или нет» (Heinsohn und Steiger 2009, S. 91). «Собственность никогда не возникает естественным путем. Она может быть создана только юридическим, т. е. нематериальным действием. Как только создается собственность, она приносит незаработанную и нематериальную премию, премию за собственность. Эта премия существует в дополнение к физическому использованию благ или ресурсов, находящихся во владении, и состоит из двух сил: (i) она способна поддерживать эмиссию денег, которая может быть создана только в кредитном договоре, и (ii) право на эту премию служит залогом для получения кредита» (Heinsohn und Steiger 2009, S. 471).

С момента своего появления деньги выполняли функцию накопления – сбережения и инвестирования стоимости. Длительное время эта функция была ограничена их вещественной формой драгоценного металла. Фиатные деньги появляются с появлением кредита. Средневековые государства нуждались в деньгах для своих проектов, прежде всего, для ведения войны и оплаты наемных армий, они решали эту

проблему, занимая деньги у ростовщиков. Однако политическая собственность является прерогативой государства, и государь зачастую рассматривал взятое взаймы как принадлежащее ему самому, то есть не возвращал долг. Ростовщики, которые страдали от произвола государства, выработали новую форму собственности – экономическую, или частную собственность:

«Монтескье описывает, как коммерция сдерживалась запретом на взимание процента Церковью, как затем ее подхватили евреи; как евреи страдали от насилия и постоянных вымогательств со стороны дворянства и королей; и как в конечном счете они решили эту проблему, изобретя векселя (*lettre de change*). В последней части данной главы делаются потрясающие выводы: “...благодаря ему имущество богатейших торговцев принимало неуловимую форму, в которой оно могло переноситься всюду, не оставляя следа нигде... Итак... мы обязаны... корыстолюбию государей изобретением вещи, которая некоторым образом поставила торговлю вне их произвола”» (Хиршман 2012, с. 117).

Переход от политической к частной собственности, появление государственного долга, письменных долговых обязательств и процента ведут к складыванию денежных сделок как особого вида обращения, в котором оборачиваются не материальные блага, а сами деньги как вещественное выражение стоимости. Денежный процент, или денежный интерес, выступает при этом как плата за деньги.

«... Деньги вообще приобретают совершенно особый характер в специфических “денежных сделках”, то есть когда они функционируют не как средство обмена по отношению к другим объектам, а как центральное содержание, как самодостаточный объект сделки. В двустороннем чисто финансовом предприятии деньги являются не только самоцелью в том смысле, что они являются вполне развитым средством, но они с самого начала представляют собой центр интереса, не указывающий ни на что другое, который развивает свои собственные нормы, развивает, так сказать, свои автономные качества и создает технологию, зависящую только от этих качеств» (Simmel 1930, S. 328).

Развитие денежного процента вело к коммерциализации традиционного общества. Чем больше становилось наемных солдат, тем больше распространялось понятие о наемной деятельности в целом. Чем более товарным становилось прежде натуральное хозяйство, тем больше оно основывалось на денежных доходах и расходах, а не на собственном труде и его продуктах.

Чем шире распространялось понятие о частной собственности, тем меньше пространства оставалось для общины и общинных форм владения. Роберт Лейн провел различие между теплыми и холодными обществами. Общества, основанные на эмоциональной поддержке, эмпатии, взаимности он называл теплыми обществами. Общества, основанные на безличных отношениях и деньгах – обществами холодными.

«Начиная с заявления Маркса и Энгельса о том, что не осталось “между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана””, до утверждения Тенниса, что “в обществе [Gesellschaft] каждый человек стремится к тому, что ему выгодно и поддерживает действия других только в той мере и до тех пор, пока они могут способствовать его интересу”, к предположению Вебера о движении от общественных отношений, “основанных на субъективных ощущениях сторон... что они принадлежат друг другу”, к более безличным ассоциативным отношениям, основанным на интересах, к точке зрения Себастьяна де Грация о том, что современная коммерческая “директива конкуренции” требует от нас сократить все эмоциональные отношения, до Фромма, который утверждает, что по крайней мере капитализм, а возможно, и вся современность заставляют нас относиться друг к другу как к машинам, – мы находим у всех этих источников и их многочисленных последователей идею современного холодного общества» (Lane 1978, p. 453).

Теплое общество основано на материальной общности – общении в условиях единства места и времени жизни, то есть на локальной общине и совместном владении основными условиями жизни – лесом, рекой, полем. Теплые общества – общества личного общения, страстей, слухов и репутаций. Холодное общество основано на безличной общности – общении в условиях единства социально-культурного

порядка и единства идей, то есть на деньгах и частной собственности.

Чем дальше шло общественное разделение деятельности и деятельной силы, тем больше делился социально-культурный порядок и права собственности. Те результаты деятельности, которые присваивают сами субъекты деятельности, образуют *внутренние* эффекты, а те результаты их деятельности, которые присваивают другие субъекты – *внешние* эффекты. Джеймс Мид описал внешние эффекты через ситуацию с садоводами, которые выращивают больше яблонь, и пчеловодами, которые не участвуют в выращивании яблонь, но выигрывают от увеличившихся возможностей для опыления. Дополнительные возможности для пчеловодов представляют собой внешний эффект от деятельности садоводов. Из этого примера ясно, что внешний эффект возникает тогда, когда хозяйственный субъект извлекает пользу из действий другого, не неся при этом расходов. Мид называет это «неоплаченным фактором производства» (см. Meade 1952, p. 56-57).

В традиционном хозяйстве, основанном на общинном владении и политической собственности, выращивание яблонь и разведение пчел были бы объединены внутри одного хозяйства. В этом случае внешние эффекты не образовывались бы или были бы присвоены самим хозяйством. Внешний эффект образуется только если садоводы и пчеловоды ведут частные хозяйства, то есть если разделены права на

яблони и права на пчел. Внешние эффекты могут быть как положительными, или благами, так и отрицательными, или злами.

Выигрыш пчеловодов тоже может быть превращен в объект права собственности, если обязать их платить за использование дополнительных возможностей для опыления. Возрастание смыслов требует в качестве своего условия разделения собственности и эффектов, но такое разделение в свою очередь требует более сложных кооперации и администрации. Эволюция частной собственности показывает, что права собственности и эффекты не могут быть окончательно и полностью разделены, всегда остается неделимый остаток, вытекающий из неопределенности среды, из того, что такое разделение само требует затрат.

3. Пределы простого самовоспроизводства

Адаптивная эффективность и гонка с неопределенностью

Люди живут в условиях неопределенности, непредсказуемости событий, их деятельность направлена на преодоление неопределенности, на то, чтобы действительность служила человеческим потребностям, а потребности соответствова-

ли действительности. Непредсказуемость касается действий сил природы, других людей и самого человека: человек иногда удивляет самого себя. Армен Алчиан предлагал при построении экономической модели начинать с неопределенности среды и мотивов человека:

«Верным эвристическим подходом было бы начинать с полной неопределенности и отсутствия мотивации, а затем добавлять элементы предвидения и мотивации в процессе построения аналитической модели. Ведь противоположный подход, который начинает с определенности и единственной мотивации, вынужден отказываться от своих основных принципов по мере того, как проявляются неопределенность и смешанные мотивации» (Alchian 1950, p. 221).

Однако подход от неопределенности не учитывает, что вся совместная эволюция людей и смыслов направлена на преодоление случайностей. «Люди имеют неустранимое стремление делать окружающую среду более предсказуемой» (Норт 2010, с. 28). Общество-культура никогда не начинает свою деятельность в состоянии полной неопределенности, оно всегда ведет ее с некоторым запасом смыслов. Люди устраняют неопределенность посредством смыслов и несут для этого затраты. Иными словами, величину неопределенности, которую необходимо устранить из события, чтобы получить факт, можно измерить величиной затрат. Для того, чтобы понять, какие именно затраты необходимо произвести, можно обратиться к пяти видам неопределенности,

указанным Дугласом Нортот:

«1. Неопределенность, которая может быть уменьшена при увеличении количества информации в рамках существующего объема знаний. 2. Неопределенность, которая может быть уменьшена при увеличении объема знания в рамках существующего институционального каркаса. 3. Неопределенность, которая может быть уменьшена только при помощи изменения институционального каркаса. 4. Неопределенность, характерная для новых, не встречавшихся прежде ситуаций, которая влечет за собой изменение структуры убеждений. 5. Остаточная неопределенность, которая выступает основой для “иррациональных” убеждений» (Норт 2010, с. 32).

Соответственно, можно выделить несколько видов затрат. Прежде всего это технологические или трансформационные издержки. Как мы видели, люди раскрывают закономерности природной и культурной среды в причинных моделях, то есть знаниях. *Технологические издержки* позволяют уменьшить неопределенность в рамках существующего объема знаний. Иногда для уменьшения неопределенности приходится увеличивать объем знаний, то есть *инвестировать* в технологии.

На технологические издержки и инвестиции накладываются затраты, связанные с необходимостью координировать деятельность людей и принимать решения. Эти затраты мы называем соответственно организационными и психологи-

ческими. Организационные издержки и инвестиции – это потери от недоверия и несправедливости, которые требуют затрат деятельности на поддержание и создание институтов, на изменение институционального каркаса. Психологические издержки – это потери от предрассудков, ложных убеждений и нерешительности, которые требуют затрат на изменение структуры убеждений, мотивацию и стимулирование.

Организационные и психологические издержки являются превышением над технологическими издержками. В новой институциональной экономике организационные и психологические издержки соединены в понятии транзакционных издержек. Хотя транзакционные издержки определяются как издержки на функционирование институтов, в них включаются также затраты на принятие решений (см. Рихтер и Фуруботн 2005, с. 11; Коуз 2007, с. 12). В дальнейшем, пользуясь понятием транзакционных издержек, мы везде будем иметь в виду эту их двойную природу.

«Остаточная неопределенность», которая не может быть снята ни технологическими, ни транзакционными издержками и инвестициями, является основой для иррациональных убеждений и прибыли. Неопределенность имеет двоякую природу. С одной стороны, она является необходимым условием для существования прибыли. Если всем все известно, прибыль получить нельзя. С другой стороны, в условиях неопределенности отсутствуют нормы и критерии, ко-

которые позволили бы субъекту выбрать решение, «максимизирующее» прибыль (см. Alchian 1950, p. 212). Прибыль всегда основана на случайности и ее размер всегда случаен.

Прибыль – это неопределенность, интегрированная в процесс самовоспроизводства общества-культуры как ее необходимый элемент, и как таковая она тоже является смыслом. Как и любой смысл, прибыль нельзя «максимизировать» здесь и сейчас, для этого недостаточно решений отдельных индивидов, а требуется социально-культурная эволюция:

«Существует альтернативный метод, который рассматривает решения и критерии, диктуемые экономической *системой*, как более важные, чем те, что принимаются индивидами. Отвлекаясь от “дерева” – оптимизационного расчета отдельных индивидов – мы можем лучше различить “лес” безличных рыночных сил. Этот подход направляет внимание на взаимосвязи среды и преобладающих типов экономического поведения, которые проявляются через процесс экономического естественного отбора. Однако это не означает, что индивидуальное предвидение и действия не влияют на характер существующего положения дел» (Alchian 1950, p. 213).

Самовоспроизводство общества-культуры строится как на определенности, так и на неопределенности. Процесс производства, обращения и потребления благ – это процесс преодоления неопределенности. С другой стороны, как показывает Роберт Сапольски, неопределенность – это усло-

вие, которое делает возможной кооперацию между людьми. Дилемма заключенного может быть решена только исходя из предположения о том, что игроки не знают, сколько раундов будет у игры и поэтому ведут себя иррационально (см. Sapolsky 2017, p. 634).

В пространстве между определенностью и неопределенностью возникает вероятность, или риск. Вероятность не следует путать ни с необходимостью, ни со случайностью. Согласно известному определению Кейнса, который позаимствовал свой подход у Найта, *неопределенным* является такое событие, для которого отсутствует основа для вычисления шансов его наступления или ненаступления; *вероятным* же является событие, для которого можно вычислить шансы (см. Кейнс 2007, с. 359-360).

Вероятность находится между необходимостью и случайностью: вероятность вариативна в отличие от необходимости и конечно вариативна в отличие от случайности. Прибыль – это случайность, а издержки – необходимость. Между ними находится вероятность, или процент. Собственность и процент представляют собой результат возрастания смыслов, постепенного превращения неопределенности в риск и разделения прав и риска. На ранних этапах своей эволюции в традиционном обществе-культуре прибыль и процент в равной степени неопределенны: величина процента близка к размеру ожидаемой прибыли. Дальнейшая эволюция процента приводит к его понижению относительно прибыли, в

этом выражается природа процента: процент – это та часть неопределенности, которую удастся превратить в риск.

Превращение неопределенности в риск и в определенность происходит в процессе деятельности – обучения, имитации, проб и ошибок. В ходе культурной эволюции происходит «двойная адаптация»: люди приспособляются к среде посредством изменения смыслов, а смыслы приспособляются к среде посредством изменения людей. Взаимная адаптация людей и смыслов определяется эффективностью обратной связи. Люди учатся тогда, когда они получают быструю и частую обратную связь на свои действия – будь то изготовление вещей, выполнение обещаний или открытие новых законов природы. Обучение происходит благодаря повторению событий, формированию устойчивых смыслов – норм или рутин. Адаптивная эффективность зависит от норм, регулирующих деятельность общества-культуры, то есть от социально-культурного порядка:

«Адаптивная эффективность относится к правилам, формирующим направление развития экономической системы во времени. Она также связана с тем, насколько сильно стремление общества к обучению и приобретению знаний, к поощрению инноваций, к риску и разнообразным видам творческой деятельности, а также к решению проблем и расширению “узких мест”, мешающих развитию общества. Нам известны далеко не все аспекты адаптивной эффективности, но очевидно, что общая институциональная структура игра-

ет ключевую роль в том, в какой степени общество и экономика поощряют эксперименты и инновации, которые мы могли бы назвать адаптивно эффективными» (Норт 1997, с. 106).

Культура и смыслы возникли как средство для преодоления неопределенности природной среды, взаимной непригодности среды и протолюдей. Культурная эволюция как адаптивный и эффективный процесс позволяет снизить эту неопределенность, приводя к созданию традиционного аграрного общества-культуры с его социально-культурным порядком, основанным на государстве, владении и политической собственности. Но эволюция смыслов ведет к повышению неопределенности уже самого общества-культуры. Чем сложнее культура, тем больше в ней случайного. Чем больше информации, тем выше неопределенность, при этом приращение неопределенного опережает приращение вероятного:

«... Строка случайна, если у нее нет краткого описания. Конечно, вы всегда можете описать двоичную строку, просто напечатав ее при помощи программы, которая говорит “напечатай s , затем остановись”. Эта программа имеет примерно такую же длину, как и сама s . Следовательно, s является случайной, если нет более короткого способа ее описания. Другими словами, когда $K(s)$ примерно равно длине s : $K(s) \approx L(s)$. Это определение случайности не имеет ничего общего с вероятностью. И действительно, Колмогоров считал, что

идея информации более фундаментальна, чем идея вероятности» (Schumacher 2015, p. 231-232).

Умножая смыслы, общество-культура умножает случайность и неопределенность. Возрастание сложности человеческой деятельности – это гонка с неопределенностью. В процессе усложнения деятельности люди снимают неопределенность, которая не позволяет им удовлетворять свои потребности, но тем самым создают еще большую неопределенность, для снятия которой им приходится еще больше усложнять свою деятельность. Это явление получило название «гонки Черной Королевы»:

«Идея об относительности любого прогресса известна в биологии как теория Черной Королевы – в честь шахматной фигуры, которую Алиса встретила в Зазеркалье и которой приходилось постоянно бежать, чтобы оставаться на месте, ибо окружающий пейзаж двигался вместе с ней. Эта идея оказывает все большее влияние на эволюционную теорию... Чем быстрее бежишь, тем быстрее вместе с тобой движется мир...» (Ридли 2011, с. 31).

Гонка с неопределенностью в процессе простого самовоспроизводства приводит к тому, что традиционное общество-культура в своих технологиях, организациях и психологиях постепенно приходит к своим пределам, за которыми оно либо коллапсирует, распадаясь на части и резко теряя в сложности (что зачастую и происходило), либо меняется в самих своих основах.

Эволюционная рациональность и пределы традиционного мышления

Герберт Саймон указывал, что теории человеческого поведения склонны впадать в крайности в своих трактовках рациональности: экономисты склонны преувеличивать возможности человеческого разума, а психологи, социологи и антропологи – преуменьшать их, подчеркивая роль мотиваций, эмоций и культуры* (см. Simon 1957, p. 1-2):

«...Экономическая теория постулирует “экономического человека”, который, будучи “экономическим”, также является “рациональным”. Предполагается, что этот человек обладает знанием соответствующих аспектов своего окружения, если не абсолютно полным, то, по крайней мере, впечатляюще ясным и объемным. Предполагается также, что он обладает хорошо организованной и устойчивой системой предпочтений, а также способностями к вычислениям, которые позволяют ему рассчитать, какой из доступных ему альтернативных вариантов действий позволит достичь наивысшего достижимого результата на шкале его предпочтений» (Simon 1957, p. 241).

В качестве примера крайнего рационализма можно привести теорию Грэма Снукса. Снукс считает, что основу экономического развития нужно искать не на стороне «предложения» или культуры, а исключительно на стороне «спроса»

или субъекта. Он возражает против того, чтобы основывать экономическую науку на понятии «эволюция», заимствованном «новой институциональной экономикой» из биологии, отмечая при этом, что экономисты напрасно не обращаются к исторической науке (Snooks 1997, p. 5). По мнению Снукаса, экономическая наука должна быть основана на понятии «динамическая стратегия»:

«В ее центре находится материалист, который пытается максимизировать вероятность выживания и процветания в конкурентном мире, характеризующемся ограниченными ресурсами. Для этого стратег следует одной из четырех неподвластных времени динамических стратегий: умножение семей (включая воспроизводство потомства и миграцию на новые земли), завоевание, коммерция и технологические изменения» (Snooks 1997, p. 6).

Выбор стратегии – это рациональный выбор, который делается путем имитации успешных людей и их практик. Снукс считает наиболее ограниченным ресурсом «интеллектуальные способности» стратегов (Snooks 1997, p. 52-53), то есть в отличие от теоретиков культурной эволюции он полагает, что отдельные люди способны «изобрести» необходимое решение. Соответственно, культурную эволюцию он считает результатом, а не движущей силой общественного развития (Snooks 1997, p. 68). Изменения в институтах и экономический рост Снукс выводит из спроса со стороны стратегов и конкурентной борьбы между их группами, а

культурные изменения рассматривает как сумму институциональных изменений и экономического роста. Людей он делит на «стратегов» или новаторов, «нестратегов» или последователей, и «антистратегов» или искателей ренты (Snooks 1997, p. 63). Снукс сводит мотивы человека к материальному потреблению, а культуру – к неопределенному собранию «всего, что вносит свой вклад в сложную структуру человеческой цивилизации» (Snooks 1997, p. 68). Он не понимает, что «стратегии» – это и есть элементы культуры, что в процессе имитации друг друга стратеги развивают культуру, а тем самым и самих себя. К точке зрения Снукса применим третий тезис о Фейербахе:

«Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом» (Маркс и Энгельс 1954-1981, т. 3, с. 2).

Отмечая, что люди не обладают всеведением и не способны решить все проблемы силой одного лишь разума, Герберт Саймон ввел принцип ограниченной рациональности:

«Способность человеческого разума формулировать и решать сложные проблемы очень мала по сравнению с разме-

ром проблем, решение которых требуется для объективно рационального поведения в реальном мире или хотя бы для разумного приближения к такой объективной рациональности» (Simon 1957, p. 198).

С чем связана ограниченность разума? Мышление сочетает в себе инстинкты, практики и разум, которые в разной степени отработаны естественным и культурным отбором. Действия, основанные на инстинктах и последовательном обучении многих поколений людей, производятся быстрее и легче, чем те действия, которые появились относительно недавно или требуют рассуждений. Даниэль Канеман называет быстрое интуитивное мышление Системой 1, а медленное осознанное – Системой 2. Система 1 – это ассоциативное, метафорическое, детерминистское мышление, которое дается легко и происходит автоматически, а Система 2 – вероятностное статистическое мышление, когда приходится думать о многом и рассуждать. Люди стремятся свести проблемы к тому, что они якобы знают, к автоматическим ассоциативным и причинным связям. Ограниченность разума, отклонения от рациональности объясняются не тем, что инстинкты или эмоции мешают разуму, а самим механизмом мышления, в котором разум – это лишь позднейший, хотя и важный элемент. Ограниченность нашего разума не позволяет нам «признать полный объем нашего невежества и неопределенность окружающего мира. Мы склонны переоценивать свое понимание мира и недооценивать роль слу-

чая в событиях» (Канеман 2016, с. 23).

По мнению Кена Бинмора, рациональность определяется не способностью людей предвидеть последствия своих действий, а тем, позволяют ли они людям воспроизвести самих себя:

«Из того факта, что люди зачастую не просчитывают все возможные последствия своих поступков, необязательно следует, что они ведут себя абсолютно иррационально. Теория игр достигла заметных успехов в объяснении поведения пауков и рыб, хотя они вообще не обладают интеллектом. Животные, не способные мыслить, зачастую ведут себя так, как если бы они были вполне рациональными, поскольку виды, которые вели себя иррационально, попросту вымерли. Коммерческими компаниями тоже далеко не всегда управляют самые умные люди, но рынок так же безжалостен, как и природа, – он уберет со сцены фирмы, работающие неэффективно» (Бинмор 2019, с. 12-13).

В данном случае мы имеем дело с другой крайностью, обратной взглядам Снукса: индивид может не быть рациональным, рациональной является популяция. Популяция может делать ошибки и при этом продолжать эволюционировать, а отдельная особь не эволюционирует – в отличие от популяции индивиды смертны. Одна точка зрения возвышает разум, сводя всю историю к результатам свободного выбора и не признавая эволюцию стратегий. Другая точка зрения сводит разум к последовательной деятельности: индивиды сле-

дуют программам по максимизации полезности, эволюция отбирает наиболее успешные программы.

Ограниченность мышления не является причиной для того, чтобы отрицать способность людей делать выбор, хотя инстинкты и практики, которые сплавлялись воедино на протяжении сотен тысяч и миллионов лет, являются набором мощных программ, которым следуют люди. Мышление человека представляет собой единство отбора и выбора, программы и разума. «Смещение обычаев и выбора в любое время почти тавтологически порождает существующую культуру» (Jones 2006, p. 261).

Как и биологическая эволюция, эволюция смыслов не ищет «самое лучшее», «максимальное» решение, она ищет лишь «подходящее», «минимальное» решение. Это касается как вещения и общения, так и мышления. Эволюционная рациональность исходит не из величины полезности и принципа максимизации, а из предпочтений и склонностей, которые ведут к выбору необходимого и достаточного варианта в условиях неопределенности. При этом полезность является лишь одним из *не упорядоченных* между собой смыслов, между которыми выбирает человек, наряду с моралью, мечтами, идеалами и другими. Потребности и мышление людей сформированы обществом-культурой, и люди ведут себя рационально не только тогда, когда они максимизируют полезность, но и тогда, когда они стремятся соблюдать нормы – то есть усвоенную ими социально-культурную программу:

«Рациональное поведение означает, что человек, столкнувшись с тем, что не в состоянии удовлетворить все свои влечения, желания и потребности, отказывается от удовлетворения тех, которые он считает менее насущными. Чтобы не подвергать опасности функционирование общественного сотрудничества, человек вынужден воздерживаться от удовлетворения тех желаний, которые будут препятствовать существованию социальных институтов» (Мизес 2005, с. 163).

Эволюционная рациональность исходит не из предположения об ограниченности разума, а из предположения о меняющейся роли разума и выбора в процессе культурной эволюции и личного взросления. Разум ребенка начинается как некритическое восприятие действий другого человека. Человеческий мозг и разум развились для того, чтобы убеждать других, а не для того, чтобы что-то решать самому, но теперь мы пытаемся пользоваться разумом, чтобы выбирать:

«В работе “Загадка разума” Хьюго Мерсье и Дэна Спербера, которая уже признана крупным достижением, показано, что *сам разум* развился для стратегической цели убеждения других, а не для улучшения нашего собственного принятия решений. Наша способность рассуждать нужна для того, чтобы придумывать “уважительные причины”, и для этого мы обычно ею пользуемся. Еще более важно то, что огромное увеличение мозга, которое произошло за последние два миллиона лет, было вызвано потребностью в общении» (Collier 2018, p. 35).

Традиционный выбор обеспечил ускорение эволюции смыслов по сравнению со смешанным и культурным отбором. Однако традиционный выбор оставался ограничен обычаями, традициями и другими практиками, передаваемыми путем культурного обучения. Культурная эволюция повышает изощренность разума и позволяет людям решать все более сложные проблемы. Но вследствие гонки с неопределенностью возрастает и сложность проблем. Границы традиционного мышления проходят там, где обычаи и другие практики становятся препятствием для культурной эволюции. Простое самовоспроизводство заканчивается тогда, когда смыслы оказываются препятствием для собственного возрастания, и когда общество-культура находит пути для преодоления этого препятствия.

Возрастание традиционной сложности и ее пределы

Для простого самовоспроизводства характерен относительно медленный рост как населения, так и сложности смыслов. В традиционном обществе-культуре производительность почти не растет, рост населения периодически опережает рост производства. При этом неопределенность природной и социально-культурной среды ведет к колебаниям в объеме производства, прежде всего продуктов питания, что периодически приводит к неспособности об-

щества-культуры поддерживать хотя бы текущую социально-культурную сложность и ее коллапсам.

Сложность любого общества-культуры может расти лишь вместе со сложностью составляющих его личностей, хотя темпы их роста несопоставимы. За последние несколько тысяч лет характеристики человеческого мозга практически не изменились, а сложность обучения и сложность общества-культуры выросли. При этом сложность индивидуальной деятельной силы выросла главным образом за счет удлинения периода обучения. Основная доля в приросте совокупной сложности приходится на разделение порядка, специализацию деятельности и усложнение средств деятельности, то есть на социально-культурную, а не на личную сложность.

Как мы видели, разница между сложностью общества-культуры и сложностью составляющих его личностей является источником прибавочной деятельности и ее продукта, или «излишка». В аграрном обществе подавляющее большинство населения занято в сельском хозяйстве, поэтому излишек принимает преимущественную форму сельскохозяйственной деятельности и ее продуктов. Аграрный излишек был условием для развития городов и неаграрных видов деятельности:

«Хотя большинство фермеров и крестьян по отдельности производили очень мало излишков, совокупного излишка миллионов сельскохозяйственных рабочих было достаточно,

чтобы поддерживать большое количество городов и способствовать развитию промышленности, торговли и банковского дела. Хотя они восхищались сельским хозяйством и зависели от него, римляне буквально отождествляли “цивилизацию” с городами (*civitates*)» (Lopez 1976, p. 6).

Медленное усложнение традиционного общества-культуры вело к стагнации сельскохозяйственного излишка, а потому и к стагнации неаграрных видов деятельности – ремесел и торговли – и городов, в которых концентрировались эти виды деятельности.

Почему традиционное общество-культура самовоспроизводится лишь простым образом, почему так медленно возрастает его сложность и производительность? Можно назвать несколько причин:

- низкая социальность и обособленность общин, ограниченное общение за пределами узкого круга знакомых и родственников;

- однообразии культурного и индивидуального опыта, низкая специализация деятельности и деятельной силы в условиях натурального хозяйства и личной зависимости;

- косность порядка, которая препятствует возрастанию личной сложности, обучению и творчеству;

- инертность традиционного выбора и социально-культурных норм и ценностей, которые ограничивают рациональность и выбор между контрафактами.

Простое самовоспроизводство – это самовоспроизводство

небольших общин в условиях натурального хозяйства и личной зависимости. Потребление в таких общинах сводится к удовлетворению самых простых потребностей существования и общения, производство носит мелкий и кустарный характер, обращение в основном сводится к местной торговле. Почти все общение сводится к общению со знакомыми людьми:

«На протяжении большей части экономической истории господствовал тип обмена, характеризующийся персонифицированными отношениями сторон в процессе мелкого производства и местной торговли. Обычно такой обмен отличался повторяемостью, культурной гомогенностью (т.е. наличием общего набора ценностей) и отсутствием контроля и принуждения со стороны третьих лиц (в чем и не было особой необходимости). В этих условиях трансакционные издержки невысоки, но зато трансформационные издержки были велики ввиду того, что специализация и разделение труда находились в зачаточном состоянии. Для такого типа обмена характерны небольшие экономические или торговые общности» (Норт 1997, с. 54).

Объединение общин в вождества и государства не меняло саму природу общины. Традиционный порядок, коренившийся в общине, нельзя было преодолеть и на уровне империи. Роберт Лопес перечисляет некоторые препятствия, которые не позволили древнеримской экономике выйти за ограничения простого самовоспроизводства. По нашему

мнению, это перечисление можно распространить и на другие традиционные государства (см. Lopez 1976, p. 7-8):

- полная или частичная правительственная монополия на производство и обращение соли, зерна, металлов, мрамора и т. д.;

- ограничения на внешнюю торговлю, запрет на вывоз золота, стратегических материалов, продовольствия;

- отсутствие спроса на иноземные товары ввиду почти полного самообеспечения;

- слабая внутренняя торговля из-за постепенной унификации производства и потребления;

- «самым серьезным препятствием для коммерческого развития было психологическое препятствие; торговля считалась низменным занятием, недостойным джентльменов, но вполне подходящим для простолюдинов, которые не смогли бы найти более достойного средства к существованию».

Для преодоления простого самовоспроизводства был необходим не просто излишек от сельскохозяйственной деятельности, взятый в его натуральной форме барщины или оброка. Для такого преодоления было необходимо, чтобы излишек приобрел стоимостную, то есть денежную форму, чтобы он накапливался, то есть сберегался и инвестировался, направлялся не на потребление, а на производство. Прибавочная деятельность и ее продукты должны были превратиться в прибавочную стоимость, а прибавочная стоимость

– в капитал. Капитал, более сложные виды и средства деятельности, в которых он материализуется, не мог быть создан только в сельском хозяйстве, он требовал развития коммерции и ремесел:

«Без капитала и, следовательно, со скромными инструментами ремесленник быстро достигал потолка – объема, который он мог произвести в одиночку. Это, в свою очередь, создавало замкнутый круг: он производил мало излишков, потому что у него не было приспособлений для экономии труда и денег, чтобы нанять помощников – и не мог купить приспособления или нанять помощников, потому что производил мало излишков. Без сомнения, этот круг можно было бы разорвать, если бы он нашел кого-нибудь, готового одолжить ему капитал; но низкая отдача от инвестиций не позволяла ему получить кредит на разумных условиях» (Lopez 1976, p. 9).

Во второй части настоящей книги мы более подробно рассмотрим, как был преодолен замкнутый круг простого самовоспроизводства. Возрастание смыслов нельзя остановить – поскольку нельзя остановить гонку с неопределенностью. Эволюция смыслов постоянно продолжается и ведет к постепенному росту эффективности и производительности. Постепенное, пусть и очень медленное, развитие сельского хозяйства было одной из необходимых предпосылок для коммерческой и промышленной революций:

«Как демографический рост был основным двигателем

сельскохозяйственного прогресса, так сельскохозяйственный прогресс был важной предпосылкой коммерческой революции. Пока крестьяне едва могли обеспечивать свое существование и существование своих помещиков, вся остальная деятельность должна была быть минимальной. Когда излишки продовольствия увеличились, стало возможным высвободить больше людей для государственных, религиозных и культурных занятий. Города вновь вышли из затянувшейся депрессии. Купцы и ремесленники смогли сделать больше, чем дать пригоршню предметов роскоши богатым и немного предметов первой необходимости для аграрного общества в целом. С этой точки зрения уместно сказать, что революция началась с усадьбы» (Lopez 1976, p. 56).

Там, где развитие *холодной социальности* приводит к преодолению случайной полезности и эпизодических цен и к складыванию потребительной ценности (в форме постоянно растущей нормы потребления) и стоимости (в форме денежной нормы и наемного труда), там происходит постепенное расширение безличного рынка и складывание товарного производства:

«По мере роста объема и масштабов обмена стороны пытались установить более устойчивые связи с клиентами или персонифицировать обмен. Но чем разнообразнее становился обмен, чем больше происходило актов обмена, тем более сложные соглашения требовались между сторонами и тем труднее было заключать такие соглашения. Поэтому стал

развиваться второй тип обмена – неперсонифицированный. Ограничения, которые испытывали участники такого обмена, возникали из наличия кровных связей, залогов, обмена заложниками или торговых кодексов поведения. Такой обмен часто происходил в рамках сложных ритуалов и религиозных предписаний, призванных служить ограничениями для партнеров. На таких институциональных конструкциях происходило раннее развитие обмена между партнерами, разделенными большим расстоянием и культурными различиями, а также на ярмарках средневековой Европы. Эти конструкции позволили расширить рынок и реализовать выгоды более сложного производства и обмена, выходящего за пределы небольших географических единиц» (Норт 1997, с. 54-55).

Возрастание социальности традиционных обществ-культур выражается также в распространении государств и их идеологий, вытеснении варварства и язычества, постепенном разрушении традиционных общин и порядка владения, распространении политической, а затем частной собственности на средства производства, переходе от личной зависимости к наемному труду:

«В демографических условиях раннего государственного строительства, когда традиционные средства производства были многочисленны и не монополизированы, появление излишков было возможно только в рамках той или иной формы несвободного, принудительного труда – барщи-

ны, вынужденных поставок зерна и других продуктов, долговой кабалы, крепостного права, круговой поруки и уплаты дани, а также разных форм рабства. Как мы увидим далее, каждое древнейшее государство использовало свое уникальное сочетание видов принудительного труда и нуждалось в сохранении хрупкого баланса между максимизацией государственных излишков с одной стороны и риском провоцирования массового бегства подданных, особенно при наличии открытой границы, – с другой. Лишь значительно позже, когда мир оказался как бы полностью оккупирован государствами, а средства производства стали принадлежать или управляться исключительно государственными элитами, контроль средств производства (земли), без институтов закабаления, стал достаточен для того, чтобы обеспечивать излишки» (Скотт 2020, с. 177-178).

Замкнутый круг простого самовоспроизводства разрывается путем перехода к новому, расширенному, типу самовоспроизводства. Расширенное самовоспроизводство связано со становлением и развитием капитала и поэтому традиционно именуется капитализмом. Вторая часть книги посвящена рассмотрению расширенного самовоспроизводства, при котором относительно быстро растут и население, и сложность смыслов.

Список литературы

Аглиетта, М и А. Орлеан. 2006. *Деньги между насилием и доверием*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Акерлоф, Д. и Р. Крэнтон. 2011. *Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны*. М.: Карьера Пресс.

Алчиан, А. 2000. Стоимость. В Гальперин, В. М. (ред.). *Вехи экономической мысли*. Том 3. Рынки факторов производства. СПб.: Экономическая школа.

Аристотель. 1976-1983. *Сочинения*. 4 тома. М.: Мысль.

Берг, Р. Л. 1993. *Генетика и эволюция. Избранные труды*. Новосибирск: ВО «Наука».

Бергер, П. и Т. Лукман. 1995. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания*. М.: Издательство «Медиум».

Бинмор, К. 2019. *Теория игр: очень краткое введение*. М.: Издательский дом ДЕЛО.

Вебер, М. 1990. *Избранные произведения*. М.: Прогресс.

Вебер, М. 2016-2019. *Хозяйство и общество*. 4 тома. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Вежбицкая, А. 2011. Общий язык всех людей: врожденный язык мыслей. *Проблемы передачи информации*, 47 (4), 84-103.

Визель, Т. Г. 2021. *Основы нейропсихологии. Теория и практика*. М.: Издательство АСТ.

Виноградов И. М. и др. 1977-1985. *Математическая энциклопедия*. 5 томов. М.: Советская энциклопедия.

Герген, К. Дж. 2016. *Социальная конструкция в контексте*. Харьков: Гуманитарный Центр.

Дарвин, Ч. 1935-1959. *Сочинения*. 9 томов. М.: Издательство Академии наук СССР.

Докинз, Р. 2013. *Эгоистичный ген*. М.: АСТ: CORPUS.

Докинз, Р. 2019. *Слепой часовщик. Как эволюция доказывает отсутствие замысла во Вселенной*. М.: Издательство АСТ.

Домингос, П. 2016. *Верховный алгоритм. Как машинное обучение изменит наш мир*. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Ельмслев, Л. 1960. Прологомены к теории языка. В *Новое в лингвистике*. Вып. 1. С. 264-389. М.: Издательство иностранной литературы.

Зорина, З. А. и А. А. Смирнова. 2006. *О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами?* М.: Языки славянских культур.

Ильенков, Э. В. 2019-. *Собрание сочинений*. 10 томов. М.: Канон-Плюс.

Канеман, Д. 2016. *Думай медленно... решай быстро*. М.: Издательство АСТ.

Капица, С. П. 2009. *Общая теория роста человечества*. М.: ММВБ.

Кастлер, Г. 1967. *Возникновение биологической организации*. М.: Издательство «Мир».

Кейнс, Д. М. 2007. *Общая теория занятости, процента и денег. Избранное*. М.: Эксмо. Оригинал: Keynes, J. M. 2018. *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. Palgrave Macmillan.

Коротаев, А. В. 2003. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Восточная литература.

Коуз, Р. 2007. *Фирма, рынок и право*. М.: Новое издательство.

Крушинский, Л. В. 1986. *Биологические основы рассудочной деятельности: Эволюционные и физиолого-генетические аспекты поведения*. М.: Издательство МГУ.

Ленин, В. И. 1967-1975. *Полное собрание сочинений*. 55 томов. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы.

Леонтьев, А. Н. 1971. *Потребности, мотивы, эмоции*. М.: Издательство МГУ.

Леонтьев, А. Н. 1983. *Избранные психологические произведения*. 2 тома. М.: Педагогика.

Ливи Баччи, М. 2010. *Демографическая история Европы*. СПб.: Александрия.

Лотман, Ю. М. 1998. *Об искусстве*. С.-Пб.: Искусство-СПб.

Манн, М. 2018-2019. *Источники социальной власти*. 4 тома. М.: Издательский дом «Дело».

Маркс, К. и Ф. Энгельс. 1954-1981. *Сочинения*. 50 томов.

2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Оригинал: Marx, K. und F. Engels 1956-1990. *Werke*. 43 Bände. Berlin: Dietz Verlag.

Менгер, К. 2005. *Избранные работы*. М.: Издательский дом «Территория будущего».

Месуди, А. 2019. *Культурная эволюция. Как теория Дарвина может пролить свет на человеческую культуру и объединить социальные науки*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Мид, Дж. 1994. От жеста к символу. В *Американская социологическая мысль: Тексты* / Под ред. В. И. Добренькова. С. 215-224. М.: Издательство МГУ.

Мизес, Л. 2005. *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. Челябинск: Социум.

Моисеев, Н. Н. 1990. *Человек и ноосфера*. М.: Молодая гвардия.

Найт, Ф. 2003. *Риск, неопределенность и прибыль*. М.: Дело.

Норт, Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА».

Норт, Д. 2010. *Понимание процесса экономических изменений*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Ньютон, И. 1997. Об универсальном языке. *Семиотика и информатика* (35), 319-350.

Олсон, М. 2010. Диктатура, демократия и развитие. *Эко-*

номическая политика (1), 167-183.

Павлов, И. П. 1973. *Двадцатилетний опыт объективно-го изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных*. М.: Наука.

Панов, Е. Н. 2012. *Парадокс непрерывности: Языковой рубикон: О непреодолимой пропасти между коммуникацией у животных и языком человека*. М.: Языки славянских культур.

Парсонс, Т. 2002. *О социальных системах*. М.: Академический Проект.

Пикетти, Т. 2015. *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем.

Платон. 1990-1994. *Собрание сочинений*. 4 тома. М.: Мысль.

Поланьи, К. 2014. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. Оригинал: Polanyi, K. 2001. *The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time*. Boston, Massachusetts: Beacon Press.

Ридли, М. 2011. *Секс и эволюция человеческой природы*. М.: Эксмо.

Самуэльсон, П. А. 2002. *Основы экономического анализа*. СПб.: Экономическая школа.

Скотт, Д. 2020. *Против зерна: глубинная история древнейших государств*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. Оригинал: Scott, J. C. 2017. *Against the Grain: A Deep History of the Earliest States*. New Haven and London: Yale University

Press.

Смил, В. 2020. *Энергия и цивилизация*. М.: Эксмо. Оригинал: Smil, V. 2017. *Energy and civilization: a history*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Теннис, Ф. 2002. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*. СПб.: Владимир Даль.

Фридман, В. С. 2019. *От стимула к символу: сигналы в коммуникации позвоночных*. 2 части. М.: Либроком.

Фуруботн, Э. и Р. Рихтер. 2005. *Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории*. СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. унта.

Хайдеггер, М. 1997. *Бытие и время*. М.: Ad Marginem.

Хайек, Ф. А. 1992. *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма*. М.: Новости.

Хайек, Ф. А. 2020. *Индивидуализм и экономический порядок*. Москва; Челябинск: Социум.

Хиршман, А. О. 2012. *Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа*. М.: Изд. Института Гайдара.

Циолковский, К. Э. 2004. *Космическая философия*. М.: Сфера.

Чечулин, В. Л. 2011. Об этимологии слова «смысл» в русском и некоторых европейских языках. *Приволжский научный вестник* (3), 77-79.

Эйнштейн, А. 1965-1967. *Собрание научных трудов*. 4 то-

ма. М.: Издательство «Наука».

Acemoglu, D. and J. Robinson. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. Profile Books. Русский перевод: Аджемоглу, Д. и Дж. А. Робинсон. 2015. *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: Издательство АСТ.

Alchian, A. A. 1950. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory. *Journal of Political Economy* 58 (3), 211-221.

Alderfer, C. P. 1969. An Empirical Test of a New Theory of Human Needs. *Organizational Behavior and Human Performance*. 4 (2). 142-175.

Arthur, W. B. 2011. *The Nature of Technology*. N. Y.: Free Press.

Benjamin, C. 2016. *The Big History of Civilizations*. Course Guidebook. Retrieved from www.thegreatcourses.com.

Blasi, D. E., S. Wichmann, H. Hammarström, P. F. Stadler and M. H. Christiansen. 2016. Sound–Meaning Association Biases Evidenced across Thousands of Languages. *PNAS* 39 (113), 10818–10823.

Boulding, K. 1985. *The World as a Total System*. Sage Publications.

Campbell D. T. 1959. Methodological Suggestions from a Comparative Psychology of Knowledge Processes. *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy* (2) 1-4, 152-182.

Collier, P. 2018. *The Future of Capitalism: Facing the New Anxieties*. HarperCollins. Русский перевод: Коллиер, П. 2021.

Будущее капитализма. М.: Издательство Института Гайдара.

Deacon, T. 1997. *The Symbolic Species: The Co-evolution of Language and the Brain*. N. Y.: W. W. Norton & Company.

Deacon, T. 2013. *Incomplete Nature: How Mind Emerged from Matter*. W. W. Norton.

Denton, D. A., M. J. McKinley, M. Farrell and G. F. Egan. 2009. The Role of Primordial Emotions in the Evolutionary Origin of Consciousness. *Consciousness and Cognition* 18 (2009). 500-514.

Durham, W. H. 1991. *Coevolution: Genes, Culture, and Human Diversity*. Stanford, California: Stanford University Press.

Frisina, W. G. 2002. *The Unity of Knowledge and Action: Toward a Nonrepresentational Theory of Knowledge*. N. Y.: State University of New York.

Gould, S. J. 1992. *Bully for Brontosaurus: Reflections in Natural History*. N. Y.: W. W. Norton & Company.

Graziano, M. S. A. 2013. *Consciousness and the Social Brain*. N. Y.: Oxford University Press.

Grim, P. 2017. *The Mind-Body Philosophy*. Course Guidebook. Retrieved from www.thegreatcourses.com.

Harris, R. 1980. *The Language-Makers*. Ithaca, New York: Cornell University Press.

Hayek, F. A. 1967. *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Chicago: University of Chicago Press.

Heinsohn, G. und O. Steiger. 2009. *Eigentum, Zins und Geld: Ungelöste Rätsel der Wirtschaftswissenschaft*. Fünfte Auflage. Marburg: Metropolis-Verlag.

Henrich, J. 2016. *The Secret of Our Success: How Culture Is Driving Human Evolution, Domesticating Our Species, and Making Us Smarter*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.

Hofstadter, D. R. 2007. *I Am a Strange Loop*. N. Y.: Basic Books.

Hruschka, D. J. and J. Henrich. 2013. Economic and Evolutionary Hypotheses for Cross-Population Variation in Parochialism. *Frontiers in Human Neuroscience*. 7 (559). 1-10.

Hutchison C. A. III et al. 2016. Design and Synthesis of a Minimal Bacterial Genome. *Science* 351 (6280), aad6253.

Jablonka, E. and M. J. Lamb. 2006. The Evolution of Information in the Major Transitions. *Journal of Theoretical Biology* 239 (2006). 236-246.

Jaynes, J. 1976. *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*. Boston: Houghton Mifflin Company.

Jones, E. L. 2006. *Cultures Merging: A Historical and Economic Critique of Culture*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.

Karatani, K. 2014. *The Structure of World History*. Durham and London: Duke University Press.

King, B. J. 2001. *Roots of Human Behavior*. Course Guidebook. Retrieved from www.thegreatcourses.com.

- Kroeber, A. 1952. *The Nature of Culture*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
- Lane, R. E. 1978. Interpersonal Relations and Leadership in a “Cold Society”. *Comparative Politics* 10 (4). 443-459.
- Lewens, T. 2018. *Cultural Evolution*. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Retrieved from plato.stanford.edu.
- Lopez, R. S. 1976. *The Commercial Revolution of the Middle Ages, 950-1350*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Malanima, P. 2009. *Pre-Modern European Economy: One Thousand Years (10th-19th Centuries)*. Leiden, Boston: Brill.
- Meade, J. E. 1952. External Economies and Diseconomies in a Competitive Situation. *The Economic Journal* 62 (245). 54-67.
- Mirowski, P. 1989. *More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics*. Cambridge University Press.
- Morin, E. 2008. *On Complexity*. Cresskill, N. J.: Hampton Press. Русский перевод: Морен, Э. 2019. О сложности. М.: Институт общегуманитарных исследований.
- Nancy, J.-L. 2002. *Hegel: the Restlessness of the Negative*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Negri, A. 2014. *Factory of Strategy: Thirty-three Lessons on Lenin*. N. Y.: Columbia University Press.
- Page, S. E. 2009. *Understanding Complexity*. Course Guidebook. Retrieved from www.thegreatcourses.com.
- Pearl, J. and D. Mackenzie. 2018. *The Book of Why: The New Science of Cause and Effect*. N. Y.: Basic Books. Русский пере-

вод: Перл, Д. и Д. Маккензи. 2022. *Думай «почему?»». Причина и следствие как ключ к мышлению*. М.: Издательство АСТ.

Penn, D. C., K. J. Holyoak, and D. J. Povinelli. 2008. Darwin's Mistake: Explaining the Discontinuity between Human and Nonhuman Minds. *Behavioral and Brain Sciences* 31, 109–178.

Rokeach, M. 1973. *The Nature of Human Values*. N. Y.: The Free Press.

Sapolsky, R. M. 2017. *Behave: The Biology of Humans at our Best and Worst*. N. Y.: Penguin Press. Русский перевод: Сапольски, Р. 2019. *Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки*. М.: Альпина нон-фикшн.

Schumacher, B. 2015. *The Science of Information: From Language to Black Holes*. Course Guidebook. Retrieved from www.thegreatcourses.com.

Simmel, G. 1930. *Philosophie des Geldes*. München und Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. Частичный русский перевод: Зиммель, Г. 2015. *Избранное. Проблемы социологии*. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив.

Snooks, G. D. 1997. *The Ephemeral Civilization: Exploding the Myth of Social Evolution*. L. & N. Y.: Routledge.

Zerzan, J. 2012. *Future Primitive Revisited*. Port Townsend, WA: Feral House. Русский перевод: Зерзан, Дж. 2007. *Первобытный человек будущего*. М.: Гилея.